

С.М.Акимбеков

Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии

Содержание

Введение

Глава 1.

Формирование современного статуса Афганистана

1.1. Исторические предпосылки

1.2. Революция в России и изменение геополитической ситуации в регионе

1.3. Распад Британской империи и изменение геополитической ситуации в регионе Центральной Азии

1.4. Процессы модернизации в исламских обществах

1.4.1. Синтез светского и духовного начал в управлении исламским обществом

1.4.2. Влияние Запада в колониальную эпоху и модернизация исламского общества

1.4.3. Условия развития процессов модернизации

1.4.4. Влияние арабо-израильского конфликта на процессы модернизации в мусульманском мире

1.4.5. Проблема движения сторонников “чистого ислама” в современном мусульманском обществе

1.5. Процессы модернизации в исламском мире и Афганистан

1.6. Революция в Афганистане, как вызов существующим геополитическим приоритетам в регионе Центральной Азии

1.7. Характер новой геополитической угрозы для СССР в конце семидесятых годов в связи с революцией в Афганистане

1.8. Ввод советских войск в Афганистан. Нарушение геополитического равновесия

Глава 2.

Трансформация концепции геополитической безопасности бывшего СССР в южном направлении через интересы новых независимых государств Центральной Азии

[2.1. Распад СССР и формирование новой геополитической реальности в регионе Центральной Азии](#)

[2.2. Конфликт в Таджикистане и его влияние на состояние региональной системы безопасности](#)

[2.3. Развитие политической ситуации в Афганистане и ее взаимодействие с региональной системой безопасности ННГ Центральной Азии](#)

[2.4. Изменение геополитической ситуации вокруг Афганистана в период с 1992 по 1994 гг. и появление движения Талибан](#)

[2.5. Захват движением Талибан Кабула и кардинальное изменение ситуации в Афганистане и вокруг него](#)

[2.6. Двойной мятеж узбекского генерала Малика в мае 1997 года и перспективы стабильности Северного антиталибского альянса](#)

[2.7. Второе наступление талибов на севере Афганистана осенью 1997 года](#)

[2.8. Итоги 1997 года в Афганистане и геополитическая обстановка вокруг афганского конфликта](#)

[2.9. Наступление талибов в августе-сентябре 1998 года и перспективы системы безопасности Центральной Азии](#)

[Заключение](#)

[Примечания](#)

Введение

Современная ситуация в Афганистане является одной из самых сложных внешнеполитических проблем, доставшихся Новым Независимым Государствам (ННГ) Центральной Азии в наследство от бывшего СССР. После распада Советского Союза правящие элиты ННГ Центральной Азии вынуждены были принять политическую ответственность за южное стратегическое направление внешней политики и системы безопасности одной из двух мировых сверхдержав - бывшего СССР. Активная вовлеченность Советского Союза в афганские события с конца 1979 года и то место, которое занимал Афганистан в обеспечении системы безопасности бывшего СССР в южном направлении, предопределили все возрастающее давление критического потенциала из зоны афганского конфликта на ННГ Центральной Азии.

После 1991 года ННГ Центральной Азии столкнулись с первоочередной задачей необходимости адаптации бывшей системы безопасности СССР к новым историческим условиям. Если в Западной европейской части бывшего Восточного блока падение “железного занавеса” вызвало бурный рост экономических обменов и политических взаимодействий между странами и сообществами, то на южном направлении была сохранена взаимная системная изоляция территорий, входивших в состав СССР от внешнего мира. Этому в первую очередь способствовали два обстоятельства. С одной стороны, факт продолжения гражданской войны в Афганистане, с другой, значительные системные отличия региона бывшей Советской Средней Азии, приобретенные за годы

советского правления от ситуации в соседних государствах, принадлежащих мусульманскому миру.

Во многом, в силу отсутствия необходимого опыта проведения внешней политики у новых правящих элит ННГ Центральной Азии, получивших независимость вследствие развития процессов либерализации в России, вполне естественной выглядела тенденция к самоизоляции от проблем, связанных с афганским наследием советской внешней политики.

В первой половине девяностых ННГ Центральной Азии при поддержке России, сохранившей свое влияние в Таджикистане, с целью сохранения изоляции зоны афганского конфликта, установили тесные отношения с рядом афганских военно-политических группировок, выстроив, тем самым, на Севере Афганистана систему буферных псевдогосударственных объединений. Это позволило с минимальными затратами обеспечить режим изоляции зоны афганского конфликта от территории ННГ Центральной Азии. Данная система вполне успешно способствовала решению главной внешнеполитической задачи, стоявшей перед ННГ Центральной Азии вплоть до ее краха летом-осенью 1998 года.

Период с начала 1992 года до середины 1998 года в некоторой степени можно рассматривать как переходный этап от системы безопасности СССР, сверхдержавы, игравшей огромную самостоятельную роль на афганской политической сцене в частности, и в регионе в целом, к региональной системе безопасности ННГ Центральной Азии. В силу геополитического значения региона Центральной Азии в современной мировой политике, становление региональной системы безопасности, равно как и развитие ситуации во внутриафганском конфликте происходит при участии и взаимной борьбе интересов крупнейших мировых держав, таких как США и Россия, а также региональных лидеров, Ирана, Пакистана и других. При всей сложности происходящих геополитических построений и комбинаций вокруг Афганистана и Центральной Азии, равно как и зависимости центральноазиатских государств от внешнего влияния, региональная система безопасности выдвигает общие требования - сохранения стабильности и достигнутых уровней модернизации вновь образованных политических систем Новых Независимых Государств. Соответственно, именно афганский конфликт и тесно связанное с ним геополитическое соперничество в регионе, на длительную перспективу остается главной внешнеполитической угрозой для стабильности и неизменности ННГ Центральной Азии.

Понять специфику афганского конфликта и основные закономерности тех процессов, которые привели Афганистан к его нынешнему состоянию, является важнейшим необходимым элементом государственного строительства Новых Независимых Государств Центральной Азии, долгое время находившихся в изоляции от процессов, происходивших в остальном мусульманском мире. На характер государственности ННГ Центральной Азии, несомненно, оказал влияние тот факт, что на протяжении 70 лет мусульманские районы советской Средней Азии являлись составной частью единого системного организма - СССР. Поэтому элиты и общества ННГ Центральной Азии, так или иначе, должны практически заново строить систему своих международных отношений с учетом тех основных процессов и закономерностей, характерных для остального мусульманского мира.

Конфликт в Афганистане и особенно его результаты это крайняя радикальная форма последствий развития процессов модернизации в мусульманском обществе. Причем, модернизации, проведенной под социалистическими лозунгами и в рамках советского эксперимента по ускоренной модернизации жизнедеятельности традиционных

мусульманских обществ. Современные сообщества ННГ Центральной Азии также были участниками этого эксперимента. Во многом поэтому, основные закономерности развития афганской ситуации требуют самого пристального внимания со стороны новых центральноазиатских государств.

ГЛАВА 1.

Формирование современного статуса Афганистана

1.1. Исторические предпосылки

Взаимное проникновение в XIX веке навстречу друг другу в регионе Центральной Азии двух империй, Российской и Британской, достаточно полно освещалось в исторической литературе. Как известно, Британская империя стремилась обеспечить безопасность своих колоний в Индии, “жемчужины” британской короны. Во многом, именно это было стратегической целью расширения влияния Великобритании в северо-западном направлении от Британской Индии.

В течение XIX - в начале XX веков Великобритания вела три англо-афганские войны, стремясь укрепить свое влияние на подступах к Индии. В ходе развития англо-афганских отношений в конце XIX века была определена северо-западная граница английских владений в Индии. В результате соглашения, подписанного 12 ноября 1893 года эмиром Афганистана Абдуррахман-ханом и британским представителем М. Дюрандом, в качестве границы между Британской Индией и Афганистаном была принята так называемая “линия Дюранда”, которая в настоящее время представляет границу между Афганистаном и Пакистаном.

После экзотической попытки похода в Индию, предпринятой донскими казаками в 1801 году во времена франко-русского союза при императоре Павле, Российская империя только в середине XIX века окончательно вышла на границу с Афганистаном. В вассальные отношения с Российской империей после серии поражений вступили Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства. В 1881 году в результате штурма Геок-Тепе войсками генерала Скобелева окончательно были присоединены туркменские племена.

Таким образом, была обозначена граница максимального продвижения Российской империи в южном направлении. В случае дальнейшего движения на юг было вполне реально столкновение интересов Российской и Британской империи. В то же время, ни Россия, ни Великобритания не стремились к широкомасштабной конфронтации друг с другом в условиях вполне вероятного активного противодействия в Афганистане и Иране. Установление контроля над Ираном и Афганистаном было на тот момент для обеих колониальных империй нецелесообразно с экономической точки зрения и неэффективно с военной. В конечном итоге, именно новые геополитические реалии в Центральной Азии, связанные с противостоянием двух колониальных империй во многом и предопределили независимый статус Афганистана и Ирана к концу XIX века.

На тот исторический момент Афганистан представлял собой буферное государство, разделявшее территории, контролируемые Российской и Британской империями. Буферный статус Афганистана был в конечном итоге предопределен компромиссом интересов между Санкт-Петербургом и Лондоном в регионе Центральной Азии. Компромисс был закреплен англо-русскими соглашениями 1873 и 1887 года. Реально по этим соглашениям была установлена северная и северо-западная границы Афганистана с

территориями в Центральной Азии, контролируемые Российской империей. В то время как “линия Дюранда” определила южную и юго-восточную границы страны, отделявшую независимый Афганистан от территории Британской Индии.

“Линия Дюранда” оставила многие пуштунские племена на территории Британской Индии вне границ Афганистана, где они составили большинство населения в Северо-западной пограничной провинции (СЗПП). В то же время, англо-русские соглашения 1873 и 1887 годов позволили Афганистану окончательно укрепиться в так называемом Афганском Туркестане, расположенном севернее горной гряды Гиндукуш, за перевалом Саланг, где до этого существовали различные независимые или полунезависимые феодальные владения. Например, такие, как узбекское владение Меймене, ханство Кундуз и владения хазарейских беков.

Некоторые провинции центральной и северной части страны были окончательно присоединены к Афганистану только в конце XIX века, уже после подписания англо-русских соглашений. Так, Хазарджат, расположенный северо-западнее Кабула в центре страны, был окончательно завоеван афганцами-пуштунами в 1893 году, а Нуристан в 1896 году/[1](#). В результате данных завоеваний значительно изменилась этническая карта Северного Афганистана. Афганское правительство проводило политику переселений этнических пуштунов на север страны. Так, земли на Севере предоставлялись для поселений пуштунам, вынужденным покинуть территории, отошедшие к Великобритании после установления границы вдоль линии Дюранда. Так, в 1902 году пуштуны из племени кокар из Северо-западной пограничной провинции Британской Индии были поселены эмиром Афганистана Хабибуллоу-ханом в горном Хазарджате/[2](#). В целом, например, в течение XIX века территории, контролируемые хазарейцами в Центральном и Северном Афганистане, в результате давления со стороны пуштунов сократились со 150 тыс. квадратных километров до 100 тыс./[3](#). В общей сложности в конце XIX - начале XX веков в Афганский Туркестан было переселено 62 тысячи семей этнических пуштунов/[4](#). То есть, независимое государство Афганистан в нынешнем виде окончательно сформировалось в пределах той доли самостоятельности и ответственности, которые были предоставлены ему компромиссом интересов Российской и Британской империй в регионе.

Во многом, этнические пуштуны свои политические и территориальные потери на юго-востоке, где на исторических пуштунских территориях утвердилась британская колониальная администрация, фактически компенсировали территориальными и политическими приобретениями на Севере Афганистана. В конечном итоге, исторические реалии конца XIX века до сих пор оказывают свое непосредственное влияние на современное положение внутри Афганистана. Так, антиталибская коалиция, объединяющая преимущественно политические организации национальных и религиозных меньшинств, базируется в основном как раз на территориях Афганского Туркестана и Хазарджата. В то время как движение Талибан, состоящее главным образом из пуштунов, оказывает давление на них в стремлении восстановить единое афганское государство в границах, определенных в конце XIX века компромиссом интересов Российской и Британской империй.

Среди важных последствий нового геополитического порядка в регионе можно считать также прекращение исторической традиции политических отношений по линии Центральная Азия - Индия через территорию Афганистана. Потеряв политическую независимость в ходе колониальных завоеваний XIX века, мусульманские и индуистские государства региона Центральной Азии и Индии потеряли и политическую инициативу.

В то же время, новые условия политических отношений в регионе Центральной Азии к концу XIX века не оказали значительного влияния на экономические и социальные взаимоотношения традиционных сообществ региона. Известно, что и в Британской Индии, и в обществах Центральной Азии, находящихся под контролем Российской империи, существовала высокая степень автономности вассальных государственных объединений - княжеств Хайдарабад и Кашмир в Британской Индии, Бухарского эмирата и Хивинского ханства в Российской Центральной Азии. Колониальная администрация предпочитала не вмешиваться в принципы организации традиционных обществ Индии и Центральной Азии. Предпочтение отдавалось принципу внесистемного контроля со стороны колониальной администрации. Соответственно, колониальное управление со стороны Российской и Британской империй не привело к системным изменениям в организации традиционных обществ Центральной Азии и Индии. Сохранялось, например, системное единство “мусульманского суперэтнуса” в Центральной Азии, Афганистане и северной Индии. Равно как продолжались и интенсивные торгово-экономические контакты.

При всех негативных последствиях потери политической независимости для обществ Центральной Азии и Индии, присутствие Российской и Британской империй привело к определенным изменениям в образе жизни, населяющих эти территории народов. Великобритания и Россия к концу XIX века относились к числу наиболее экономически развитых государств своего времени. Естественно, что реализация их интересов в процессе колониального управления требовала, как минимум, обеспечения развития минимально необходимой им инфраструктуры на подконтрольных территориях. Это касалось строительства железных дорог, создания почты, телеграфа, банков и т.д. Все эти нововведения были направлены в первую очередь на нужды колониального управления и диктовались практической целесообразностью. Например, с учетом расстояний в Российской империи, стратегически важное значение для укрепления присутствия России в регионе имели железная дорога Оренбург-Ташкент, а также Закаспийская железная дорога.

Несомненно, большинство этих нововведений было предназначено для нужд колониального управления и присутствующего европейского населения и напрямую не затрагивало образа жизни традиционных обществ региона. Тем не менее, определенные цивилизационные изменения в жизни традиционного общества колоний все же происходили. В первую очередь это было связано с тем, что создаваемая инфраструктура существовала, так или иначе, в географическом пространстве региона Центральной Азии и Индии и оставалась там и после ухода колониальных империй.

Например, основные принципы системы образования, созданные англичанами в Британской Индии в первую очередь для облегчения управления ею, до сих пор, с коррективами, функционируют в современных Пакистане и Республике Индия. “Еще в 1835 году генерал-губернатор Маколей провел реформу образования в Индии, смысл которой заключался в том, чтобы начать подготовку кадров колониальной администрации из самих индийцев, создать из них “прослойку, индийскую по крови и цвету кожи, но английскую по вкусам, морали и складу ума”. Активно действуя в этом направлении, англичане открыли в Индии в 1857 году первые три университета - Калькуттский, Бомбейский и Мадрасский”⁵. Вскоре после присоединения территорий на Северо-западе Индии, занимаемых восточными пуштунами, в результате соглашений подписанных в 1893 году М. Дюрандом с афганским правительством, здесь начались аналогичные изменения. Уже “в 1911 году в Северо-западной пограничной провинции Британской Индии имелось 976 школ, в которых насчитывалось 32 тысячи учеников, 80 больниц и амбулаторий, 10 типографий, издавалось три газеты”⁶. В 1913 году в г. Пешаваре,

административном центре Северо-западной пограничной провинции, населенной преимущественно этническими пуштунами, был создан Исламский колледж, впоследствии преобразованный в Пешаварский университет.

Изменения на территории Северо-западной пограничной провинции (СЗПП), равно как и других провинций западной части Британской Индии, в области инфраструктуры, образования, промышленного развития в годы британского правления обеспечили определенный стартовый капитал для “Нового независимого государства” Пакистан, образованного в 1947 году. В то же время, в независимом Афганистане, после нескольких десятилетий проводимой Кабулом модернизации, перед апрельской революцией 1978 года “на 15 млн. человек населения имелось 4185 школ всех типов, 76 больниц, число врачей составляло 1170, то есть, 0.77 врача на 10 тысяч жителей”⁷. Уже в начале XX века независимый Афганистан заметно отставал в развитии систем образования, транспорта, инфраструктуры от пуштунских территорий, оказавшихся в составе Северо-западной пограничной провинции Британской Индии. Это сыграло решающую роль в том предпочтении, которое впоследствии, после ухода англичан из Индии, было отдано элитой восточных пуштунов из Северо-западной провинции “новому независимому государству” Пакистан.

В некотором смысле буферный статус Афганистана, приобретенный в результате компромисса интересов Российской и Британской империй, заложил не только основы отсталости этого государства в области инфраструктуры по сравнению с соседними территориями, находившимися под британским и российским управлением, но и позволил Афганистану сохранить политическую независимость.

1.2. Революция в России и изменение геополитической ситуации в регионе

В первый раз устоявшаяся система отношений, геополитический баланс сил в регионе Центральной Азии оказались нарушены вследствие революции в России и последовавшего распада Российской империи. События в центральной России привели к разрушению существовавшей системы колониального управления подконтрольными территориями в Центральной Азии. Произошедшее нарушение сложившегося баланса сил создало условия для попыток Британской империи заполнить образовавшийся вакуум на геополитической карте региона после распада Российской империи. Великобритания предприняла активные попытки усилить влияние в Афганистане, Иране, в Средней Азии и на Кавказе. В качестве примера подобных действий можно привести высадку английского экспедиционного корпуса в Баку, создание под английским протекторатом Закаспийской республики на территории современного Туркменистана и другие исторические факты.

Прямые столкновения между Британской империей и Советской Россией продолжались с переменным успехом в бассейне Каспийского моря, Закавказье, Средней Азии и Северном Иране вплоть до начала 1920 года. Кульминацией англо-советского противостояния можно считать захват 18 мая 1920 года советским десантом английской военно-морской базы в г. Энзели в Северном Иране.

Несомненно, десант в Энзели и провозглашение в иранской провинции Гилян Персидской советской социалистической республики, стали первой серьезной попыткой советского руководства по распространению влияния новой коммунистической идеологии на Востоке вне границ, контролируемых бывшей Российской империей. В Северном Иране в 1920 году “был создан Революционный военный совет, образовано Временное революционное

правительство, названное Советом Народных комиссаров, сформирована Персидская Красная Армия, то есть копировалась российская организационная структура власти”/8. Однако, при растущей враждебности местного населения и сопротивления иранских отрядов при поддержке англичан, советским войскам не удалось продвинуться дальше города Решта. 20 сентября 1920 года на пленуме ЦК РКП(б) в Москве с участием Ленина, Троцкого, Сталина, Зиновьева, Каменева, Бухарина было принято решение свернуть военную операцию в Иране и приступить к переговорам с правительством шаха Ирана. Договор между РСФСР и Ираном был подписан 26 февраля 1921 года и 20 марта ратифицирован ВЦИК РСФСР.

Между тем, меджлис Ирана поставил вопрос о ратификации договора в зависимости от вывода советских войск из гг. Энзели и Решта. Хотя Москва и была готова вывести войска из Ирана, в то же время, руководство ЦК азербайджанской компартии 10 апреля 1921 года на совещании в Баку с участием С.Орджоникидзе и Н.Нариманова заявило о своей готовности поддержать Гилянскую республику. Первого июня 1921 года один из руководителей Гилянской республики Эхсанулла-хан, при поддержке частей, присланных из советского Азербайджана, начал второй поход на Тегеран. Поход закончился полным провалом и в ноябре 1921 года шахские войска заняли провинцию Гилян. По мнению российского исследователя Л. Складярова “вторжение в Гилян было лишь частью широкого плана свержения шахского правительства и захвата советскими войсками Персии с целью превращения ее в очередную советскую республику. И только недостаток сил и средств и другие неблагоприятные обстоятельства заставили большевиков отказаться от этого плана и пойти на заключение “дружественного договора” с Персией в феврале 1921 года”/9.

Без сомнения, у Великобритании были все основания опасаться экспорта идей социалистической революции в зону своих геополитических интересов в Азии. После неудачи британских попыток противостоять идеям социалистического переустройства мира на территории бывшей Российской империи, борьба переместилась на территории Ирана и Афганистана, выполнявших до революции в России роль буфера между интересами в регионе Российской и Британской империй. То есть, в связи с тем, что Советская Россия вернулась в 1920 году в Центральную Азию и советские войска вышли на южные границы бывшей Российской империи, фактически произошло восстановление существовавшего до революции 1917 года в России статус-кво в региональном балансе сил.

Новая Советская Россия вновь утвердилась на старых позициях Российской империи на геополитической карте региона, где она по-прежнему противостояла интересам Британской колониальной империи. И это обстоятельство снова сделало актуальным постановку вопроса о буферном статусе Ирана и Афганистана.

Некоторое время Советская Россия и Великобритания активно вели борьбу за влияние в Афганистане, равно как и в соседнем Иране. В этой борьбе победу в 1919 году одержал при некоторой советской поддержке эмир Аманулла. С новым правительством Афганистана 28 февраля 1921 года в Москве был подписан мирный договор, который имел глубокое символическое значение для Советской России/10. Любопытно, что советско-афганский договор был подписан в столице России через два дня после подписания там же аналогичного договора с Ираном.

Для понимания геополитической ситуации в регионе Центральной Азии, договора, подписанные РСФСР в конце февраля 1921 года в Москве с Афганистаном и Ираном, имели особое значение. Советско-иранский и советско-афганский договора предшествовали подписанию мирных соглашений с Великобританией в 1922 году.

Соглашение с самым принципиальным противником Советской власти в годы гражданской войны Британской империей не только означало прорыв дипломатической блокады Советской России. Это означало также, что практическая Великобритания признала бесперспективность и нецелесообразность продолжения давления на Советскую Россию. Вполне очевидно, что немалую роль в этом сыграли договоры, подписанные новым правительством в Москве с Ираном и Афганистаном. Для Лондона договора СССР с Ираном и Афганистаном имели принципиально важное значение с точки зрения сохранения преемственности принципов политики Российской империи в Азии новым руководством в Москве.

После февраля 1921 года новые власти в России продемонстрировали нежелание выходить за южные границы территорий, контролируемых ранее бывшей Российской империи. Оформив юридические отношения с Афганистаном и Ираном, Советская Россия дала основания Лондону признать ее в качестве преемника Российской империи в регионе Центральной Азии в пределах той территории, которую Россия контролировала до революции 1917 года.

Соответственно, в результате подписания договоров Советской России с Ираном и Афганистаном, а также договора с Великобританией, произошло реальное восстановление геополитического равновесия в Центральной Азии, существовавшего до революции в России в 1917 году. Одновременно, советско-афганский договор обозначил внешние пределы продвижения победивших в Советской России новых идей по социальному переустройству мира. Это, безусловно, означало, что Британская Индия находится в относительной безопасности от советского влияния, отделенная от него буферным государством Афганистан. Таким образом, Афганистан к началу двадцатых годов восстановил свой буферный статус между территориями, контролируемыми Британской империей и теперь уже Советской Россией.

На первый взгляд казалось, что в геополитической расстановке сил в Центральной Азии ничего не изменилось. Так же, как и до 1917 года, в двадцатых годах, зоны влияния двух “империй”, Советской и Британской, разделял независимый Афганистан. В то же время, имелись серьезные отличия от аналогичной ситуации противостояния в регионе Российской и Британской империй до революции 1917 года в России.

Главное отличие заключалось в том, что исходя из новых задач по социальному переустройству общества, Советская власть на подконтрольных территориях Центральной Азии, прежде всего на современных территориях Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана предприняла широкомасштабные попытки воздействия на традиционную систему организации среднеазиатских обществ. Произошли принципиальные изменения в системе управления со стороны Советской России в отношении обществ Центральной Азии, по сравнению с периодом колониального управления Российской империи. Советская Россия в Центральной Азии отказалась от принципов внесистемного контроля за жизнедеятельностью центральноазиатских обществ, применявшихся российской колониальной администрацией.

Попытки вмешательства и кардинального переустройства принципов жизнедеятельности в советской Средней Азии вызвали ожесточенное сопротивление, в котором в разное время принимали участие широкие массы местного населения. Сопротивление традиционного общества советской Средней Азии (движение басмачей) попыткам модернизации путем изменения характера внутренних системных связей продолжалось до начала тридцатых годов и потребовало огромных усилий по его подавлению со стороны Советской России. “Суммарная реакция преимущественно традиционного общества на

насильственную ломку привычного образа жизни и системы ценностей, воинствующий атеизм режима, политику “военного коммунизма” были главной движущей силой басмачества”/11. Одним из последствий сопротивления в Средней Азии стал вынужденный уход большого числа этнических узбеков, таджиков, туркмен на территорию соседнего Афганистана.

Окончательное укрепление Советской власти в Центральной Азии в пределах бывших границ Российской империи имело и другие важные последствия для судеб региона. В первую очередь, усилия Москвы по изменению характера системных связей традиционных мусульманских обществ Центральной Азии потребовали концентрации сил для прямого подавления возникшего сопротивления местного населения.

Значительное количество беженцев из Центральной Азии на территории Афганистана при любом удобном случае оказывали вооруженное давление на границы. Поэтому способность Москвы обеспечить контроль над советско-афганской границей, стала важным условием проведения социальных экспериментов по переустройству традиционных сообществ внутри центральноазиатского региона. Постепенно, граница СССР на южном направлении, с Афганистаном и Ираном, стала тем фактором, который и определял принадлежность советской Средней Азии к общему системному единству всего Советского Союза.

Для успешного проведения значительных перемен в социальной, политической и экономической сферах жизнедеятельности региона Центральной Азии в течение всего периода советской истории, было вполне логично ограничить до минимума возможные контакты между советской Средней Азией и соседними мусульманскими странами - Ираном и Афганистаном. При этом ограничение экономических, социальных и культурных контактов между традиционными сообществами региона приняло радикальный характер. Афганистан и СССР на протяжении всего периода советской истории поддерживали тесные экономические, политические и культурные контакты, как государственные системы, заинтересованные во взаимовыгодном сотрудничестве и поддержании региональной системы безопасности. В то время как традиционные общества Афганистана, Ирана и советской Средней Азии в этом обмене практически не участвовали.

То есть, попытки руководства СССР провести радикальную модернизацию жизнедеятельности в советской Средней Азии привели к полному прекращению политических, экономических, социальных и культурных контактов между традиционными сообществами региона вдоль линии Центральная Азия - Индия. Граница СССР с Афганистаном и Ираном стала на десятилетия закрытой для обменов и взаимодействий, и это впоследствии предопределило глобальные системные отличия ННГ Центральной Азии от внешнего традиционно мусульманского мира на момент распада Советского Союза.

1.3. Распад Британской империи и изменение геополитической ситуации в регионе Центральной Азии

После ухода англичан из Индии в 1947 году, СССР остался единственной реальной силой в регионе, способной влиять на ситуацию в Афганистане. Буферный статус независимого Афганистана, как результат баланса сил между двумя колониальными империями в регионе Центральной Азии приобрел новое геополитическое значение после образования СССР. До революции 1917 года Афганистан был буферной зоной, разделяющей интересы

Великобритании и России. После утверждения СССР в качестве наследника Российской империи в Центральной Азии, Афганистан дополнительно приобрел значение зоны безопасности, ограждающей границы СССР от внешнего воздействия. Образование на месте бывшей Британской Индии Исламского государства Пакистан и Республики Индия в 1947 году естественным образом отменило функцию Афганистана, как буферной зоны между сферами влияния двух “империй”. В то же время это усилило функцию Афганистана в качестве буферной зоны для СССР, с целью ограждения южных границ от нежелательного внешнего воздействия.

Кроме того, уход Британской империи из региона оставил СССР единственным возможным участником борьбы за влияние в Афганистане. Юго-восточнее линии Дюранда, отделявшей Британскую Индию от Афганистана, было образовано “Новое независимое государство” Пакистан.

В состав Пакистана, образованного в результате раздела Британской Индии согласно плану Маунтбеттена, вошли районы этой британской колонии, населенные преимущественно мусульманами. Конфликт интересов религиозных общин индусов и мусульман в ходе раздела Британской Индии привел к резкому обострению отношений между двумя вновь образованными государствами - Индией и Пакистаном, вплоть до серии военных столкновений. На длительную перспективу индо-пакистанский конфликт стал главным элементом новой геополитической реальности в Южной Азии, сложившейся после прекращения колониальной зависимости стран региона от Великобритании.

На первом этапе независимого существования Пакистан состоял из двух основных частей - Западного и Восточного, разделенных между собой территорией Республики Индия. В таком состоянии Пакистан просуществовал до 1971 года, когда в результате очередной пакистанско-индийской войны и восстания местного бенгальского населения, на территории Восточного Пакистана было создано “новое независимое государство” Бангладеш.

Уход англичан из Индии и образование независимого государства Пакистан в 1947 году не только изменили общую геополитическую ситуацию в регионе, но и, на первый взгляд, сделали возможным для официального Кабула поставить вопрос о прохождении границы Афганистана с бывшей Британской Индией, так называемой “линии Дюранда”. Формально, прекращение колониального присутствия Великобритании в регионе делало весьма сомнительным юридический статус границы. Тем более что в пограничной с Афганистаном Северо-западной пограничной провинции бывшей Британской Индии и “нового независимого государства” Пакистан основное население составляли этнические патаны (пуштуны). Кроме того, афганская политическая элита всегда выражала несогласие с линией прохождения границы, принятой под давлением Британской империи, которая оставила многие пуштунские племена вне пределов государства Афганистан. Более того, официальный Кабул в конце XIX - начале XX веков поддерживал интенсивные контакты с пуштунскими племенами в Британской Индии и часто оказывал им поддержку в ходе антианглийских восстаний. Так “в 1902 году афганские войска участвовали в боях против англичан на территории Северо-западной пограничной провинции Британской Индии на стороне пуштунского племени вазиров”/12.

Уход англичан давал Кабулу прекрасную возможность попытаться вернуть некогда потерянные территории с пуштунским населением. Однако, Афганистан не смог воспользоваться сложившейся ситуацией. Ключевую роль в сохранении статус-кво в пограничном вопросе между Афганистаном и вновь образованным “новым независимым” государством Пакистан сыграли те изменения, которые произошли в процессе управления

Великобританией территориями, входящими в состав Британской Индии. Политическая элита нового независимого государства Пакистан, представленная членами бывшей всеиндийской политической организации Мусульманская лига, имела четкие представления о принципах организации и направлениях развития нового государства.

Еще в 1940 году, за 7 лет до получения независимости, Мусульманская лига официально предложила разделить Индию на два государства, индусское и мусульманское/[13](#). Произошедшее в 1947 году создание двух независимых государств Индии и Пакистана прошло под знаком внутриобщинной солидарности. Две основные общины, существовавшие в Британской Индии - мусульманская и индусская, были противопоставлены друг другу, вплоть до ожесточенных межобщинных столкновений. Естественно, что политические элиты “новых независимых” государств Индии и Пакистана претендовали на представление интересов всех мусульман и всех индусов, невзирая на их этническую принадлежность или проживание в полусамостоятельных исторических государственных объединениях типа княжеств Хайдарабада, Кашмира или Ауда.

Конфликт двух общин в процессе раздела Британской Индии проходил, тем не менее, в пределах единой системы, созданной англичанами в Индии и с сохранением результатов привнесенных англичанами новшеств в области образования, самоуправления, инфраструктуры и т.д. В Пакистане, например, было напрямую сохранено административное устройство времен Британской Индии, равно как и основные принципы системы управления и организации общества. Западный Пакистан тогда состоял из четырех провинций - Пенджаб, Синд, Белуджистан и Северо-западная пограничная провинция (СЗПП). Для политической элиты нового государства, образованного на принципах создания государственной системы для всей мусульманской общины Британской Индии, не стоял вопрос о возможности каких-либо территориальных уступок, особенно в обстановке, когда разгорался территориальный конфликт с Индией из-за принадлежности княжества Кашмир.

Мусульманская лига представляла интересы всех мусульман, проживавших на территории Британской Индии, включая в их число и пуштунов из Северо-западной пограничной провинции. Внешние границы Британской Индии, поэтому приобретали дополнительную легитимность в глазах новой пакистанской политической элиты, так как рассматривались в качестве политического наследия Британской империи новому объединению - государству Пакистан.

В этих условиях ключевое значение имели позиции собственно пуштунов Северо-западной пограничной провинции бывшей Британской Индии, а затем Пакистана. Если бы у пуштунов Пакистана было бы стремление вернуться в состав Афганистана, то вполне вероятно, события 1947 года, связанные с разделом Британской Индии, могли бы развиваться по другому сценарию. Однако пуштуны из СЗПП сравнительно долгое время были включены в социально-экономическую и политическую системы Британской Индии, что предполагало системные отличия восточных пуштунов от пуштунов, проживающих в Афганистане.

Надо отметить, что после своего ухода из Британской Индии англичане оставили основы современной промышленности, достаточно развитую инфраструктуру, систему образования, основы представительской демократии, регулярную армию, систему административного устройства и управления. Кроме того, “строительство железных дорог и создание начальной промышленной инфраструктуры - сеть банков, предприятий связи, плантаций и т.д. - способствовали возникновению многочисленных национальных

промышленных предприятий”/14. Политическая и хозяйственная элиты СЗПП, порожденные произведенными в Британской Индии изменениями, были намного ближе к принципам организации современного для того времени общества нового государства Пакистан, чем к архаичному монархическому Афганистану сороковых годов, законсервировавшемуся в своем буферном статусе.

Перед элитой восточных пуштунских племен Северо-западной пограничной провинции в 1947 году привлекательность нового государства Пакистан была, очевидно, выше, чем собственно Афганистана. Пуштунская элита больше тяготела к развитым городским центрам в Пенджабе и Синде, чем, например, к Кабулу или Джелалабаду. В принципе, степень автономности пуштунских племен от государства всегда была очень высока, и независимый Афганистан в конце сороковых годов не мог предложить восточным пуштунам ничего такого, ради чего можно было бы попытаться изменить привычную систему взаимоотношений в границах бывшей Британской Индии. Кроме того, восточные пуштуны были активно вовлечены в политические процессы в ходе раздела Британской Индии. Так, восточные пуштуны сыграли значительную роль в начале конфликта вокруг Кашмира. Пуштунские ополчения (лашкар) атаковали столицу княжества Сринагар, после того, как стало ясно, что индусский раджа Кашмира, населенного преимущественно мусульманами, попросил о присоединении его княжества к Республике Индия. Впоследствии конфликт разгорелся в первую индо-пакистанскую войну.

Так или иначе, граница вдоль линии Дюранда между Афганистаном и Пакистаном осталась без изменений. Пакистанские пуштуны составили заметную часть военной и политической элиты этой страны. В шестидесятых годах, президентом Пакистана был пуштун генерал Айюб-хан. Однако, для Кабула и политической элиты афганских пуштунов вопрос о прохождении границы между Пакистаном и Афганистаном, после ухода англичан из региона, оставался главной внешнеполитической проблемой. Фактически это предопределило длительный конфликт интересов в отношениях между Пакистаном и Афганистаном.

Распад Британской империи и образование “новых независимых” государств Индии и Пакистана кардинальным образом изменили геополитическую ситуацию в регионе. Для СССР уход давнего соперника Великобритании из Индии означал практическую необходимость приспособить факт возникновения новых независимых государств на месте бывшей Британской Индии к существующей системе региональных отношений. В отношении статуса Афганистана никаких изменений в политике Москвы не произошло. Афганистан по-прежнему сохранял свое положение в качестве буфера, ограждающего СССР от возможного влияния извне. Влияние Москвы в Афганистане после ухода Великобритании из региона в 1947 году только усилилось.

Теперь, советскому руководству не приходилось беспокоиться относительно необходимости бороться за геополитическое влияние в Афганистане ввиду отсутствия реального претендента на такое соперничество. К тому же, наметившийся конфликт интересов между Афганистаном и вновь организованным государством Пакистан из-за прохождения границы между ними, давал основания полагать, что Пакистан, занявший место Британской Индии к юго-востоку от Афганистана, не сможет вести самостоятельную политическую игру в таких масштабах, которые могли бы угрожать интересам СССР в регионе.

Кроме этого, широкомасштабный индо-пакистанский конфликт, особенно после военных столкновений между двумя странами из-за принадлежности княжества Кашмир, давал основания предполагать, что все интересы Пакистана в будущем будут подчинены

глобальным задачам соперничества с Индией. Следовательно, Пакистан объективно не был заинтересован в обострении обстановки на своей северо-западной границе с Афганистаном. Соответственно, интересам безопасности СССР в новых условиях в первую очередь отвечало сохранение влияния Москвы в Афганистане, а также более пристальное внимание к индо-пакистанскому конфликту. В принципе, Афганистан оставался ключевым элементом системы безопасности и геополитического влияния СССР в регионе. Во многом, все эти обстоятельства предопределили симпатии Москвы к одному из участников индо-пакистанского конфликта - Индии. Это позволило придать дополнительную устойчивость системе безопасности СССР в регионе Центральной и Южной Азии.

В результате образования Пакистана и Индии и начала вооруженных конфликтов между двумя этими государствами в регионе образовалась еще одна закрытая граница. Линия противостояния между Пакистаном и Индией практически полностью прекратила экономические, социальные и культурные контакты между двумя вновь образованными странами. В регионе образовались три полностью изолированные друг от друга зоны, между обществами которых отсутствовали какие-либо системные связи и взаимоотношения. Советская Средняя Азия была полностью отделена от Афганистана. В свою очередь, Пакистан находился в изоляции от Республики Индия.

Реалии середины XX века на относительно длительный период времени прервали существовавшую тысячелетия исторически традиционную линию контактов и обменов между регионом Центральной Азии и Индией.

С точки зрения геополитической расстановки сил после распада Британской империи, именно Пакистан оказался в самом невыгодном положении. Эта страна расположена в самом центре исторического транзитного пути контактов и обменов между Центральной Азией и Индией. Естественно, что образовавшийся геополитический тупик, в котором оказалась страна после начала конфронтации с Индией и сложных отношений с Афганистаном и СССР, был крайне невыгоден для Пакистана. Ситуация для Пакистана осложнялась еще и тем, что после ухода англичан из региона, место Британской империи в обеспечении регионального баланса сил фактически заняла Республика Индия. Тесные отношения Индии и СССР, а также преобладающее советское влияние в Афганистане стало основой нового геополитического порядка в регионе с конца сороковых до середины семидесятых годов.

При этом продолжала сохраняться и усугубляться общая отсталость Афганистана по сравнению не только с районами советской Средней Азией, но и “новыми независимыми государствами” Индией и Пакистаном. Неизменность положения в Афганистане была важным элементом системы безопасности СССР. А неизменность положения в Афганистане предполагала сохранение общей отсталости этой страны.

Однако, постепенно, в условиях широкомасштабной конфронтации между двумя мировыми системами в годы холодной войны стали происходить глубокие структурные изменения в мусульманском мире. Впоследствии эти изменения получили название “исламский бум”. Процессы ускоренной модернизации жизнедеятельности традиционных мусульманских обществ, проходившие в разное время с переменным успехом, тем не менее, привели к росту значения многих стран мусульманского мира. Заметно возросли потребности традиционных элит в модернизации, как неперемного условия общего прогресса каждой конкретной мусульманской страны. В семидесятых годах, под воздействием различных обстоятельств этот процесс стал вовлекать в свою орбиту различные страны, в том числе и те, которые, как Афганистан, находились на периферии

мусульманского мира. В свою очередь, это имело значительные последствия для системы безопасности СССР в южном направлении и судеб стран региона.

1.4. Процессы модернизации в исламских обществах

1.4.1. Синтез светского и духовного начал в управлении исламским обществом

1.4.2. Влияние Запада в колониальную эпоху и модернизация исламского общества

1.4.3. Условия развития процессов модернизации

1.4.4. Влияние арабо-израильского конфликта на процессы модернизации в мусульманском мире

1.4.5. Проблема движения сторонников “чистого ислама” в современном мусульманском обществе

1.4.1. Синтез светского и духовного начал в управлении исламским обществом

В ходе эволюции исламской общины постоянно происходил поиск компромисса между светским и духовным началами в ее управлении. Как известно, в отличие от христианства, в исламе нет духовного сословия и, соответственно, нет четкого разделения светских и духовных функций в управлении обществом. Первоначально руководитель исламской общины (уммы) исполнял обе функции управления, являясь одновременно и светским руководителем, и духовным наставником. “Поскольку ислам закрепил сам факт создания централизованного государства и отразил тенденцию объединения отдельных племен в составе единого целого (причем государство и религиозная община - умма - на первых порах совпадали) единство религии и политики было изначально присуще исламу”/15. Первыми, кто стал отдавать приоритет светским началам в управлении исламской общины, принято считать Омейядов. Их оппоненты утверждали, что Омейяды стремятся установить светскую (царскую) власть в новом халифате и тем самым выступают против принципов организации мусульманской общины. “Один из краеугольных камней ислама - халифат, или теократия, т.е. соединение в руках религиозных вождей духовной (имамат) и политической власти (эмират), как известно, уже при Омейядах сохранялся только теоретически”/16. Свергнувшие их Аббасиды формально объединили в своих руках и светские, и духовные функции управления. Однако, в ходе расширения ареала распространения ислама, особенно среди народов, имевших давние традиции государственного строительства, например, иранцев, египтян, народов Средней Азии, заметно усложнились функции управления. Соответственно, постоянно происходил поиск компромисса между объективной необходимостью государственного строительства в исламских странах и двойственной природой управления в традиционной исламской общине. В каждом конкретном случае в истории мусульманских государств это противоречие решалось по-разному. Однако, традиции осуществления светской власти в мусульманском государстве, заложенные при Аббасидах, существуют в том или ином виде до сих пор. Например, в Османской империи султан был одновременно и светским правителем огромной империи, и духовным лидером всех мусульман, приняв этот титул от багдадских халифов, наследников первых Аббасидов.

Идею синтеза духовного и светского начал в управлении мусульманскими государствами в некоторых странах правящая элита использует вплоть до наших дней. Наиболее наглядный пример представляют собой монархии стран Персидского залива. Король Саудовской Аравии Фахд является хранителем святынь Мекки и Медины и фактически одновременно осуществляет функции духовного и светского управления страной.

Тем не менее, определенное разделение функций светского и духовного управления в исламских странах в результате роста потребностей в государственном строительстве, несомненно, произошло. Если при пророке Мухаммеде и при первых халифах исламская община (умма) и представляла собой государство, то впоследствии состоялось разделение функций государства и исламской общины. Сформировались институты государственной власти, аппарат управления, выделилась или интегрировалась в состав мусульманского общества традиционная аристократия вновь присоединенных сообществ в Иране, Средней Азии, Африке. “Ислам сохранял свою связь с политикой, а политическая власть сохраняла внешние исламские атрибуты, однако осуществление политической власти приобретало все более светский характер”/17.

На первый план в мусульманских странах выходит вполне светская традиционная элита, которая, тем не менее, часто сохраняет за собой, в том числе юридическое право на духовное управление на подконтрольных территориях. “Один за другим на месте бывшего единого государства (Арабского халифата - прим. авт.) стали возникать эмираты и султанаты, правители которых, чаще всего уже не претендующие на всеобъемлющую духовную власть в пределах своей страны (особенно это касалось султанов, признававших авторитет багдадского халифа в религиозной сфере), были, тем не менее, практически неограниченными властелинами”/18. Доминирование традиционной элиты в процессе управления мусульманским обществом было связано с той дополнительной легитимностью, которую она приобрела в силу сформировавшегося компромисса светских и духовных начал в управлении государством и обществом в мусульманских странах.

1.4.2. Влияние Запада в колониальную эпоху и модернизация исламского общества

После первой мировой войны большинство населенных мусульманами территорий попали под колониальное управление ведущих стран Запада. Исключение составили только Турция, предпринявшая при Мустафе Кемале Ататюрке попытку построить полностью светское государство, отказавшись от имперского османского наследия, а также старые монархические режимы в Иране и Афганистане и вновь образованный в Саудовской Аравии.

Все попытки модернизации традиционного исламского общества в XX веке предпринимались сверху. Потребность в модернизации отвечала интересам традиционной элиты, осуществлявшей, по сути, светскую власть в мусульманских государствах. Модернизация общественно-экономической жизни мусульманского государства выглядела как совершенно логичный и оправданный шаг для улучшения качества системы управления государством и обществом.

Естественно, что модернизация в тот момент могла происходить только по западным стандартам. Особенно это было актуально для большинства мусульманских сообществ,

являвшихся в период между двумя мировыми войнами колониями ведущих западных стран. Для более эффективного осуществления функции управления, традиционной элите в мусульманских странах необходимы были подготовленные по западным меркам сотрудники аппарата управления, офицеры для армии, инженеры, врачи. Тем более что во время существования в качестве колонии в большинстве мусульманских стран начало этому процессу положила колониальная администрация, проводя первоначальную подготовку необходимых кадров.

В первую очередь, с целью облегчения управления колониями, западная администрация обычно предпочитала использовать местные кадры, например, для колониальных воинских формирований. Эти действия западной колониальной администрации основывались на сугубо прагматических целях и затрагивали крайне ограниченное количество людей из местных традиционных сообществ. Естественно, это ни в коей мере не касалось образа жизни традиционных исламских общин. Управление ими по-прежнему осуществляла традиционная элита, выступавшая в качестве посредника между сообществами колоний и колониальной администрацией.

Прекращение колониальной зависимости после второй мировой войны поставило перед традиционной элитой мусульманских стран проблему определения направлений дальнейшего развития. Уход колониальной администрации возвратил реальную политическую власть над обществом традиционной элите. В большинстве мусульманских стран у власти укрепились монархические режимы, которые сохранили и восстановили доколониальную традицию управления исламскими обществами. Это относилось, как к старым монархическим династиям, например, в Марокко, Египте, Кувейте, Брунее, Омане, Объединенных Арабских Эмиратах, так и к вновь образованным в новых государствах Иордании, Ираке, Ливии. Так как монархические режимы выступали, как продолжение существовавшей исторической традиции доколониальных времен, то, естественно, в таких государствах продолжал существовать в неизменном виде исторический синтез светского и духовного начал в управлении обществом.

Становление государственной независимости исламских стран в новых условиях, в пост-колониальную эру поставило на повестку дня необходимость ускорения процессов модернизации. Традиционное общество мусульманских стран с преобладанием сельского населения выглядело на тот период времени достаточно неэффективным и архаическим. Естественно, что это не могло соответствовать возросшим потребностям традиционной элиты, получившей всю полноту политической власти после приобретения независимости. Традиционная элита унаследовала от колониальных времен элементы современного общества, привнесенные метрополией во время колониального управления и основанные на западных стандартах и системных ценностях.

Несомненно, что в первую очередь, традиционная элита мусульманских обществ рассматривала привнесенные с Запада элементы современной инфраструктуры, промышленности, регулярной армии, образования в качестве важного инструмента проведения, как внутренней, так и внешней политики. При этом, все эти элементы западной цивилизации воспринимались традиционной элитой с сугубо прагматических, утилитарных целей. Естественно, что при приобретении независимого статуса цели, стоящие перед конкретными мусульманскими обществами приобрели совершенно иной характер, чем в доколониальный период. Приобретенная независимость диктовала необходимость проведения самостоятельной политики в новых изменившихся условиях. В то же время, объективно имеющиеся в распоряжении традиционной элиты инструменты, оставшиеся в наследство от времен колониального управления, явно не соответствовали все возрастающим требованиям “новых независимых государств”

мусульманского мира после приобретения независимости. Потребности в развитии и модернизации имеющихся инструментов, в первую очередь регулярной армии, промышленности и инфраструктуры стали доминирующей тенденцией в политике этих государств. Особенно интенсивно этот процесс начал развиваться в странах Ближнего и Среднего Востока, пограничных с вновь образованным государством Израиль.

Вскоре после решения Генеральной ассамблеи ООН об организации на территории бывшей британской колонии Палестины двух государств, арабского и еврейского, началась первая арабо-израильская война. В ходе которой, израильская милиция нанесла поражение вооруженным формированиям сразу нескольких вновь образованных арабских государств, таких как Иордания, Сирия, Ирак и Египет. Израиль стал на долгую перспективу главным раздражителем для мусульманского мира и, в первую очередь, для соседних арабских стран в их стремлении усилить экономическую и военную мощь с целью добиться реванша. Соответственно, мусульманские государства в зоне противостояния с Израилем приобрели дополнительные импульсы для ускорения процессов модернизации. Во многом, сам факт существования государства Израиль подтолкнул традиционные элиты мусульманских государств к ускорению процессов модернизации.

Процесс модернизации в исламском мире, который происходил в период сразу после окончания второй мировой войны, можно условно назвать “светским”. Он был инициирован сверху и проходил под руководством традиционной элиты мусульманских стран. Главной задачей процесса “светской” модернизации традиционного исламского общества было повышение его экономической и военной мощи, что, безусловно, способствовало усилению каждого отдельного исламского государства и объективно отвечало интересам традиционной элиты.

Для решения этой задачи традиционные элиты стимулировали развитие системы образования, стремились достичь определенной степени экономической самостоятельности, а также усилить армию. При этом следование западным образцам, например, в системе образования, не вызывало у традиционной элиты каких-либо отрицательных эмоций или возражений. Кроме того, контроль над традиционным обществом в мусульманских странах у элиты был по-прежнему, очень высок.

Традиционная элита в глазах общества в мусульманских странах имела легитимное право осуществлять власть на основе исторически сложившегося компромисса светского и духовного начал в управлении, которое, в свою очередь, появилось в результате исторической эволюции проблемы власти в классической исламской общине. Светская власть традиционной элиты была почти всегда реальным фактором, при этом осуществление духовной власти являлось составной частью власти традиционной элиты вообще. Во многом, в этом и заключалась основа исторического компромисса светских и духовных начал в управлении мусульманским обществом.

Традиционная элита имела право на самые широкие властные полномочия в мусульманском обществе, которые носили вполне светский характер, при одновременной интеграции в их число функций духовного управления. Так как в исламе невозможно провести четкую грань между органами, отвечающими за светскую и духовную власть, равно как и не существует официального духовенства, как, например, в христианстве, то фактически необходимо говорить о наличии функций осуществления светской и духовной власти. Эти функции составляли систему властных полномочий, на которой базировалась власть традиционной элиты с очевидным преобладанием светских функций в управлении мусульманским обществом.

Право начать процесс модернизации жизнедеятельности традиционного мусульманского общества по западным стандартам являлось таким же неотъемлемым правом традиционной элиты, как и любое другое, и, естественно, что это не могло вызвать широкой реальной оппозиции в каждом конкретном мусульманском обществе и государстве. Поэтому, развитие модернизации в мусульманских обществах в начале постколониальной эпохи и следование западным стандартам было вполне естественным процессом, который проходил в рамках властных полномочий традиционной элиты.

1.4.3. Условия развития процессов модернизации

Первоначально процессы “светской” модернизации традиционного исламского общества преимущественно развивались в зонах противостояния с Израилем и западным миром. Именно там необходимость ускоренной модернизации традиционного общества была наиболее очевидна для правящей традиционной элиты. Она диктовалась задачами реальной внешней политики - противостояния государству Израиль, что требовало скорейшего усиления военного и промышленного потенциала мусульманских государств. И именно там впервые стали развиваться определенные системные изменения в традиционной организации мусульманского общества, вследствие ускорения процессов модернизации, которые во многом до сих пор оказывают влияние на современную ситуацию в исламских государствах.

Прежде всего, развитие промышленности, инфраструктуры, системы образования, строительство современной армии вызвали развитие городов и привели к увеличению городского населения. Начался постепенный отток жителей из сельской местности в города, что привело к изменениям в системе организации традиционного исламского общества. Сократилась роль и значение сельской общины, как основы социальной организации традиционного исламского общества.

Массы мигрантов в города естественным образом отрывались от сельской общины и создавали системы новых взаимоотношений в новых городских условиях существования. Все вместе это приводило к нарушению складывавшегося столетиями баланса властных полномочий в исламском обществе. Традиционная элита воспринимала результаты модернизации только в качестве средства усиления своего влияния. Однако новые социальные слои в исламском обществе, порожденные процессами “светской” модернизацией, постепенно формировали собственные интересы, которые часто вступали в противоречие с интересами традиционной элиты.

В конечном итоге, у традиционной элиты стали появляться внутривластные конкуренты и оппоненты на проведение “светской” модернизации в исламском обществе. С одной стороны, традиционная элита не была готова пойти на радикальные изменения системы организации мусульманского общества, которые, несомненно, могли представлять угрозу ее власти. С другой, следствием модернизации стало все возрастающее давление на традиционный уклад жизни мусульманского общества. Соответственно, в первом случае активная часть общества в мусульманских странах стремилась продолжить, ускорить и укрепить процессы “светской” модернизации, задачу, которую традиционная элита объективно выполнить уже не могла. Во втором, консервативно настроенная часть общества расценивала процессы “светской” модернизации по западным стандартам в качестве угрозы исламским ценностям, как основы жизнедеятельности традиционного мусульманского общества.

Вторая группа оппонентов традиционной элиты, условно их можно назвать “консерваторы” или “традиционалисты” была на первом этапе несоизмеримо организационно и политически слабее сторонников ускорения процессов “светской” модернизации. Их роль в мусульманском обществе, возглавляемом традиционной элитой, была на первом этапе незначительна.

Немаловажное значение имело и то, что против “консерваторов” выступала историческая традиция организации исламского общества, где существовал баланс между светскими и духовными принципами его управления. Традиционное мусульманское общество не подвергало сомнению право на власть традиционной элиты, в том числе и на осуществление процессов модернизации. Поэтому, движения “консерваторов” могли опираться только на те слои мусульманского общества, которые были вовлечены в процессы модернизации, но не получили от этого никаких результатов. Так как на этом историческом этапе, процессы модернизации жизнедеятельности традиционных мусульманских обществ не носили радикального характера, а степень воздействия на традиционные ценности была незначительна, то, соответственно, социальная основа “консерваторов” была на первом этапе начала процессов модернизации весьма малочисленна и ограничивалась узким слоем городских люмпенизированных жителей. Это, безусловно, приводило их к конфронтации с существующим государственным аппаратом управления и традиционной элитой.

В то же время сторонники ускорения процессов “светской” модернизации находились как раз в тех институтах общества, которые были созданы и развивались благодаря модернизации. В первую очередь это относится к аппарату государственного управления среднего и низшего звена, армии и системе образования. Именно армейские офицеры, чиновники среднего звена, преподаватели и студенты высших учебных заведений являлись той социальной силой, которая была не удовлетворена существующими темпами процессов модернизации.

Перед традиционной элитой в мусульманских странах в этих условиях вследствие развития процессов модернизации постепенно встала задача сохранения власти. В каждом конкретном случае эта проблема решалась по разному. Монархическим режимам в Иордании, Марокко, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, Кувейте, Омане, Бахрейне, Катаре, Брунее, Малайзии удалось сохранить контроль над социальными и политическими процессами, появившимися вследствие “светской” модернизации. При этом они сохранили и исторически существовавший баланс светских и духовных начал в управлении исламским обществом своих стран. “Светская” модернизация, связанная с развитием промышленности, системы образования, армии, современных средств связи, транспорта и т.д. прошла в исторических рамках традиционного исламского общества и под контролем правящей элиты.

В 50-х - 70-х годах в некоторых исламских странах прошла серия военных переворотов, совершенных армейскими офицерами. Жертвами переворотов пали монархические режимы Египта, Ливии, Ирака, Йемена. Военные пришли к власти в Сирии. На политическую арену в мусульманском мире вышли Гамаль Абдель Насер, член организации “свободных офицеров” в Египте, его преемник Анвар Садат, полковник Каддафи в Ливии, Хафез Асад в Сирии, офицеры среднего звена Бакр и Саддам Хуссейн в Ираке. Это наглядно демонстрировало возросшую роль армии в мусульманском обществе. Как мы уже отмечали, развитие армии привело к повышению самостоятельности офицерского корпуса. В первую очередь это относилось к среднему и низшему командному составу. Общее недовольство недостаточными темпами модернизации, проводимой традиционной элитой, привело к распространению в армии радикальных

настроений. Как правило, в армии в ходу были идеи левого толка. Например, так называемый “а рабский социализм” в Египте, Сирии, Ираке.

Угроза со стороны армейских офицеров для традиционной элиты была объективно выше, чем со стороны исламских “консерваторов”, недовольных распространением в мусульманской стране западных ценностей. Армия была более серьезной политической силой. В то же время, традиционная элита основную угрозу стабильности своей власти видела в действиях немногочисленных на тот момент исламских “консерваторов”. Так как их деятельность бросала вызов самим сложившимся исторически устоям организации традиционного мусульманского общества. “Консерваторы” фактически подвергали сомнению способность правящей традиционной элиты в условиях разворачивающихся процессов “светской” модернизации обеспечить сохранение на должном уровне существующих исламских ценностей. Как мы уже отмечали, традиционная элита осуществляла власть на основании исторически сложившегося компромисса между духовными и светскими началами в управлении мусульманским государством и обществом. Именно на этом базировалась легитимность власти традиционной элиты в мусульманском обществе. Поэтому, естественно, что “консерваторы” считались большим злом для правящей элиты по сравнению со сторонниками ускоренной модернизации из числа армейских офицеров, чиновников и прочих.

Столь быстрый успех произошедших военных переворотов объясняется не только возросшей ролью армии в мусульманском обществе, но и характерными особенностями организации традиционного мусульманского общества. Верхушечный переворот, осуществленный армейскими офицерами, не мог встретить какого-либо сопротивления со стороны традиционного общества. Традиционное мусульманское общество в большинстве своем на тот момент не было затронуто процессами модернизации. Его консерватизм и почти абсолютная зависимость от управляющей системы в лице традиционной элиты приводили к тому, что приход к власти военных рассматривался общественным мнением мусульманского общества просто в качестве смены одной правящей элиты другой.

Соответственно, новая элита, преимущественно из числа армейских офицеров, выступала в качестве наследников существовавшей исторической традиции управления исламским обществом. А значит, продолжала осуществлять законные функции управления на основе исторически сложившегося компромисса между светскими и духовными началами. Сам факт смены власти, в том числе и насильственным путем, находился в границах существующей исторической традиции и не мог вызвать широкой оппозиции новому режиму. То обстоятельство, что во главе переворотов обычно стояли сторонники ускорения процессов модернизации, которые неизбежно должны были оказать влияние на систему организации и традиционные ценности мусульманского общества, не играло на этом этапе определяющего значения. Традиционное мусульманское общество было полностью зависимо от управляющей системы, представленной традиционной элитой и не воспринимало произошедшие изменения в качестве угрозы своим интересам.

В то же время, задачи, которые стояли перед сторонниками ускоренной модернизации мусульманских государств, в основном пришедших к власти в результате военных переворотов, неизбежно должны были оказать прямое воздействие на традиционное общество и традиционные ценности. То есть, попытки ускорения процессов модернизации, несомненно, должны были привести к серьезным структурным изменениям в организации традиционного мусульманского общества, которые в свою очередь, привели бы к изменению ценностных ориентаций.

1.4.4. Влияние арабо-израильского конфликта на процессы модернизации в мусульманском мире

Характерно, что почти все случаи, когда армия приходила к власти в мусульманских обществах, имели место в зоне противостояния с Израилем. Это относится не только к пограничным с Израилем Египту и Сирии, но и влиятельным арабским государствам Ираку и Ливии, воинские части которых в разное время принимали самое активное участие в боевых действиях против Израиля. Эта закономерность не выглядит случайной. Именно в этих странах становится наиболее острым противоречие между необходимостью усиления военной мощи для борьбы с Израилем и неспособностью традиционной элиты пойти на необходимую для этого радикальную модернизацию жизнедеятельности общества.

Приход армии к власти остро ставил вопрос о ресурсах для проведения ускоренной модернизации жизни мусульманского общества. В условиях биполярного мира и продолжающейся холодной войны было вполне естественно обратиться за такими ресурсами к СССР. Напомним, что перед новыми военными режимами стояла задача усилить военную мощь для решения главной внешнеполитической задачи - борьбы с Израилем. Существовавший в мире в начале 60-ых годов геополитический расклад способствовал оформлению просоветской ориентации новых военных режимов Египта, Сирии и в какой-то мере, Ирака и Ливии.

Пик военного противостояния пришелся на 1973 год, когда самая большая коалиция мусульманских государств попыталась добиться победы над Израилем. Помимо традиционных соперников Тель-Авива Сирии, Египта, Иордании в состав коалиции вошли Ливия, Алжир, Ирак, Уганда и некоторые другие страны. Поражение в октябрьской войне 1973 года резко изменило геополитическую карту региона.

Прежде всего, стало очевидно, что прямое вооруженное противостояние с Израилем, пользующимся прямой поддержкой США и западных стран в условиях холодной войны малоэффективно. Соответственно, необходимо было искать новые пути и варианты собственного развития. Перед мусульманскими государствами, руководимыми военными, встала задача обеспечения легитимности собственного правления в условиях тех изменений, которые уже произошли в системе организации традиционного общества в результате проведения политики ускоренной модернизации. Следовательно, необходимо было внести коррективы в проводимую политику модернизации с учетом изменившихся внешних и внутренних условий.

Фактически, нужно было найти тот вариант государственного устройства, который скоординировал бы задачи модернизации жизнедеятельности мусульманского общества с естественными процессами эволюции исламской общины, происходящими вследствие развития процессов самой модернизации. С тем, чтобы эти процессы не несли угрозу существующей системе власти.

В то же время, особых возможностей для маневра у новой элиты мусульманских государств, пришедшей к власти под лозунгом ускорения процессов модернизации, по сути дела не было. Процессы модернизации в мусульманских обществах остановить было нельзя, так как в этом случае пострадала бы военная и экономическая мощь государства, что в условиях перманентной конфликтности на Ближнем Востоке было недопустимо. Проводить же ускоренную модернизацию собственными усилиями было в тот момент невозможно ввиду отсутствия необходимых ресурсов. В условиях же биполярного мира

во время холодной войны такие ресурсы можно было получить только от соперничающих сверхдержав, Соединенных Штатов Америки или Советского Союза.

Ориентация на СССР, которой в свое время придерживались в большинстве своем почти все страны критического пояса вдоль линии противостояния с Израилем, стимулировала усиление государственного контроля над жизнедеятельностью общества, в том числе и вмешательства в традиционную систему организации классического мусульманского общества. В этом смысле, идеи “арабского социализма”, наиболее ярко представленные в Сирии и Ираке, управляемыми партией БААС, так же как и народного самоуправления (Джамахирии) в Ливии, были призваны предоставить новую альтернативу разрушающимся в ходе процессов модернизации ценностям традиционной мусульманской общины. Ключевыми моментами стали - лояльность вождю, политической партии, милитаризация и противостояние с врагом. Особенно важное значение имела милитаризация жизни страны и наличие внешнего врага. В этом смысле современное давление США на Ирак и Ливию только усиливает позиции Саддама Хусейна и Муамара Каддафи внутри страны, так как придает дополнительную легитимность их власти, соответственно, в иракском и ливийском общественном мнении.

Однако события октября 1973 года привели к тому, что в мусульманском мире была сделана попытка найти иные источники модернизации традиционного общества и иные способы поиска консенсуса идей о необходимости модернизации и сохранения исламских ценностей в современном обществе.

Египет при Анваре Садате пошел на мирные соглашения с Израилем, установил тесные отношения с США и избрал светский вариант развития. Модель светского государства в Египте, построенная по западным образцам, придала новый специфичный характер формуле синтеза духовного и светского начал в управлении исламским обществом.

Место традиционной элиты заняли институты светского общества. Духовное начало в управлении египетским обществом было представлено египетскими “улама”, которые давали идеологическое обоснование светской государственной власти. Наиболее влиятельным среди них является Исламский Университет Аль-Азхар. Египетская модель государственного устройства в настоящее время выглядит наиболее оптимальной с точки зрения баланса интересов изменяющегося традиционного общества и задач государственного строительства в процессе его модернизации. В то же время, за это Египет заплатил долгими годами изоляции от остального арабского мира. Правда, в обмен получил статус союзника США в регионе и ежегодные субсидии от Вашингтона для финансирования египетской армии. Кроме того, интенсивный процесс модернизации, проводимый до 1973 года, оказал заметное влияние на социальные основы традиционного египетского общества. Именно в Египте радикализация мусульманских движений, противников процессов модернизации, приобрела наибольший размах.

Компромисс интересов светского и духовного начал в управлении Египтом встретил сопротивление со стороны радикальных мусульманских организаций, которые опирались преимущественно на деклассированные городские слои, порожденные более ранними процессами модернизации традиционного египетского общества во времена противостояния с Израилем при правлении президента Насера. Так как светские государственные институты в Египте при Садате фактически заняли место исторической традиционной элиты, то для большинства египетского общества существующая модель компромисса интересов между духовными и светскими началами в управлении выглядела вполне естественной. Поэтому государство в Египте при поддержке большей части общества до сих пор продолжает борьбу против сторонников радикальных мусульманских

организаций, которые выражают сомнение в способности государства обеспечить сохранение исламских традиций. Жертвой этой борьбы в 1981 году пал и сам Анвар Садат.

В ситуации с Египтом бросается в глаза, что модернизация общества проходит в условиях компромисса интересов новой светской элиты с “консервативно” настроенными “улама”. В то же время в своем большинстве радикальные мусульманские организации в Египте выступают, как сторонники возвращения к принципам организации первоначальной мусульманской общины. Объектом их террористических действий фактически является государство, действующее на основе компромисса духовного и светского начал в управлении мусульманским обществом

Мы специально сконцентрировали внимание на процессах, которые происходили в странах, находящихся в зоне противостояния с Израилем. Большинство других мусульманских государств в период после второй мировой войны не испытывали необходимости и не располагали возможностями и ресурсами для проведения модернизации. В основном принципы их организации весь период до начала семидесятых годов оставались неизменными. В первую очередь это относилось к монархиям Персидского залива, включая в их число и Иран, находящийся в то время под управлением шахов из династии Пехлеви.

Бурные события пятидесятых, шестидесятых годов на Ближнем Востоке практически не оказали влияния на ситуацию в этих странах. К тому же, часть из них (Объединенные Арабские Эмираты, например) на тот момент все еще оставались в колониальном управлении западных стран. Традиционная элита Ирана, Саудовской Аравии, Омана, Кувейта, Бахрейна, Объединенных Арабских Эмиратов, Катара осуществляла управление обществами своих стран на основании исторически сложившегося синтеза светских и духовных принципов в управлении исламским государством и исламской общиной. Монархии стран Персидского залива в тот момент объективно находились на периферии глобальных процессов модернизации, происходивших в мусульманском мире. Экономические, социальные, политические отношения в обществах этих стран были фактически законсервированы на фоне минимально необходимых изменений в системе образования, промышленности и в области инфраструктуры.

Ситуация кардинальным образом изменилась после октябрьской войны 1973 года и тесно связанного с ней кризиса на рынке нефти. 6 октября 1973 года коалиция арабских государств атаковала Израиль в стремлении добиться реванша за прошлые поражения. После разгрома египетских и сирийских войск арабский мир впервые заявил о себе, как о влиятельной политической силе. 16 октября представители ОПЕК объявили в Кувейте о повышении цены на нефть за один баррель с 3,01 до 5,12 долларов США. 20 октября крупнейшая нефтедобывающая страна арабского мира Саудовская Аравия ввела нефтяное эмбарго. В то время саудовская нефть обеспечивала 30 % потребностей западноевропейских стран, 30 % Японии и 10% США/[19](#). Цены на нефть сильно выросли, и это обстоятельство на длительную перспективу изменило баланс сил и направлений развития в сердце мусульманского мира.

Прежде всего, благодаря возросшим доходам от продажи нефти монархии Персидского залива получили необходимые внутренние ресурсы для проведения политики модернизации. За сравнительно короткий срок из отсталой периферии мусульманского мира страны Персидского залива превратились в его наиболее влиятельный центр, сконцентрировав значительные денежные ресурсы. В 1973 году доходы Саудовской Аравии составляли 4.3 млрд. долларов, а в 1975 году - 25,7 млрд./[20](#). Благодаря

получаемым от продажи нефти доходам, монархии Персидского залива смогли в короткий срок провести широкомасштабную модернизацию жизнедеятельности традиционного общества, создав развитую систему образования, современную инфраструктуру, систему социального обеспечения, современную армию. Причем, весь процесс модернизации прошел в рамках традиционной системы организации классического мусульманского общества, которое перешло в иное качественное состояние, сохранив неизменными в се принципы организации, построенные на основе синтеза светского и духовного начал в управлении мусульманским обществом.

В основе общего успеха нефтедобывающих стран в проведении политики модернизации лежит возможность обеспечить сохранение в неизменном виде традиционной системы организации мусульманского общества. Достижения западной цивилизации вполне благополучно сосуществуют здесь с традиционными институтами власти, мусульманской общины и семьи. Главной причиной незыблемости традиционной организации мусульманских обществ стран Персидского залива, и их стабильности в новых цивилизационных условиях, стала возможность обеспечения высокого уровня благосостояния для подавляющего большинства граждан этих стран. При этом наиболее тяжелые работы по созданию материальных благ и оказанию услуг взяли на себя иностранные рабочие из Египта, Индии, Пакистана и других стран. Согласно проводившейся в Кувейте в 1995 году переписи, общая численность населения эмирата составила один миллион восемьсот тридцать тысяч человек, из них кувейтских граждан лишь 682 тысячи, или 37.3% /21.

В целом, традиционная система организации классического мусульманского общества монархий Персидского залива с помощью нефтедолларов вся целиком, без существенных изменений в ее социальной и политической организации, приспособилась к современным достижениям цивилизации. При этом бесправные иностранные рабочие составляют ту социальную группу, которая выполняет наиболее тяжелые и не престижные работы и которая, при этом не входит в систему организации традиционного общества. В то же время, обеспечивая условия для его развития и функционирования.

Исключение среди нефтяных монархий Персидского залива составил только Иран. Правительство шаха Реза Пехлеви после нефтяного кризиса 1973 года приступило к процессу модернизации в тех же условиях и с тех же стартовых позиций, что и другие нефтедобывающие страны Персидского залива. Продажа нефти позволила Ирану, так же как и Саудовской Аравии, ОАЭ и другим странам Залива, сосредоточить значительные денежные ресурсы для начала процесса модернизации. Однако, задачи, которые стояли перед Ираном, все же существенно отличались от задач в основном небольших по территории и численности населения государств Персидского залива.

Значительное население, выгодное географическое положение и “имперское” прошлое Ирана наряду с доходами от нефти давали иранскому руководству шанс стать крупнейшей региональной “сверхдержавой”. Соответственно, темпы модернизации, принятые другими нефтедобывающими традиционными монархиями Залива, не могли устроить достаточно амбициозное иранское руководство. Перед правительством шаха Реза Пехлеви встала задача добиться ускорения процессов модернизации патриархального иранского общества. Процесс получил название “белой революции”. Правда, в отличие от режимов в Египте при Гамаль Абдель Насере, Ливии при Муамаре Каддафи, Сирии при Хафезе Асаде, “белая революция” в Иране проходила в пределах капиталистической трансформации экономики и общества при минимально необходимом государственном контроле. Доходы от нефти давали возможность получить столь необходимые ресурсы для проведения процесса модернизации.

В то же время, “белая революция” в Иране вызвала глубокие структурные изменения в традиционной системе организации иранского общества, не обеспечив при этом создания альтернативных ценностей, как, например, в Ливии, которые смогли бы помочь государству обеспечить контроль над процессами, происходящими в обществе. Бурное развитие экономики вызвало массовую миграцию из села в город, строительство современной армии привело к росту политической активности увеличивающегося числа младших офицеров и технического персонала, потребности в образованных специалистах для экономики и армии стимулировали рост системы образования. Все эти процессы в той или иной мере характерны для любой патриархальной страны, переживающей процессы модернизации.

В случае же с Ираном времен “белой революции” все процессы происходили в ускоренном темпе, что, несомненно, создавало значительное давление на социальную организацию мусульманского общества и его традиционные ценности. Феномен Ирана семидесятых годов заключается в том, что традиционная элита в лице шаха Реза Пехлеви вообще пошла на вариант ускоренной модернизации, которая представляла объективную угрозу ее гегемонии на власть.

Ускоренная модернизация в Иране в рамках процесса “белой революции” была проведена правительством шаха Реза Пехлеви за сравнительно короткий исторический промежуток времени, примерно с начала 1974 года, когда стали проявляться первые результаты октябрьского кризиса цен на мировом рынке нефти, и до конца 1978 года. Естественно, что столь ограниченные сроки проведения комплексной модернизации жизнедеятельности традиционного мусульманского общества не могли не вызвать глобальных потрясений в системе организации иранского общества. Внедрение элементов западного образа жизни, достижений западной цивилизации, широкомасштабное строительство, развитие инфраструктуры, системы образования со стороны правительства шаха носило агрессивный характер и стало возможным в указанный период именно вследствие резко возросших доходов Ирана от продажи нефти после кризиса 1973 года. Происходящие изменения вовлекли в свою орбиту значительные массы иранского населения. При этом получить реальные результаты и конкретные блага от достижений “белой революции” смогла только его часть.

Традиционное иранское общество претерпело глубокие структурные изменения вследствие развития процессов модернизации. Одновременно, внедрение западного образа жизни вызвало кризис традиционных ценностей. Массы населения, вовлеченного в процессы модернизации, но не получившего от них реальных преимуществ, составили социальную основу для протеста против политики модернизации правительства шаха Реза Пехлеви. В основном, это были недавние выходцы из иранского села, потерявшие в новых условиях в городе привычные ценностные ориентиры и знакомые основы социальной организации.

Немаловажную роль в цепи последовавших далее событий, имеющих отношение к теме нашего исследования, сыграли особенности организации традиционного мусульманского общества в Иране, в отличие от других исламских стран.

Традиционная система организации, к примеру, монархий Персидского залива в процессе адаптации к процессу модернизации не испытывала значительного давления, так как практически в неизменном виде воспринимала и адаптировалась к результатам модернизации. Поэтому внутри сообществ этих стран не возникало реальной влиятельной оппозиции, с одной стороны, недостаточно быстрыми темпами процесса модернизации, с другой - той угрозе, которую этот процесс несет классическим исламским ценностям. К

тому же, в рамках традиционной элиты мусульманских государств, исповедующих ислам суннитского толка, существовал консенсус между функциями светского и духовного управления государством и обществом. Между исполнением этих функций в пределах власти традиционной элиты было невозможно провести четкую грань. Однако функции светского управления занимали лидирующее положение в иерархии властных полномочий перед функциями духовного управления.

В то же время, только в отношении Ирана, население которого исповедует ислам шиитского толка, правомерно в какой-то степени использовать термин о наличии мусульманского “духовенства”, выполняющего духовные функции управления мусульманским обществом отдельно от светских функций, представленных тем или иным видом государственной власти. По крайней мере, шиитские духовные авторитеты в Иране стоят гораздо ближе к этому понятию, чем духовные авторитеты в странах суннитского ислама, которые глубоко интегрированы в систему власти, осуществляемой традиционной элитой. Так, в работе Е. Дорошенко отмечается, что специфические особенности шиитского духовенства современный иранский ученый Али Давани видит в том, что оно в отличие от мусульманского (суннитского) духовенства “никогда не опиралось на правителей и по этой причине сохраняло свободу действий и независимость”/22.

Формально, вследствие исторической традиции компромисса и синтеза светских и духовных начал в управлении мусульманским обществом, власть традиционной элиты в Иране обладала необходимым запасом легитимности. Однако, фактически, вследствие особого статуса шиитского духовенства в этой стране функции духовного управления были отделены от функций светского управления. До тех пор, пока система организации традиционного иранского общества находилась в неизменном состоянии и в рамках исторической традиции, этот факт не имел большого значения. Государственной власти в шиитском Иране приходилось прилагать больше усилий для поддержания контактов с шиитским “духовенством”, чем государственной власти в странах суннитского ислама, так как “духовенство” здесь реально не было интегрировано в состав традиционной элиты. Процессы ускоренной модернизации в Иране объективно разрушили основы легитимности власти “светской” иранской традиционной элиты. Массы населения потеряли привычные ориентиры и системные связи. В результате, в ходе исламской революции 1979 года произошло перераспределение властных полномочий от системы “светской” власти традиционной элиты к системе духовной власти шиитского “духовенства”.

Шиитское “духовенство” в итоге взяло в свои руки светские функции по управлению иранским обществом. Сам факт перехода власти к мусульманскому “духовенству” в отдельно взятом исламском государстве стал возможен только вследствие произошедшего ранее разделения функций светского и духовного управления в мусульманском обществе. Причем, именно в шиитском Иране разделение этих функций приобрело наиболее реальные формы выражения. Задолго до исламской революции 1979 года шиитское “духовенство” занимало позицию в иранском обществе, отдельную от традиционной элиты, осуществлявшей светские функции управления. Процессы модернизации позволили шиитскому “духовенству” в Иране взять власть в свои руки и попытаться реализовать идею восстановления единства светского и духовного в управлении мусульманским обществом. “Исламское правление (в Иране - прим. авт.) - это обновленная доктрина имамата, попытка реализовать идеальную модель теократического правления, стремления возродить единство духовного и светского в исламе”/23.

В иранском опыте для нас особенно интересны те последствия, которые вызывают процессы ускоренной модернизации в традиционных мусульманских обществах. В случае

кризиса власти традиционной элиты вследствие развития процессов модернизации, которые оказывают чрезмерное давление на структуры и ценности традиционного мусульманского общества, в той или иной форме на первый план выходят ценности “исламского возрождения”, что подразумевает обращение к идее восстановления единства светского и духовного в исламе. То есть, фактически к ценностям первоначальной мусульманской общины.

1.4.5. Проблема движения сторонников “чистого ислама” в современном мусульманском обществе

Проблема “фундаментализма” существует в мусульманском мире относительно давно. Сторонники “исламского фундаментализма” в самом общем смысле выступали за усиление исламских начал, построенных на основах законов шариата, в жизни мусульманского общества, выступали против влияния западной цивилизации и применяли для достижения своих целей радикальные методы борьбы.

В последнее время в пределах общей проблемы “исламского фундаментализма” выделилась и оформилась проблема “ваххабизма”. Еще в 70-80-ые годы ваххабиты считались просто одним из радикальных направлений в исламе. Между тем, в современных условиях особенно на постсоветском пространстве “ваххабиты” становятся символом крайнего “исламского фундаментализма”, несущего угрозу стабильности политических систем новых независимых государств.

Отличительной особенностью “ваххабитов” среди прочих радикальных исламских группировок является приверженность к “ваххабизму” правящего дома Саудовской Аравии. Собственно, становление “ваххабизма” в качестве конкретного современного политического движения и, одновременно, международного явления, тесно связано с войной в Афганистане, и не без оснований Саудовская Аравия считается одним из спонсоров афганского сопротивления. Среди партий Пешаварской семерки, особенно тесные связи у саудитов были с небольшой радикальной организацией моджахедов, возглавляемой Сайяфом.

Однако, в качестве отдельного вопроса проблема “ваххабизма” появилась немного позднее. Хотя, сразу же возникает вопрос о том, насколько правомерно использовать название одного организованного движения в исламе в качестве характеристики целого направления, тесно связанного с теми глубокими изменениями, которые произошли в структуре мусульманского мира в разное время и с помощью различных методов в ходе реализации процессов модернизации.

Фактически название “ваххабиты” в современной традиции, используется в качестве определения сторонников восстановления ценностей первоначальной исламской общины. “Этот спорный термин используется только ввиду того, что пока только он принят в мировой литературе”/24. В то же время, часто применяется название “чистый (или истинный) ислам” для определения направления, которое стало массовым в современном мусульманском мире. Внешней стороной активности движения сторонников “чистого ислама” является строгое соблюдение законов шариата и связанных с ними предписаний. Однако в основе лежит отрицание не только современного светского влияния на жизнь мусульманского общества, но и существовавшего ранее, до начала процессов

модернизации баланса властных полномочий между светским и духовным началами в управлении исламским обществом.

Большинство населения в мусульманских странах не получает преимуществ от процессов “светской” модернизации. В то же время, модернизация неизбежно влияет на принципы организации исламского общества. В первую очередь давление оказывается на внутренние системные связи сельских общин. Нарастает миграция из села в город и обратная миграция результатов модернизации. Прежде всего, это относится к системе образования, здравоохранению, новым техническим приемам ведения сельского хозяйства и т.д. Все вместе это вносит дисбаланс в сложившуюся устойчивую систему организации традиционного мусульманского общества, в том числе и в систему распределения властных полномочий. Мигранты из села в города, большей частью не получают преимуществ от процессов модернизации и пополняют ряды городского люмпенизированного населения. “Мусульманские движения рубежа 80-ых годов - это, прежде всего движения средних и низших городских слоев населения. Там, где резкого изменения соотношения городского и сельского населения не было, не наблюдалось и сильного подъема массового исламского политического движения”/25.

Обычно, модернизация не может создать возможности для большинства населения. Особенно в условиях все возрастающего демографического давления. Индивидуального успеха, как условия распада общинных связей может достичь только часть населения. А в условиях повышенной миграции из села в город эта часть становится очень незначительной. Для остальных, затронутых процессами модернизации, но не получивших от него результатов, выглядит естественным обращение к потерянным ценностям. Тем самым они создают социальную базу для радикально настроенных сторонников восстановления ценностей первоначальной исламской общины.

В городских условиях невозможно воссоздать привычные связи, существовавшие в сельской общине. К тому же деятельность традиционной элиты, часть которой стремится к ускорению существующих процессов модернизации, вызывает разочарование у значительной части исламского общества. Поэтому логичным выглядит обращение к ценностям исламской общины в принципе. То есть восстановление в той или иной форме организации мусульманской общины времен пророка Мухаммеда. В этом заключается принципиальное отличие сторонников возвращения к истокам первоначальной мусульманской общины и “консерваторами”, выступающими против усиления светских начал в управлении традиционным обществом. “Консерваторы” фактически отстаивают восстановление и консервацию отношений, существовавших в мусульманском обществе до начала процесса модернизации. А значит и за сохранение баланса между светскими и духовными началами в управлении мусульманским обществом. В то время как сторонники “чистого ислама” саму возможность такого баланса, как не соответствующего ценностям первоначальной мусульманской общины. Сторонников восстановления ценностей первоначальной мусульманской общины часто весьма условно называют “ваххабитами”, хотя к сторонникам движения Мухаммеда абд аль-Ваххаба можно отнести далеко не всех.

Стремление обратиться к ценностям первоначальной исламской общины было присуще всем периодам эволюции мусульманского мира. Однако, в современных условиях степень размаха движения сторонников “истинного” ислама (условно их можно назвать “ваххабиты”) непосредственно связана с масштабами происшедших в том или ином исламском обществе социальных и политических изменений вследствие развития процессов модернизации. Вторые, “консерваторы”, борются не за ценности первоначальной исламской общины, а за восстановление той роли, которую ислам играл в

жизни государства до начала процесса модернизации. В этой трактовке заключается кардинальное отличие двух направлений среди исламских движений, выступающих в той или иной форме против светской модернизации. И это часто делает их оппонентами друг друга.

Традиционное (консервативное) понимание роли исламской общины в жизни общества было представлено среди части “улама”, которых условно можно назвать мусульманским “духовенством”. “Улама, стоящие на страже исламской ортодоксии ислама, по существу, противостояли не только западному религиозному модернизму, но и “возрождению ислама” нового типа, как идеологиям реформаторским”/26. Широкомасштабное движение сторонников “истинного ислама” возможно только там, где предварительно были проведены основательные попытки изменения образа жизни мусульманских общин. Реально, “светская” модернизация расчищает почву сначала для роста активности “консерваторов”, затем создает возможности для появления движения сторонников “истинного ислама”, в том числе и в самых радикальных формах проявления.

Степень развития процессов модернизации в жизни исламского общества и рост радикальных настроений под лозунгом возврата к ценностям первоначальной исламской общины тесно взаимосвязаны. Наиболее типичный пример взаимозависимости между процессами кардинальной модернизации жизнедеятельности исламского общества и ростом радикальных настроений под флагом возврата к ценностям первоначальной мусульманской общины происходит в современном алжирском обществе. “По мере роста урбанизации Алжира и превращения “лишних людей” алжирской деревни в горожан (вернее - в полугорожан, ибо очень часто в городе они не находили ни жилья, ни работы, ни устойчивости и стабильности жизни) “оппозиционный ислам” постепенно стал проникать в города... На фоне этих социальных процессов и в тесной связи с ними росла политизация масс, особенно городской бедноты и нетрудоустроенной молодежи. Оппозиционные настроения нашли свое естественное выражение в исламском фундаментализме, т. е. “возврате к истокам”/27. Надо отметить, что специфика Алжира как раз и заключается в попытках глобальной модернизации жизни традиционного мусульманского общества, предпринятых правительством Фронта национального освобождения Алжира в годы его правления, начиная с момента победы в антиколониальной войне против Франции (1954-1962 гг.) и вплоть до выборов 26 декабря 1991 года. На этих выборах, как известно, победила радикальная фундаменталистская организация Исламский Фронт Спасения (ИФС/ФИС). Отмена результатов выборов со стороны светски настроенной, прозападно ориентированной бюрократии и алжирской армии стала причиной ухода ИФС в подполье и развязывания широкомасштабной компании террора в Алжире.

Модернизация неизбежно способствует разрушению системных связей в мусульманском обществе и подвергает серьезному испытанию традиционные ценности. В том числе и исторически сложившийся баланс полномочий светского и духовного управления в исламском обществе. Такой баланс полномочий отвечает, прежде всего, интересам традиционной элиты и, так называемому, “официальному духовенству”.

Именно поэтому, “официальное духовенство” в мусульманских странах чаще всего весьма негативно относится к сторонникам “чистого ислама”, справедливо рассматривая их в качестве конкурентов на власть в духовной сфере традиционного мусульманского общества. Вследствие чего, “официальное духовенство” часто является надежным соратником традиционной элиты, выступающей против попыток сторонников “чистого ислама” вернуться к истокам первоначальной мусульманской общины времен пророка Мухаммеда. Традиционную элиту и “официальное духовенство” объединяет исторически

сложившийся компромисс духовного и светского начал в управлении мусульманским обществом. В то время как сторонники “чистого ислама” (“ваххабиты”) подвергают сомнению эту традицию, в условиях тех угроз, которые, по их мнению, несут изменения, связанные с процессом модернизации, классическим мусульманским ценностям.

В случае, если государство тем или иным путем сумеет сохранить необходимый компромисс интересов светского и духовного начал в управлении исламским обществом в условиях процесса модернизации, тогда государство вместе с частью “улама” может относительно успешно противостоять попыткам “модернизации исламской”. То есть, восстановлению ценностей первоначальной мусульманской общины времен пророка Мухаммеда в жизни современного общества. Так, как это происходит, например, в Египте или монархиях Персидского залива. В конечном итоге, многое зависит от степени воздействия модернизации на процессы в традиционном мусульманском обществе.

Принципиальное значение имеет то, что модернизация может иметь разный характер воздействия на традиционное общество. В тех случаях, когда государственное влияние на общество носит всеобъемлющий характер и относится к большинству сфер жизнедеятельности традиционного общества, существенно усиливаются скорость и масштабы разрушения традиционных ценностей. Обычно, прямое влияние модернизация оказывает в тех случаях, когда в мусульманском обществе предпринимаются попытки реализации идей по социальному переустройству. В этом случае, воздействие на традиционное общество, оказывается, по нескольким ключевым направлениям. Так, государство, в качестве управляющей подсистемы, кроме развития промышленной инфраструктуры, систем транспорта, связи, современного образования и т.д., оказывает серьезное прямое воздействие на социальную и идеологическую сферы жизнедеятельности традиционного общества.

Самый типичный пример жесткого, комплексного воздействия на традиционное мусульманское общество был реализован в Советском Союзе, в первую очередь, в советской Средней Азии. Все остальные попытки такого рода осуществлялись в странах, стремившихся в той или иной мере повторить социалистический опыт СССР. Сегодня таких стран с большей или меньшей долей вероятности можно выделить только две, Алжир и Афганистан. Как было уже отмечено, социалистическое влияние в Египте времен Насера, а также Сирии, Ираке, Ливии, Демократическом Йемене носили оттенок практической целесообразности. Правящие режимы в этих странах преимущественно использовали социалистическую риторику для решения двух кардинальных задач:

- усиления роли государства в управлении обществом,
- получения в глазах СССР дополнительных дивидендов, обеспечивающих политическую поддержку Москвы на международной арене и вооружение армии современным оружием.

С другой стороны, обычно в мусульманском обществе модернизация оказывает косвенное влияние на социальные процессы, настолько, насколько развитие промышленности, современной армии, системы образования может оказывать влияние на жизнь традиционных архаических общин. Воздействие оказывается в первую очередь путем косвенного разрушения внутренней целостности мусульманских общин и во многом связано с миграцией значительной части мусульманского населения из села в города.

Можно выделить прямую зависимость между масштабами развития движений сторонников “истинного (чистого) ислама” или “ваххабитов” в мусульманских районах СССР, Афганистане (движение Талибан) и отчасти в Алжире (Исламский фронт спасения,

FIS) и произошедшими в этих странах попытками системной модернизации традиционных мусульманских обществ. Это имеет прямое отношение и к конфликту в этих странах сторонников “истинного ислама” с традиционными мусульманскими направлениями. В условиях бывшего СССР, например в Дагестане, наиболее ярко выражен конфликт между “официальным духовенством” и сторонниками “ваххабитов”.

То есть, попытки кардинального переустройства мусульманского общества под социалистическими лозунгами, неизбежно напрямую ведут к разрушению и девальвации традиционных ценностей и структур исламского общества и расчищают дорогу появлению движений сторонников “истинного ислама”. Стремление к возврату к ценностям первоначальной мусульманской общины существуют во многих мусульманских странах. Однако, только после серьезных социалистических экспериментов движения сторонников возврата к “истинным ценностям” начинают приобретать масштабный характер. Это относится к движению Талибан в современном Афганистане, ИФС (FIS) в современном Алжире или “ваххабитам” на территории бывшего СССР. Причем, в этих странах конфликт между приверженцами официального (традиционного) ислама и сторонниками “истинного ислама” приобретает чрезвычайно острый характер.

В основе этого конфликта лежит кризис исторически сложившихся отношений баланса светских и духовных начал в управлении мусульманским обществом. Такой конфликт в прочих мусульманских странах существует в основном в скрытых (латентных) формах. Соответственно, крайне сложно, возможно, и не нужно, проводить в этих странах разделение между сторонниками традиционного и “чистого” ислама. В то же время, в странах, переживших социалистический эксперимент, эта грань зачастую становится вполне четкой и определенной. В этой связи представляет интерес представленная в Независимой газете сравнительная таблица соотношения численности в Дагестане религиозных активистов - последователей модернистского тариката, одного из традиционных направлений в суннитском исламе и “ваххабитов”.

При этом необходимо отметить, что по данным авторов “Независимой газеты”, ведущие лидеры дагестанских “ваххабитов”, такие, как Ахмад-кади Ахтаев и Багауддин Кизилюртовский, считают некорректным использование этого определения в их отношении. Они “полагают, что Мухаммад ибн-Абд-аль Ваххаб не был муджтахидом, не мог основать и не основал новый мазхаб, так как еще в X веке ведущими суннитскими богословами всего мира было решено канонизировать только 4 известных мазхаба (имама Малика, Ханафи, Шафии и Ханбалия - прим. авт.), признать муджтахидами их основателей и не допустить дальнейшего раздробления в толкованиях Корана и сунны. Он же, будучи представителем мазхаба Ахмада ибн-Ханбалия (ханбалитом), призывал к возврату к “чистому исламу” на основе Корана и сунны”/28. Это лишний раз говорит о том, что о существовании единого движения “ваххабитов” в современных условиях говорить неправомерно. Тем более о том, что такое движение может иметь единый координирующий центр. Логично предположить, что таким центром должна стать Саудовская Аравия, правящая династия которой придерживается учения Мухаммада ибн-Абд-аль Ваххаба.

Таблица 1.

Источник: “Независимая газета”, № 46 от 18.03.1998г.

Однако нет видимых оснований полагать о существовании такого “саудовского заговора”, направленного на всемирную “исламскую революцию” под лозунгом восстановления

ценностей первоначальной мусульманской общины (уммы) времен пророка Мухаммеда. Тем более, что сама Саудовская Аравия сталкивается с теми же проблемами внутри собственного общества. Осуществление власти династией саудитов носит вполне светский характер. Саудовская Аравия испытывает те же проблемы в отношении результатов светской модернизации и разочарованием в них части саудовского общества. Например, в настоящее время все оппозиционные течения в Саудовской Аравии распределяются на следующие группы:

- традиционалисты - ваххабиты, представленные престарелыми богословами. Они достаточно умеренны в критике режима;
- неоваххабиты - проповедники, учителя, студенты, маргинальные элементы, занимающие антизападную, антишиитскую позицию. Они очень активны и готовы к радикальным антиправительственным действиям. В сентябре 1994 года их лидеры шейх Сальман аль-Ауда и Сафар аль-Хавали были арестованы;
- умеренные исламисты, выступающие за принятие либеральной религиозной политики. К ним относится и базирующийся в Лондоне Комитет защиты законных прав во главе с Мухаммедом аль-Масари. Умеренная критика режима вызывает жесткие действия со стороны правительства и может быть радикализирована;
- шиитские исламисты, представляющие религиозное меньшинство Восточной провинции. Их радикализм в 90-ые годы был нейтрализован обещанием короля Фахда легализовать их религиозную деятельность/[29](#).

В каждом конкретном случае движение сторонников “чистого ислама” в разных мусульманских странах имеют собственные источники происхождения. Нет ничего общего между движением “ваххабитов” в российском Дагестане и непримиримыми исламистами в Алжире или талибами в Афганистане. Особые условия возникновения и функционирования Исламских партий существуют в Турции (РЕФА) и Таджикистане (Исламская партия возрождения). Среди причин возникновения преобладают локальные проблемы и противоречия.

Общая проблема заключается во взаимозависимости последствий модернизации и процесса возникновения радикальных исламских организаций, в том числе и движений сторонников “чистого ислама”, в каждом конкретном случае в условиях каждой отдельно взятой страны. Почему в ряде случаев радикальные исламские организации даже при широкомасштабной зарубежной поддержке не выходят за рамки разрозненных террористических группировок? В то же время, при других обстоятельствах радикальные организации приверженцев “чистого ислама” претендуют на политическую власть в масштабах конкретного исламского общества (как в Дагестане) или отдельной мусульманской страны (как в Афганистане или Алжире).

Весьма интересное определение причин успешного распространения “ваххабитов” на территории бывшего СССР дал в “Независимой газете” Марат Ражбандинов, слушатель Дипломатической Академии МИД Российской Федерации. “Тому, что сегодня ваххабизм довольно успешно распространяется в некоторых странах СНГ и на Северном Кавказе, - пишет он, благоприятствуют следующие факторы:

- во-первых, мощная финансовая опека Саудовской Аравии, являющейся при всем стратегическим союзником США, и насаждение ваххабизма ее целенаправленная политика;
- во-вторых, ваххабизм проникает туда, где существует вакуум власти и идеологии. Мусульманские субъекты России, лишенные за 70 лет своеобразной религиозной

- иммунной системы, вбравшей в себя традиционные, исторические, географические реалии стали легкой добычей экстремистского мировоззрения;
- в-третьих, ваххабизм, как правило, увлекает молодежь именно там, где существует массовая безработица, экономику поразил кризис.

Практически во всех странах исламского мира существует мусульманская интеллигенция, являющаяся неотъемлемой чертой мусульманской культуры. Именно она формирует модель и образ, при котором ислам находит оптимальное выражение в соответствии с современным экономическим и политическим положением. Это является государственной политикой и создает мощный идеологический базис под государственные интересы”/30. Если абстрагироваться от политической составляющей анализа российского исследователя, особенно в отношении стремления Саудовской Аравии насадить ваххабизм в качестве целенаправленной политики, то становится очевидным, что основные причины усиления сторонников “чистого ислама” лежат в ослаблении институтов традиционного мусульманского общества за годы проведения социалистического эксперимента в бывшем СССР.

Очевидно, что под пониманием автором государственных интересов и ислама, как направления государственной политики, подразумевается исторически существовавший баланс светских и духовных начал в управлении мусульманской общиной. Образовавшийся вакуум в годы существования СССР в осуществлении политической и идеологической власти в мусульманском обществе и стремятся заполнить радикальные организации, отражающие интересы широких слоев мусульманского общества, вовлеченных в процессы модернизации, но не получивших от этого преимуществ. Этому во многом способствует:

- разочарование значительной части общества в результатах процессов модернизации;
- демографическое давление, которое усиливает кризисные явления в обществе;
- слабость традиционной элиты и традиционных мусульманских авторитетов.

Последнее, в основном происходит вследствие масштабов и размаха процессов модернизации, произошедших в мусульманском обществе. Например, в случае с Афганистаном разочарование большей части населения в результатах модернизации, проходившей под социалистическими лозунгами и при поддержке СССР, совпало с ослаблением традиционной элиты в ходе многолетней войны. Как составная часть традиционной элиты мусульманского общества, кризис в отношениях с общественным мнением переживают и мусульманские духовные авторитеты. Слишком тесная связь мусульманских авторитетов с государственными институтами, ведущую роль в которых занимает традиционная элита, делает их позиции чрезвычайно уязвимыми по сравнению с радикальными сторонниками “чистого ислама”. Трагически погибший летом 1998 года главный муфтий Дагестана Сайдмухаммед Абубакаров в своем последнем интервью прямо признал, - “Я, сторонник традиционного ислама, но у нас нет силы противостоять вооруженной армии приверженцев экстремистской идеологии (дагестанских “ваххабитов” - прим. авт.)”/31.

Вопрос заключается в том, что первично, а что вторично. Несомненно, первичным в процессе радикализации исламских движений являются глубина и масштаб прошедших в конкретном обществе изменений вследствие модернизации. Влияние из-за рубежа носит ярко выраженный вторичный характер. Оно может иметь значительное влияние на общество только в случае его готовности к такому влиянию. Когда разочарование значительной части общества не только результатами модернизации, но и деятельностью

традиционной элитой и тесно с ней связанными “улама” доходит до определенного уровня, тогда возникают условия для появления радикальных движений сторонников “истинного ислама” или “ваххабитов”.

Соответственно, одним из главных условий появления влиятельных политических движений сторонников “истинного ислама” (“ваххабитов”) является резкое ослабление позиций в каждом конкретном обществе традиционной элиты, имея в виду и официальные “улама”. Такое ослабление может произойти только в случае, если одновременно и параллельно с модернизацией жизнедеятельности традиционного общества происходит прямое (в том числе и силовое) давление на его структуры. Это наиболее характерно для социально-политических экспериментов, проводимых под социалистическими лозунгами. Так как это происходило в мусульманских районах бывшего СССР и Афганистане. Так, например, “в 20-30-е годы XX века более 300 чеченских мулл, шейхов и их мюридов были расстреляны. Мало, кто из духовных авторитетов остался в живых”/32.

Естественно, что впоследствии, после распада СССР, произошло восстановление институтов традиционного мусульманского общества на базе сохранившихся исламских общин. В то же время, фактическое отсутствие преемственности власти традиционной элиты, во многом обусловленное ее фактическим уничтожением в первые годы советской власти, привело к появлению вакуума в формировании системы управления и ценностных ориентиров. Попыткам части новой элиты мусульманских обществ восстановить утраченные связи, существовавшие до начала социалистического эксперимента и заполнить образовавшийся вакуум в общественном сознании, как раз и противостоят сторонники “чистого ислама”, призывающие к восстановлению ценностей первоначальной мусульманской общины в ее идеальном варианте. При этом представители новой нарождающейся традиционной элиты выступают как наиболее последовательные противники идеологии “чистого ислама”, подвергающей сомнению основные, привычные системные связи и ценности традиционного общества. В своем большинстве сторонники “чистого ислама” рекрутируются из числа людей, которые в силу тех или иных причин вышли из рамок традиционных структур, заметно ослабевших за годы проведения социалистического эксперимента. Они проявляют лояльность исламской общине в целом, стремясь буквально следовать своему пониманию идеальной мусульманской общины времен пророка Мухаммеда.

В то же время, существует принципиальная разница условий появления движений сторонников “чистого ислама” и условий, благоприятствующих их превращению во влиятельную общественно-политическую силу, претендующую на власть в масштабах конкретного мусульманского общества или государства. Появление движений сторонников “чистого ислама” является во многом неизбежным следствием развития процессов модернизации, оказывающей давление на структуры и ценности традиционного мусульманского общества. Это явление характерно почти для всех мусульманских стран или обществ, столкнувшихся с необходимостью адаптации обществ своих стран к современным условиям и задачам, диктуемым процессами модернизации. Причем, социалистическая модернизация имеет более тяжелые последствия для традиционной системы организации мусульманских обществ и, следовательно, создает более удобные предпосылки для становления движений сторонников “чистого ислама”.

Кроме того, немаловажное значение имеет способность традиционной элиты в конкретном мусульманском обществе противостоять претензиям на власть сторонников “чистого ислама”. Необходимо отметить, что крайне важное значение в этом случае имеет наличие развитых государственных институтов, которые являются естественным продолжением развития права традиционной элиты на власть в мусульманском обществе.

Равно, как и сохранение определенного уровня результатов модернизации. В этом случае, оппонентами радикальных движений сторонников “чистого ислама” выступают структуры государства, которые олицетворяют власть традиционной элиты. Так, как это произошло в Алжире, где армия и светские институты государственной власти вступили в прямую военную конфронтацию с радикальными сторонниками “чистого ислама” из Фронта исламского спасения. В отличие от Алжира, институты централизованного государства в Афганистане были почти полностью дискредитированы в ходе многолетней войны и стремления многочисленных полевых командиров к максимально возможной степени автономии, равно как и разрушены почти все достижения модернизации. В этом случае, радикальное движение сторонников “чистого ислама” Талибан сравнительно легко преодолело сопротивление традиционной афганской политической элиты. Так как оно выступало против традиционной элиты, а не против государственных институтов.

Отсутствие системы государственной власти в мусульманских районах Северного Кавказа, наряду с ослаблением российского присутствия, заметно ослабляет возможности традиционной элиты противостоять сторонникам “чистого ислама”. Это имеет отношение даже к фактически независимой Чечне.

Таким образом, наиболее удобные возможности для усиления сторонников “чистого ислама” (“ваххабитов”) происходят вследствие резкого ослабления позиций традиционной элиты в традиционном мусульманском обществе в результате прямого силового давления на них, совпавшее по времени с развитием процессов модернизации. Это в большей степени характерно для стран, проводивших политику модернизации по советским образцам.

В то время как обычно в мусульманских странах процессы модернизации происходят вне структур традиционного общества и могут оказывать на них влияние только косвенным образом.

1.5. Процессы модернизации в исламском мире и Афганистан

До начала семидесятых годов Афганистан объективно находился вне политических и социальных процессов, разворачивающихся в исламском мире. Это во многом диктовалось его местонахождением на периферии мусульманского мира и общей цивилизационной отсталостью. Кроме того, Афганистан находился в определенной геополитической изоляции.

С севера Афганистан был изолирован границами СССР, которые с двадцатых годов, практически полностью прервали какие-либо культурные, социальные и экономические контакты афганского общества с мусульманскими сообществами советской Средней Азии. Безусловно, это не имело отношения к гуманитарной помощи, которую Москва оказывала Кабулу, а также внешней торговле Афганистана с СССР на межгосударственном уровне. С юга Афганистан граничил с Пакистаном, через который осуществлялась вся основная экономическая активность страны по линии Кабул - порт Карачи.

Инерция политического развития страны, во многом обусловленная буферным статусом Афганистана, фактически сделала Кабул пассивным наблюдателем тех геополитических процессов, которые происходили в регионе.

Так, например, руководство в Кабуле при всем категорическом неприятии линии Дюранда в качестве официальной границы между Афганистаном и Британской Индией, тем не менее, не сумело использовать факт ухода англичан из региона в 1947 году. Вновь образованное государство Пакистан сохранило под своим контролем Северо-западную провинцию бывшей Британской Индии, населенную этническими пуштунами, а линия Дюранда стала государственной границей Пакистана с Афганистаном. Хотя в 1949-1965 годах и происходили эпизодические пограничные столкновения на пакистанско-афганской границе, тем не менее, общая отсталость Афганистана сказывалась на фоне тех изменений, которые произошли в колониальные и постколониальные времена в Западной части Британской Индии, ставшей впоследствии Пакистаном.

Буферный статус Афганистана, установленный в ходе размежевания геополитических интересов Британской и Российской империй в регионе, придавал дополнительную легитимность существующим в регионе границам. Уход Великобритании из Индии, образование на территории бывшей британской колонии двух независимых государств, Индии и Пакистана, и связанные с этим территориальные споры и военные конфликты прошли, тем не менее, в рамках внешних границ бывшей Британской Индии. Соответственно, вновь образованное государство Пакистан унаследовало, в том числе, и британскую политику в отношении Афганистана.

Для Кабула в результате ухода из региона Великобритании внешне ничего не изменилось. Это лишь еще раз подтверждает пассивную роль монархического Афганистана на геополитической карте региона в послевоенный период. Главным фактором относительной несамостоятельности монархического режима в Кабуле стала отсталость страны, обусловленная консервацией экономических и социальных отношений. В свою очередь, отсталость Афганистана, особенно в сравнении с вновь образованным Пакистаном, была предопределена буферным статусом страны, сложившимся в годы противостояния Российской и Британской империй в регионе Центральной Азии.

Внутри самого Пакистана политическая элита провинций Пенджаб и Синд реально заняла место британской колониальной администрации по отношению к более отсталым Северо-Западной пограничной провинции и провинции Белуджистан. Сохранив контроль над британским наследием в Западной части Британской Индии, политическая элита нового государства Пакистан оставила неизменным и афганское направление британской политики в регионе. Афганистан был слишком слаб и законсервирован в своем буферном статусе, чтобы попытаться воспользоваться обстоятельствами, связанными с разделом Индии. Однако проблема линии Дюранда осталась и стала на долгую перспективу во многом определять характер отношений вновь образованного государства Пакистан и Афганистана.

Слабый Афганистан перестал устраивать часть образованной элиты страны. Отсталость страны особенно стала заметна и нетерпима для части элиты на фоне бурных перемен в Персидском заливе и соседнем Иране. “Исламский бум” семидесятых годов фактически способствовал началу “пробуждения” Афганистана.

Традиционная элита афганского общества, возглавляемая королем Захир-шахом, не могла обеспечить выполнение стоявшей на повестке дня задачи проведения модернизации жизнедеятельности общества. Традиционная элита скорее была заинтересована в сохранении статус-кво. В этом смысле, переворот, осуществленный 17 июля 1973 года принцем Даудом, ставшим первым президентом Афганистана, выглядел как компромисс интересов части традиционной элиты, недовольной пассивностью монархии. Сам факт образования светской республики был уже революционным шагом для патриархального

Афганистана. Президент Дауд в некотором смысле ускорил процессы модернизации в стране. В этом ему значительную помощь оказывал соседний Советский Союз.

В то же время, антимонархический переворот, осуществленный принцем Мохаммадом Даудом 17 июня 1973 года, и проведение им политики ускоренной модернизации спровоцировали рост оппозиционных настроений внутри страны и повышение напряженности в отношениях с Пакистаном. Перспектива возможного развития Афганистана, связанного с происходящими процессами модернизации афганского общества, которые находили свою поддержку у СССР, вызывали беспокойство в Исламабаде. Пакистан только что (в 1971 году) потерял Восточный Пакистан (Бенгалию). Поэтому все политические процессы в соседнем Афганистане, правящая элита которого не скрывала своего несогласия с прохождением линии Дюранда в качестве государственной границы между двумя странами, создавали потенциальную угрозу интересам Пакистана.

Первый президент республиканского Афганистана, член королевской семьи принц Дауд был сторонником повышения регулирующей роли государства при осуществлении политики ускоренной модернизации. Дауд полагал, что ускоренная модернизация способна преодолеть отсталость Афганистана. Для обеспечения условий модернизации правительством Дауда были проведены ряд ограниченных реформ. В частности, осуществлена аграрная реформа, приняты законы о прогрессивном земельном налоге, о кооперативах, проведена национализация ряда крупных промышленных предприятий. Но самое главное, правительство Дауда в марте 1976 года в рамках первого семилетнего плана развития на период до 1982-1983 гг. запланировало увеличение затрат на развитие в шесть раз.

Таблица 2.

Затраты на развитие в период семилетнего плана (1976/77 - 1982/83 гг.) в сравнении с фактическими расходами на развитие в предшествующие семь лет

Источник: Махмудов Э.Р. Афганистан: основные этапы эволюции государственной политики в области индустриализации. (1919-78 гг.) - в сб. Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989, С. 157.

Столь радикальное увеличение средств на развитие страны в рамках семилетнего плана наглядно демонстрировало приоритеты режима Дауда. Дауд стремился ускорить процессы модернизации в Афганистане. Средства должны были быть направлены на развитие промышленности, современной инфраструктуры, энергетики, систем образования. Особое внимание уделялось планам строительства железной дороги. Отсутствие железнодорожного сообщения в Афганистане считалось одним из важных свидетельств отсталости страны. Если в соседних Пакистане и советской Средней Азии строительство основных объектов инфраструктуры, в том числе и железных дорог, началось еще со времен колониального управления со стороны Российской и Британской империй, то в независимом государстве Афганистане, выполнявшем роль буфера между интересами в регионе этих двух империй, объекты современной инфраструктуры отсутствовали почти полностью.

В то же время, масштабные планы Дауда подчеркнули главное уязвимое место на пути реализации стремления части афганской элиты к модернизации - отсутствие необходимых для этого ресурсов. Внутри Афганистана необходимых для этого ресурсов не было. Поэтому, не случайно, большая часть средств на развитие страны была предусмотрена за счет иностранной помощи. Однако весомых аргументов, которые могли бы заставить

иностранные государства увеличить в планируемых режимом Дауда объемах размеры иностранной помощи, в семидесятых годах не было. В первую очередь это имело отношение к СССР, обеспечивавшему до 60-70 % всей иностранной помощи Афганистану в семидесятые годы. Афганистан занимал устойчивое место в системе геополитических интересов, и его отсталость была одним из условий общей стабильности ситуации в регионе. Поэтому планы Дауда по ускоренному развитию процессов “светской” модернизации были заведомо обречены на провал.

В то же время, развитие процессов “светской” модернизации в Афганистане при президенте Дауде привело к росту внутренней оппозиции. Появление внутренней оппозиции в результате модернизации жизнедеятельности традиционного общества отвечало тем же закономерностям, которые ранее имели место в других мусульманских государствах. С одной стороны, представители социальных слоев, развивающихся в результате модернизации общества, вместе с частью традиционной элиты выражали недовольство недостаточно быстрыми темпами модернизации в Афганистане. В первую очередь, это имело отношение к среднему и низшему офицерскому составу армии, городской интеллигенции и среднему административному персоналу. Именно эти группы населения и составили социальную основу Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), которая была образована в 1965 году. С другой стороны, в Афганистане появилась оппозиция “традиционалистского” толка, выступающая против той угрозы, которую несла, по их мнению, “светская” модернизация исламским ценностям в жизни афганского общества. Среди “традиционалистов” уже в это время выделялся Гульбеддин Хекматиар, организовавший вооруженные выступления против монархии и режима президента Дауда.

Как и в других странах мусульманского мира, на этом этапе в афганском обществе “исламская оппозиция” традиционалистского толка, выступающая против развития процессов модернизации, была несоизмеримо слабее своих оппонентов, настаивающих на ускорении “светской” модернизации. Ее реальные возможности объективно были весьма ограничены. Так, например, Г. Хекматиар был до апрельской революции 1978 года всего лишь лидером небольшой радикальной группировки, ведущей борьбу против политического режима, осуществляющего управление Афганистаном на основании исторически сложившегося компромисса светских и духовных начал в жизни общества. Легитимность управления Афганистаном традиционной элиты, возглавляемой президентом Даудом, не подвергалась сомнению со стороны в основном патриархального афганского общества.

Процессы модернизации, проводимые в годы правления короля Захир-шаха, а впоследствии и президента Дауда, не затрагивали широкие слои преимущественно сельского населения Афганистана. Соответственно, не оказывали большого давления на традиционную систему организации афганского общества и не подвергали серьезным испытаниям традиционные ценности, в том числе и исламские. Естественно, что осуществление власти традиционной элитой в традиционном обществе предполагало и бесспорное право этой элиты на проведение, в том числе, и модернизации жизнедеятельности общества. Так как “традиционалисты” (или “консерваторы”), например, Г. Хекматиар, выступали против исторического права традиционной элиты осуществлять власть в мусульманском обществе, то они на тот момент не могли иметь значительную поддержку в обществе. В основном такая поддержка ограничивалась некоторой частью люмпенизи рованного городского населения.

В этом смысле, переворот, организованный членом королевской семьи принцем Даудом, выглядел как возможность для проведения традиционной афганской элитой умеренной

“светской” модернизации в пределах традиционного общества. Постепенность процессов модернизации должна была, очевидно, способствовать поэтапной адаптации афганского общества к результатам процессов модернизации и сохранению в неизменном состоянии организации общества и системы управления в стране.

Однако именно умеренность процессов модернизации при президенте Дауде и не устраивала на тот момент радикальную часть городской интеллигенции и армейских офицеров, объединившихся в рядах НДПА. На этом этапе развития афганского общества их возможности повлиять на ситуацию в стране, несомненно, были выше, чем у исламских “консерваторов”, выступающих против того негативного влияния, которое модернизация на их взгляд оказывала на традиционные мусульманские ценности.

В отличие от сторонников ускоренной модернизации, имевших сильные позиции в армии, системе образования и аппарате управления, исламские “консерваторы” реально выступали против легитимного права традиционной элиты на осуществление власти в стране на основе исторического компромисса светских и духовных начал в управлении мусульманским обществом. То есть, подвергали сомнению возможности традиционной элиты обеспечить в новых условиях сохранность исламских ценностей в жизни афганского общества. Естественно, что “консерваторы” типа Г. Хекматиара, с точки зрения традиционной элиты, представляли большую угрозу ее власти, чем сторонники ускорения процессов модернизации. В то же время у последних возможности для влияния на ситуацию в обществе были существенно выше, так как их сторонники как раз и базировались в тех структурах, которые развивались благодаря процессам модернизации. Что лишний раз доказал решительный успех апрельской революции 1978 года в Афганистане.

Апрельская (саурская) революция 1978 года прошла по сценарию аналогичных выступлений сторонников ускоренной модернизации, прошедших ранее в некоторых других исламских государствах. Например, в Египте в 1956 году, в Ливии, в Ираке, в Сирии. При поддержке среднего и младшего офицерского состава в результате военного переворота к власти в Афганистане пришли радикально настроенные сторонники ускорения модернизации в жизни традиционного общества из Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). В то же время, весьма характерно, что военный переворот в Кабуле не вызвал на первом этапе какого-либо масштабного сопротивления в стране. Традиционное афганское общество восприняло апрельскую революцию, как продолжение исторической традиции управления в стране. При этом новое руководство Афганистана продолжило легитимное право на власть традиционной афганской элиты. Тем более, что ряд лидеров НДПА (Тараки, Наджибулла и другие) относились к традиционной пуштунской аристократии.

Объективно, сам факт военного переворота в столице не мог изменить что-либо в укладе жизни и системе организации общества в Афганистане. Так как традиционное афганское общество находилось в состоянии стабильности и традиционная афганская элита, по прежнему контролировала положение в стране, особенно в провинции. Инерцию развития афганского общества революция 1978 года изменить не могла. В тот момент не представляли серьезной угрозы для нового правительства в Кабуле и сторонники оппозиционных процессам модернизации движений “исламских консерваторов”. Их оппозиция новому светскому режиму в Кабуле была все еще ограничена традицией осуществления политической власти в традиционном афганском обществе и отсутствием широкой социальной базы.

В то же время, апрельская революция давала возможность Народно-демократической партии Афганистана провести попытку кардинального переустройства жизнедеятельности афганского общества и тем самым преодолеть отсталость страны. Однако, широкомасштабные планы по проведению процессов ускоренной модернизации, осуществить которую намеревались сторонники НДПА, требовали значительных материальных ресурсов. В конце семидесятых годов Кабулу естественно было обратиться за помощью к Советскому Союзу, традиционному союзнику Афганистана.

1.6. Революция в Афганистане, как вызов существующим геополитическим приоритетам в регионе Центральной Азии

События в Кабуле в апреле 1978 года создали условия для нарушения устоявшегося системного геополитического равновесия в регионе Центральной Азии. При всей политической слабости существовавших режимов в Кабуле и цивилизационной отсталости афганского общества, Афганистан, тем не менее, занимал ключевое положение в регионе, которое во многом определяло стабильность всех существующих отношений на геополитической карте региона. Изменение внутривнутриполитических ориентиров в Афганистане вынуждало заинтересованные государства пересматривать свои геополитические приоритеты. В первую очередь это имело отношение к ближайшим соседям Афганистана Советскому Союзу и Пакистану, а также тесно связанной с ними конфликтами и интересами Индии.

Именно эти три страны составляли геополитическую ось, неустойчивое равновесие которой способствовало консервации отношений в Центральной Азии. Такая ось оформилась после ухода Великобритании из Индии. Вновь образованные государства Индия и Пакистан перераспределили между собой унаследованные ими функции Британской империи в расстановке сил в регионе. Это имело отношение и к буферному статусу Афганистана, который был предопределен компромиссом интересов Российской (Советской) и Британской империй.

Для Советского Союза апрельская революция 1978 года и общее развитие ситуации в Афганистане объективно складывались невыгодным образом. Существовавшая десятилетия геополитическая модель отношений в Центральной Азии вполне устраивала Москву, так как сохраняла позиции СССР в качестве наиболее влиятельной силы в регионе. После распада Британской империи, сформировавшийся союз Москвы и Дели при сохранении буферного статуса Афганистана предопределял доминирование СССР на геополитической карте региона. Даже усиление американского влияния на Пакистан в семидесятых годах, как мера, призванная компенсировать тесные советско-индийские отношения, было малоэффективно, ввиду слабости позиций Исламабада.

В целом, для СССР система безопасности в регионе Центральной Азии основывалась на ряде ключевых факторов:

- полной изоляции мусульманских сообществ Советской Средней Азии с юга от каких-либо контактов с внешним миром;
- буферном статусе Афганистана, ограждавшего Советскую Среднюю Азию от возможного влияния извне;
- союзническими отношениями с Индией;
- сложными отношениями между Афганистаном и Пакистаном.

Данная конструкция достаточно успешно представляла интересы СССР в регионе весь послевоенный период. Весомых причин для изменения ситуации, на первый взгляд, у Москвы не было. Тем более, что у Москвы всегда существовали устойчивые связи с любым режимом в Кабуле. Поэтому радикальные изменения в Афганистане если не застали Советский Союз врасплох, то, по крайней мере, поставили достаточно сложную задачу определить свои приоритеты в новой геополитической обстановке.

Не менее сложную задачу поставила революция 1978 года в Афганистане и перед пакистанским руководством. На тот момент можно было предположить, что в планах реформаторов в Кабуле будет стоять модернизация жизнедеятельности афганского общества. Прежде всего, это будет иметь отношение к развитию промышленности, армии, системы образования. Логично было предположить, что ресурсы для проведения такой модернизации, с учетом тесных связей афганской элиты и Москвы, будут предоставлены Советским Союзом. Следовательно, произойдет усиление роли Афганистана в регионе. А с учетом негативного отношения афганской элиты к линии Дюранда в качестве государственной границы между Пакистаном и Афганистаном, можно было ожидать только ухудшения отношений между Исламабадом и Кабулом. Кроме того, образ динамично развивающегося Афганистана мог бы стать привлекательным для пакистанских пуштунов, населяющих Северо-западную провинцию страны. С точки зрения уровня развития систем образования, коммуникаций, производительных сил, внутренние районы Пакистана всегда были более интересны в первую очередь для элиты пуштунских племен Северо-Западной провинции, чем относительно отсталый Афганистан. Что являлось дополнительным фактором, способствующим связям пакистанских пуштунов и пакистанского государства.

В Пакистане пуштунская традиционная элита была достаточно влиятельна и с момента образования независимого государства занимала видное место в системе управления. Особенно позиции пуштунской элиты в пакистанском обществе усилились с 60-х годов, со времен правления в Пакистане режима генерала Айюб-хана, по происхождению этнического пуштуна. Пуштуны контролировали целый ряд влиятельных финансово-промышленных групп Пакистана: “Гоухар-Хабиб”, “Гандхара”, “Хайбер” и другие занимали видное место в текстильной, сахарной и автомобильной промышленности Пакистана/[33](#). Кроме того, интересы пуштунов в Пакистане представляет Авами нэшнл парти (АНП), которая недавно выступила с требованием переименовать Северо-западную провинцию Пакистана, где этнические пуштуны (патаны) составляют большинство, в Пактунхва (страна патанов)/[34](#). С этой точки зрения, Пакистану, без сомнения, было невыгодно усиление Афганистана.

Так или иначе, сам факт победы афганских реформаторов повысил уровень нестабильности в системе геополитических приоритетов в регионе. И если для Пакистана в новой ситуации единственным выходом было поддерживать все силы, выступающие против нового режима в Кабуле, начиная от монархистов до исламских радикалов, то для Москвы ситуация с поддержкой афганских революционеров из НДПА не выглядела столь однозначно.

Важно было определить, насколько далеко готовы афганские революционеры из НДПА пойти в своем стремлении к модернизации патриархального афганского общества и к каким изменениям в региональной системе безопасности это может привести. В то же время Москва не могла в принципе отказаться от поддержки НДПА. Это означало бы уйти из Афганистана, а об этом не могло быть и речи.

Если бы советское руководство проигнорировало изменения в Кабуле, тогда была высока вероятность того, что руководство НДПА найдет другие источники ресурсов, необходимых для модернизации афганского общества. В условиях холодной войны и биполярного мира существовал только один возможный альтернативный источник таких ресурсов. Это мог быть только блок западных стран во главе с США через посредничество крупных нефтедобывающих исламских стран прозападной ориентации, например, Саудовской Аравии. Такой вариант развития событий не мог устраивать советское руководство, так как представлял прямую угрозу южному направлению существовавшей тогда системе безопасности СССР.

Поддержка Москвой усилий афганских реформаторов по сценарию, который применялся, например, в Египте или Сирии неизбежно привела бы к повышению значения и самостоятельности Кабула. При этом не было уверенности в том, что политическая ориентация в Кабуле в один день не изменится, как это было, например, с Анваром Садатом в Египте. Возросшее значение Афганистана, как неизбежное следствие развития процессов модернизации, было нежелательным для советского руководства. Эксперименты по социалистическому переустройству восточного общества, пользовавшиеся поддержкой Москвы по всему миру, выглядели опасными в непосредственной близости от границ СССР. К тому же, исторически отсталость Афганистана была наилучшим и проверенным вариантом поддержания буферного статуса этой страны, а, следовательно, и безопасности южных рубежей СССР.

Введение советских войск в Афганистан надо рассматривать, как попытку радикального решения геополитической проблемы для СССР, возникшей вследствие революции 1978 года. До начала 1979 года Москва пыталась определиться в своем отношении к афганской революции. В свою очередь афганские революционеры из НДПА стремились убедить советское руководство в необходимости расширения масштабов присутствия СССР в Афганистане. Очевидно, что только из СССР могли взяться столь необходимые ресурсы для проведения процессов ускоренной модернизации. Сначала в Москве, по видимому, не проявляли особого желания изменить существующие отношения с Афганистаном. Однако традиционные размеры советской помощи Афганистану были недостаточны для решения тех задач, которые поставило перед собой новое афганское руководство.

Фракционная борьба внутри НДПА между группами Хальк и Парчам, предпринимавшиеся новым афганским руководством попытки начать преобразования в афганском обществе объективно усиливали напряженность в стране. К тому же, оппозиционные НДПА афганские группы, например, Хекматиара, Гелани и других укрылись на территории Пакистана. К этому моменту Исламабад уже серьезно опасался устремлений нового руководства в Кабуле. Поэтому афганская оппозиция естественным образом получила полную поддержку Пакистана.

Рост напряженности вдоль геополитической оси советская Средняя Азия - Афганистан - Пакистан, спровоцированный апрельской революцией в Афганистане, требовал от заинтересованных сторон принять взвешенные решения. Ситуация осложнялась тем, что общая геополитическая обстановка оставалась неизменной с момента укрепления позиций СССР на бывших южных границах Российской империи в двадцатых годах XX века. Поэтому стороны и, в первую очередь это относилось к СССР, не имели практического опыта действий в новой обстановке. Внутренняя ситуация в буферном государстве Афганистан всегда была незначительным фактором в общей системе безопасности в Центральной Азии. Соответственно, пробуждение "патриархального" афганского общества если не стало сюрпризом для руководства СССР, Пакистана и Индии, то, по

крайней мере, не вызвало в этих странах особого энтузиазма. Апрельская революция 1978 года в Афганистане объективно была нежеланной для всех заинтересованных сторон.

Исходя из логики межблокового противостояния в годы холодной войны, прямая экспансия Советского Союза в Афганистан в 1979 году выглядит, как нарушение сложившегося к этому моменту баланса сил в регионе Центральной Азии. С этой точки зрения, ввод войск в Афганистан на первый взгляд действительно выглядит достаточно непродуманным шагом. Можно было предположить и рост сопротивления на религиозной основе внутри страны, и возможную его поддержку со стороны блока западных стран. Соответственно, причины, которые побудили руководство СССР сделать этот шаг, должны были иметь сверхсерьезные основания.

С другой стороны, для СССР принятое решение об интервенции в Афганистан было вполне логичным. Вернуться к статус-кво в афганском вопросе на момент до апрельской революции 1978 года было невозможно. В то же время, сохранение прежних объемов помощи для укрепления советского присутствия было явно недостаточно. Так как, не имея возможности реализовать заявленную программу модернизации, в первую очередь из-за отсутствия необходимых ресурсов, сторонники НДПА, тем не менее, предпринимали попытки оказания давления на структуры традиционного афганского общества.

Наряду с ростом ожесточенности внутрипартийной борьбы в НДПА, завершившейся переворотом 14 сентября 1979 года и гибелью президента Афганистана Тараки, а также интенсификацией деятельности различных оппозиционных групп, общая ситуация в стране становилась все более нестабильной. А это уже многократно усиливало неблагоприятные факторы для безопасности Советского Союза.

Впервые руководству СССР пришлось рассматривать вопрос о вводе войск в Афганистан в марте 1979 года. С такой просьбой президент Афганистана Тараки обратился 16 марта - на следующий день после вспыхнувшего восстания в Герате, центре одноименной провинции. Вооруженное восстание произошло 15 марта в Герате, расположенном в 70 км. от границы с СССР. В восстании приняли участие подразделения 17-й дивизии правительственной армии/[35](#). События 15 марта наглядно демонстрировали нарастающую неспособность нового руководства Афганистана обеспечить контроль над положением в стране.

17-19 марта ситуация обсуждалась на заседании Политбюро ЦК КПСС. Афганской проблеме было посвящено 3 дня заседаний высшего органа управления СССР. Тогда в итоге советское руководство отклонило просьбу руководителей НДПА. Однако в ходе заседания Политбюро была определена принципиальная позиция СССР по афганскому вопросу. Большинство участников совещания в Москве, включая министра иностранных дел Громыко, министра обороны Устинова, председателя КГБ Андропова и других пришли к выводу о том, что СССР не должен терять Афганистан. "Март показал твердую установку советского руководства - "не отдавать Афганистан", наряду с наличием у него трезвого представления об угасающей популярности кабульского режима и главным образом внутренних источниках ухудшения положения в Афганистане"/[36](#). С точки зрения первого заместителя руководителя Международного отдела ЦК КПСС тех лет Карена Брутенца, из этого логично вытекало мнение о неспособности действующего афганского руководства обеспечить стабильность в стране и о возможности в связи с этим прямого вмешательства в Афганистане ввиду исключительной важности этой страны для безопасности СССР. Именно мартовское решение Политбюро фактически предопределило решение, принятое в декабре 1979 года о вводе войск в Афганистан.

К тому же, практически одновременно в соседнем с Афганистаном Иране происходили масштабные события, получившие позже название "исламская революция". Так, например, восстание в Герате 15 марта 1979 года проходило в непосредственной близости от иранской границы, где за месяц до этого, в результате вооруженного восстания 9-11 февраля в Тегеране был свергнут режим шаха Реза Пехлеви/[37](#).

Революции в Иране в феврале 1979 года и в Афганистане в апреле 1978 году и последовавшие события, полностью изменили геополитическую карту региона и вынуждали соперничающие мировые державы СССР и США, предпринимать колоссальные усилия по сохранению своего присутствия в регионе.

Так, в результате иранской революции 1979 года США потеряли влияние в крупнейшей региональной державе Иране. Вплоть до революции 1979 года Тегеран являлся наиболее последовательным проводником американского влияния в регионе.

Соответственно, для СССР, располагавшего значительным, быстро растущим мусульманским населением в Средней Азии и на Кавказе, процессы в мусульманском мире, связанные с революцией в Иране представляли серьезную угрозу.

Возможность того, что исламский фактор станет решающим в соседнем Афганистане, была достаточно высока. В Москве были все основания полагать, что НДПА может уступить в итоге политическую власть в стране организациям, действующим под лозунгами возрождения ислама. Пример Ирана показал, что широкомасштабные поставки оружия, материальных ценностей и даже наличие значительных денежных средств от продажи нефти не могут дать гарантий устойчивого правительства.

Безусловно, между ситуацией в Иране и Афганистане существует множество различий. Однако, в Москве, очевидно, исходили, прежде всего, из потенциальной угрозы геополитическим интересам СССР в регионе. В этой связи иранский опыт оказал крайне негативное влияние на советское руководство. Потеря Афганистана означала бы для Москвы крах всей существовавшей в регионе системы безопасности. Для СССР это могло иметь более опасные последствия, нежели для США потеря влияния в Иране вследствие падения режима шаха Реза Пехлеви в феврале 1979 года.

Проблема интервенции в Афганистан, таким образом, носила характер превентивной акции со стороны Москвы. Складывающаяся в целом неблагоприятная обстановка и сомнения в способности афганских революционеров из НДПА сохранить контроль над ситуацией в стране привели в конечном итоге, к решению о прямом вмешательстве СССР в события в Афганистане. Однако советское руководство попало в ловушку "колониального мышления". В Москве к Афганистану всегда относились как к зависимой слаборазвитой стране, поэтому наверняка не ожидали больших проблем от проведения военной акции в этой стране.

1.7. Характер новой геополитической угрозы для СССР в конце семидесятых годов в связи с революцией в Афганистане

Стремление части афганской элиты к ускоренной модернизации объективно создавало серьезные трудности для стабильности существовавшей на тот момент системы региональной безопасности СССР.

Тенденции к росту напряженности на южных рубежах СССР начали проявляться с середины 70-х годов. Это диктовалось, как внешними, так и внутренними обстоятельствами. С одной стороны происходил рост значения и политической активности мусульманского мира, получивший название “исламского бума”. С другой, наблюдался относительно быстрый рост мусульманского населения на территории собственно СССР. Для Москвы эти два фактора были тесно взаимосвязаны. Рост мусульманской активности предполагал возрастающее давление извне на южные границы СССР и рассматривался в геополитической перспективе как прямая угроза безопасности Советского Союза. На территории которого, в свою очередь, происходил интенсивный рост численности мусульманского населения советской Средней Азии. Таким образом, давление “мусульманского суперэтноса” с юга и все возрастающее по численности мусульманское население в собственно Средней Азии создавали в перспективе серьезную угрозу безопасности СССР.

Необходимо отметить, что с момента подписания советско-афганского договора 1921 года и до конца семидесятых годов советское руководство вполне устраивал уровень присутствия и контроля над ситуацией в Афганистане. Патриархальная, слабо развитая мусульманская страна практически не проявляла самостоятельной политической активности, ее светски ориентированное руководство было всегда лояльно по отношению к Москве и зависимо от минимально необходимой материальной помощи.

Система советско-афганского взаимодействия до апрельской революции 1978 года строилась на основе серии правовых актов. Таких, как советско-афганский договор 1931 года о нейтралитете и взаимном ненападении, который был продлен в 1965 году. 11 июля 1972 года было подписано советско-афганское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. В марте 1974 года было подготовлено новое торговое соглашение. На основании указанных документов при содействии СССР к середине семидесятых были введены в строй до 80 объектов. Удельный вес СССР в иностранной помощи Афганистану достигал 60-70%, на долю Советского Союза приходилось до 40% афганского товарооборота/[38](#). Эти цифры подтверждали принцип разумной достаточности в отношениях СССР и Афганистана.

Причем, это в равной мере относится и к временам монархического правления, при короле Захир-шахе, и к периоду пребывания у власти гражданского президента Дауда. Без всяких сомнений к 1978 году можно было считать, что Афганистан в большей степени находится в сфере влияния СССР. Дополнительно Афганистан выполнял функцию буферного государства, отделяющего советскую Среднюю Азию от влияния процессов, происходящих в Азии. Принцип построения “буфера” основывался:

- на полной изоляции советской Средней Азии от внешнего воздействия с юга;
- на экономическом и культурном присутствии СССР в Афганистане;
- на отсталости и политической пассивности традиционного афганского общества.

К моменту апрельской революции 1978 года, когда власть в стране в результате военного переворота захватила Народно-демократическая партия Афганистана под руководством Тараки, уровень советского присутствия в Афганистане объективно уже не соответствовал изменившейся на тот момент ситуации в мире и возросшей угрозе безопасности СССР, так как ее понимали в Москве. Долгосрочная стратегическая перспектива требовала от советского руководства усиления присутствия в регионе. Это было обусловлено комплексом внутренних и внешних причин.

Внутренние причины:

После окончательного установления советской власти в Средней Азии в тридцатых годах процессы внедрения советского образа жизни, распространения советской системы организации общества на мусульманское население Среднеазиатских республик протекали отличным способом от аналогичных процессов в европейской части страны и даже в Казахстане. Системно и социально закрытые традиционные узбекские, таджикские и туркменские общества плохо поддавались “советизации”, предполагавшей в качестве предварительного условия стирание существовавших прежде внутренних системных связей. Данные сообщества, скорее целиком приспособивались к советской системе организации общества, сохраняя при этом жесткую внутреннюю организованность, опирающуюся в немалой степени на традиции ислама. В Средней Азии совпали во времени и пространстве два процесса - “советизация” и модернизация, каждая из которых должна была дополнять и поддерживать друг друга.

Ислам был тесно сплетен с социальной системой организации традиционных среднеазиатских обществ. Особенно это резко контрастировало с положением православной церкви в СССР. Изначально существовавший преимущественно государственный характер православной церкви сделал ее чрезвычайно уязвимой от политического, социального и силового воздействия советской политической системы. Ислам же опирался, прежде всего, на внутреннюю социальную организацию замкнутых мусульманских общин. Поэтому борьба Советской власти против официальной церкви в процессе “советизации” в центральной России оказалась более эффективной, чем в Средней Азии против исламских сообществ. Основная задача процесса “советизации” - разрушение внутренних социальных связей, освобождение активности и обеспечение лояльности каждой отдельной личности советской системе в целом.

Нерешенность этой задачи в Средней Азии не имела большого значения в первые две трети времени существования СССР, так как невозможность окончательного разрушения традиционных внутренних системных связей в среднеазиатских обществах компенсировалось жестким тотальным внесистемным идеологическим и политическим контролем, а также незначительностью экономики и населения Средней Азии в масштабах всего СССР. Предвестником начала изменения ситуации можно считать демографический взрыв в среднеазиатских республиках, начавшийся в 60-е годы. К концу 70-х годов это превратилось в серьезную политическую проблему для советского руководства на самую ближайшую перспективу. Так как быстрый рост мусульманского населения в СССР, сохранившего тесные внутренние системные связи, предполагал невозможность прямого идеологического контроля со стороны государства, и заставлял задуматься о возможности влияния извне со стороны все возрастающего по своему значению исламского мира.

Причем практикой было доказано, что методы силового воздействия не могли разрушить системное единство традиционных мусульманских общин. Это наглядно продемонстрировали репрессии против малых мусульманских народов в годы сталинского правления. Внутреннее системное единство позволяло ингушам, туркам-месхетинцам, балкарцам, чеченцам, крымским татарам сохранять высокую степень самоидентичности даже в условиях дисперсного расселения среди более многочисленных родственных народов.

Внешние причины:

В этих условиях, апрельская (саурская) революция в Афганистане 1978 года поставила перед советским руководством дилемму. Победа стремившихся к модернизации общества

афганских реформаторов требовала внести коррективы в сложившуюся систему безопасности СССР на южных рубежах.

С одной стороны, можно было бы продолжить действующую политику изоляции советской Средней Азии, на основе которой строилась вся система безопасности с 20-х годов, а значит сохранить политику невмешательства во внутренние дела Афганистана. С другой стороны, можно было бы воспользоваться предоставленной возможностью и предпринять активные действия по распространению советской модели организации общества на Афганистан и тем самым построить новую систему безопасности СССР, отодвинув ее от границ советских среднеазиатских республик. И тем самым избавить их возможности влияния извне.

Однако, в первом случае, если бы Москва предоставила самим себе афганских реформаторов из НДПА, постаравшись сохранить традиционную систему отношений со своим южным соседом, то Советский Союз объективно мог бы столкнуться с перспективой потери влияния в Афганистане. В этом случае объективный процесс модернизации афганского общества мог бы найти другие источники финансирования, материальной и моральной поддержки. Все возрастающее значение исламского мира к концу семидесятых делало это вполне реальным.

Часть афганской элиты стремилась к модернизации (фракции Хальк и Парчам в составе НДПА), часть к возрождению традиционных исламских ценностей в условиях разворачивающегося процесса модернизации Гульбедин Хекматиар. Во время холодной войны модернизация традиционных исламских обществ имела много различных форм выражения (от ливийского социализма Каддафи до консервативных режимов стран Персидского залива). В то же время общая логика глобального межблокового противостояния неизбежно вынуждала стремящиеся к модернизации элиты традиционных мусульманских стран выбирать сторону, способную предоставить необходимые для этого ресурсы.

Таким образом, апрельская революция 1978 года в целом выглядела чрезвычайно невыгодной для долгосрочных геополитических интересов СССР в регионе Центральной Азии. Новая ситуация в регионе требовала от советского руководства поиска способов нейтрализации возможных негативных последствий революции в Афганистане. Руководство НДПА в Кабуле предполагало, что поддержка СССР нового афганского руководства будет носить такой же характер, как аналогичная поддержка стран социалистической ориентации на мусульманском Востоке.

Поставки материально-технических ресурсов для модернизации промышленного производства, сельского хозяйства, развитие системы образования, оснащение и перевооружение армии. Именно этими способами Москва обеспечивала свое влияние в странах третьего мира в противостоянии с интересами Запада. Широкомасштабная советская поддержка позволяла в разное время укреплять свои позиции правящим режимам в Египте, Сирии, Ливии, Ираке, Народно-демократической республике Йемен, Эфиопии и т.д. Наверняка, в руководстве НДПА полагали, что политические перемены в Афганистане найдут аналогичную поддержку в руководстве в Москве.

В то же время, афганские реформаторы недооценивали, что перемены в Афганистане несли угрозу стабильности буферной зоны в этой стране, которая являлась одним из основных факторов геополитической безопасности СССР на южном направлении. И это предопределило выбор Москвы в пользу интервенции на территорию Афганистана. Так как проигнорировать произошедшие изменения и восстановить прежний статус

Афганистана было невозможно, в СССР приняли решение пойти на широкомасштабное вмешательство. Необходимо было поставить Афганистан под плотный контроль. Афганистан должен был стать не просто буфером от внешнего влияния. Он должен был стать продолжением политики в Советской Средней Азии.

После принятия решения о вмешательстве во внутренние дела Афганистана, разработанный в Москве сценарий действий должен был отличаться от классических схем отношений СССР со странами союзниками, предполагавших оказание широкомасштабной материальной помощи, а также консультации советских специалистов при достаточно высокой степени автономности местной политической элиты.

Близость Афганистана к границам СССР и специфика поставленных задач предопределили максимально высокую степень непосредственного участия Советского Союза в последовавших событиях и фактически предрешили судьбу тогдашнего президента Амина. Исходя из новых задач в Москве не могли допустить существования в Кабуле просто лояльного политика или лояльной политической организации, обладающих высокой степенью автономности, так как это было в Эфиопии, на Кубе, в Анголе или Северной Корее. Скорее к Афганистану была применена логика действий, опиравшаяся на опыт операций против среднеазиатских обществ двадцатых годов. Молниеносная военная операция против центральных органов управления с одновременным установлением правительства из местных коллаборационистов, всецело обязанных своим назначением и зависимых в своих действиях от советской администрации, которая осуществляет контроль над всеми основными сферами жизнедеятельности общества. На первый взгляд, прямой штурм дворца сверхлояльного по отношению к СССР президента Амина выглядел нелогичным и ненужным. Однако, исходя из опыта и логики двадцатых годов, он имел большое символическое значение для укрепления советского присутствия в Афганистане.

В некоторой степени акция 1979 года была продолжением советской политики в Средней Азии двадцатых годов. Глобальная задача вторжения заключалась в установлении внесистемного контроля над афганским обществом, так как это было при захвате, например, Бухарского ханства в 1920 году с последующим широкомасштабным воздействием на социальную структуру и традиционные ценности. Соответственно и цели советского присутствия в Афганистане в конце семидесятых были идентичны политике тех лет. Если не прямая интеграция Афганистана в состав Советского Союза, то попытка глобального переустройства афганского общества на новом качественном уровне по сравнению с проводимыми операциями в Средней Азии двадцатых годов.

Таким образом, во-первых, общее повышение активности в исламском мире, связанное с нефтяным бумом в Персидском заливе и победой иранской революции в семидесятых годах объективно несло угрозу существовавшей системе безопасности южных рубежей СССР и буферное государство Афганистан не без основания считалось в Москве слабым звеном в этой системе, во-вторых, относительно быстрый рост мусульманского населения в собственно СССР и высокая степень внутренней социальной организованности традиционных мусульманских общин и их автономности от влияния советских институтов, особенно в республиках Средней Азии, рассматривались в Москве в ближайшей перспективе в качестве угрозы внутренней безопасности страны.

В комплексе именно два этих обстоятельства, очевидно, и оказали решающее влияние на принятие Москвой непосредственного решения о переходе от политики изоляционизма на южных границах СССР к активному наступлению на южном геостратегическом направлении. Фактически была определена необходимость и поставлена задача,

отодвинуть границу противостояния с исламским миром как можно дальше от южных рубежей СССР.

Непосредственным поводом к началу военной акции СССР в Афганистане, скорее всего, стали события в соседнем Иране. В феврале 1979 года в Иране произошла революция, в результате которой в регионе кардинально изменилась расстановка сил. США в итоге потеряли влияние в Иране - крупнейшей региональной державе, в семидесятые годы являвшейся важным элементом американского присутствия в районе Персидского залива и на южных границах СССР. В 1979 году, исходя из логики холодной войны, было логично предположить, что Вашингтон как можно быстрее попытается компенсировать, тем или иным образом, свои "иранские" потери. Ожидания активных действий США в регионе, очевидно, составляли главное содержание региональной политики Москвы.

Особое беспокойство советского руководства наверняка вызывала неопределенная ситуация в Афганистане, где к власти в результате переворота в сентябре 1979 года пришел Хафизулла Амин. Амин, в качестве лидера НДПА и президента Афганистана, был более самостоятелен в своих действиях, нежели свергнутый им бывший президент Афганистана Тараки. У Москвы не было полной уверенности в подконтрольности кабульского режима и это создавало обстановку неопределенности, которая, в свою очередь, угрожала стабильности на южных рубежах Советского Союза.

4 ноября 1979 года в Иране произошел инцидент с захватом радикально настроенными иранскими студентами из Организации мусульманских студентов - последователей курса имама Хомейни здания посольства США в Тегеране/[39](#). Сразу после начала кризиса с американскими заложниками в Иране в отставку подало правительство премьер-министра Базаргана. "Это было начало конца последнего из оставшихся на политической арене (Ирана -прим. авт.) течений либерального лагеря"/[40](#).

Конфликт Тегерана и Вашингтона развивался на фоне разгоравшейся внутривнутриполитической борьбы в Иране. 2-3 декабря 1979 года был проведен референдум по вопросу о принятии новой исламской конституции в Иране. "Сразу после референдума в "священном" городе Куме, а также в Тебризе и других городах Иранского Азербайджана вспыхнули ожесточенные столкновения между сторонниками Хомейни и Шариат-Мадари (религиозного деятеля либерального толка - прим. авт.). В Тебризе дело фактически дошло до восстания против центрального правительства"/[41](#). Столкновения были подавлены. В Иране же активизировались процессы исламского государственного строительства. На 25 января 1980 года было запланировано проведение выборов президента Исламской республики Иран. На март и май этого же года - проведение выборов в парламент (меджлис) Ирана.

Одновременно, развивался конфликт с американскими заложниками, который в итоге продолжался четырнадцать с половиной месяцев, до января 1981 года. Однако, в декабре 1979 года не было никакой ясности относительно того, в каком русле будут развиваться события в регионе в связи с резким обострением, как ситуации вокруг Ирана, так и внутри этой страны. Кризис с американскими заложниками в Тегеране, начавшийся в ноябре-декабре 1979 года и общий рост напряженности в регионе, вследствие этого и послужил, очевидно, непосредственным поводом, который подтолкнул руководство в СССР к началу интервенции в Афганистан 27 декабря 1979 года.

1.8. Ввод советских войск в Афганистан. Нарушение геополитического равновесия.

Хотя акция в Афганистане и была направлена на усиление присутствия СССР в регионе, тем не менее, она фактически спровоцировала его ослабление.

Ввод советских войск в Афганистан кардинальным образом нарушил геополитическое равновесие в регионе Центральной Азии. События в Афганистане фактически предоставили возможность Соединенным штатам Америки компенсировать потерю влияния в регионе, произошедшего вследствие исламской революции 1979 года в Иране и свержения проамериканского правительства шаха Реза Пехлеви. США начали через посредничество пакистанского правительства оказывать широкомасштабную поддержку афганской оппозиции, центром которой стал город Пешавар в Северо-Западной провинции Пакистана.

Ввод советских войск в Афганистан требовал от Москвы принять приемлемую линию поведения, которая могла бы устроить значительную часть населения и смягчить негативные последствия советского присутствия в этой стране. Естественным образом, фактор присутствия СССР и деятельность афганских революционеров из НДПА были сосредоточены на проблеме модернизации афганского общества. Были предприняты массированные поставки материальных ресурсов, активным образом велось строительство школ, больниц, линий коммуникаций. Совершаемые в комплексе, эти, безусловно, прогрессивные меры реально оказывали прямое давление на традиционные структуры афганского общества.

При всей прогрессивности акций по развитию процессов модернизации в Афганистане, они вызывали слишком значительные потрясения в системе ценностей и структурах традиционного общества. Объективный конфликт процессов модернизации и интересов традиционного общества, характерный для большинства мусульманских обществ, в Афганистане был отягощен иностранным (советским) присутствием. Модернизация, которую проводили реформаторы из НДПА, ассоциировалась в общественном мнении с советской оккупацией. А масштабы преобразований, осуществлявшихся с помощью СССР, в том числе и в социальной сфере, обеспечивали ускоренное разрушение структур традиционного общества и вызывали рост его сопротивления. Причем, объектом борьбы против советского присутствия стали именно результаты процессов модернизации. “Ограниченное и постоянно развивающееся взаимодействие имело место перед войной (в Афганистане - прим. авт.) во взаимоотношениях патрон-клиент, сборе налогов, развитии национальной образовательной системы и строительстве дорог, дамб и других объектов инфраструктуры.

Пятнадцать лет войны драматическим образом изменили содержание этих процессов. Перед объявлением войны существовала борьба между традиционным обществом и современностью. Это была борьба между закрытой, традиционно организованной структурой власти, возглавляемой ханами и маликами (традиционными племенными лидерами и землевладельцами) которые чувствовали угрозу со стороны вестернизированной и советизированной элиты Кабула, Мазари-Шарифа и в меньшей степени других городов. Перед войной страна была открыта для иностранных инвестиций, развития инфраструктуры и проектов технического содействия. Структуры традиционной власти и культуры постепенно вовлекались в этот процесс. Джихад против советских войск и режима НДПА изменил диалектику взаимодействия традиционного общества и процессов модернизации. Первым результатом сопротивления стало разрушение тысяч школ и административных зданий, а также убийство сотен учителей. Атаке подверглись символы коммунизма, однако с другой стороны, это выглядело как сельская революция против угрозы со стороны города процессам функционирования племенного общества”/42.

Главным результатом тринадцатилетней войны в Афганистане против советских войск и прокоммунистического режима стало нарушение баланса сил во внутренней структуре афганского общества, существовавшего до апрельской революции и децентрализация власти, что сделало изначально почти невозможным быстрое восстановление единого афганского государства.

Главные изменения произошли в расстановке сил среди национальных и религиозных сообществ Афганистана. Исторически вплоть до апрельской революции 1978 года доминирующее положение в традиционном афганском обществе занимали пуштуны. Борьба за власть и влияние в Афганистане традиционно происходила внутри правящей пуштунской элиты, без участия представителей многочисленных национальных и религиозных меньшинств. Все основные деятели новейшей афганской истории, в том числе последний афганский эмир Захир-шах, свергнутый в ходе апрельской революции 1978 года президент Дауд, погибший в результате заговора 1979 года лидер Народно-демократической партии Афганистана Тараки, убитый при штурме президентского дворца советским спецназом в том же году Амин, смещенный в 1986 году Кармаль и, наконец, повешенный позднее при взятии Кабула талибами осенью 1996 года последний просоветский руководитель Афганистана Наджибулла, так же как большинство лидеров афганских моджахедов были представителями традиционной пуштунской элиты. Военные действия, начавшиеся с 1979 года с момента ввода советских войск и продолжавшиеся до 1992 года - времени падения правительства Наджибуллы и проходившие с использованием колоссальных ресурсов двух сверхдержав Советского Союза и США, потребовали максимального напряжения сил и вызвали серьезные изменения в первую очередь в системе организации афганского общества.

Первым результатом попытки модернизации афганского общества, предпринятой руководством НДПА при материальной и военной поддержке СССР, стала эскалация гражданской войны. В глобальной перспективе это затронуло интересы пуштунского большинства. Пуштуны составляли основную часть правительственной афганской армии и противостоящих ей отрядов моджахедов и именно в пуштунских районах юга, запада и центра Афганистана проходили наиболее активные военные действия, повлекшие значительные жертвы среди населения и вызвавшие в итоге огромное количество беженцев.

Афганские беженцы в первый период гражданской войны распределялись на два основных потока. К концу 1978 года число афганских беженцев в Пакистане составило 30 тысяч человек, к декабрю 1979 года - уже 500 тыс., в апреле 1980 г. их численность перевалила за 700 тыс., а по данным на 1988 г. количество беженцев достигло примерно 3 млн. чел. 2,2 млн. беженцев обосновались в Иране. К этому надо добавить приблизительно 3 млн. мигрантов непосредственно в границах ДРА/[43](#).

Значительное количество беженцев, осевших в Иране, составляли ираноязычные таджики, компактно проживавшие до войны в районе западного афганского города Герат и шииты-хазарейцы. На территории Ирана сформировались несколько политических организаций, объединяющих афганцев, шиитов по вероисповеданию. Самая крупная и известная из них Партия Исламского Единства Афганистана (ПИЕА, Хезбе и-Вахдат), состоящая из шиитов-хазарейцев.

Из семи партий Пешаварского Альянса наиболее известны были Исламское общество Афганистана (ИОА) нынешнего президента североафганского оппозиционного правительства Раббани, а также Исламская партия Афганистана (ИПА) Гульбединна Хекматиара. Другие более мелкие группировки возглавляли Моджаддеди, ставший

впоследствии первым посткоммунистическим президентом страны, Сайаф, поддерживаемый ваххабитами (течение в исламе, к которому принадлежит правящий дом Саудовской Аравии), доктор Гейлани и Халес, Наби. Кроме Раббани, этнического таджика, все остальные лидеры моджахедов принадлежали к традиционной пуштунской элите.

Базирующиеся в Пакистане и Иране организации моджахедов представляли два различных направления в борьбе против советского присутствия в Афганистане и коммунистического правительства в Кабуле. Прежде всего, отличие заключалось в противоположности геополитических интересов к афганскому конфликту со стороны стран, патронирующих организации афганских моджахедов, Ирана и Пакистана. Пешаварский альянс пользовался широкой поддержкой, военной и материальной, в первую очередь со стороны США, а также некоторых арабских стран (главной из которых была Саудовская Аравия).

Необходимость эффективного противодействия советской экспансии в южном направлении оправдывала поставки больших объемов вооружений вплоть до самых современных на тот момент зенитных ракет Стингер. Основным посредником в распределении поступающих вооружения для отрядов моджахедов и продовольствия для лагерей беженцев являлся Пакистан, приобретший в результате все преимущества стратегического союзника США. При этом большая часть поступающих ресурсов доставалась формированиям Исламской партии Афганистана (ИПА) Хекматиара, пользовавшегося особой поддержкой пакистанской армии и разведки. Естественно, что партия Хекматиара являлась ударной силой все годы борьбы вплоть до капитуляции режима Наджибуллы в 1992 году.

Иран же после победы исламской революции в 1979 году и разрыва дипломатических отношений с США, в результате кризиса в ситуации с заложниками в американском посольстве, находился в сложном геополитическом положении. С одной стороны, продолжались процессы консолидации иранского общества на новых ценностях, привнесенных исламской революцией, с другой, с 1980 года происходила изнурительная война с Ираком, пользовавшегося симпатиями и поддержкой всего арабского мира, требовавшая максимального напряжения сил всей страны.

Поэтому все восьмидесятые годы практически отсутствовала координация в действиях афганских повстанцев с территории соответственно Ирана и Пакистана. Естественно, что в сложившихся условиях военная активность шиитских организаций на территории Афганистана существенно уступала действиям отрядов Пешаварского альянса. Так, например, отряды шиитов-хазарейцев из ПИЕА ограничивались контролем над некоторыми районами Хазарджата в центральной части Афганистана, не предпринимая активных действий против правительственных войск.

Особое место в расстановке сил в афганском сопротивлении занимал влиятельный полевой командир Ахмад Шах Масуд, нынешний министр обороны в североафганском правительстве антиталибской оппозиции. Этнический таджик Масуд был лоялен партии таджика Бурхануддина Раббани - Исламское общество Афганистана (ИОА). Его отряды базировались в стратегически важном Панджшерском ущелье. Из Панджшера Масуд мог угрожать Кабулу и перерезать единственную дорогу на север к границам СССР через перевал Саланг.

Вплоть до 1992 года неофициальным всеафганским оппозиционным лидером можно было считать Гульбедину Хекматиара. Он мог рассчитывать на лояльность большинства

активных полевых командиров моджахедов внутри страны. А их поддержка определялась большими возможностями ИПА Хекматиара в отличие от других лидеров моджахедов обеспечивать поставки денег, оружия и боеприпасов. Кроме того, движение Хекматиара состояло преимущественно из пуштунов и его неформальное лидерство обладало необходимой в глазах афганцев легитимностью своих притязаний на власть.

В то же время в ходе войны реальное влияние пуштунов на ситуацию в Афганистане существенно ослабло. Прежде всего, свой шанс получили национальные и религиозные меньшинства, либо в союзе с прокоммунистическим режимом в Кабуле, либо воюя против него. Их влияние в Афганистане возрастало по мере того, как в результате ввода советских войск значительная часть пуштунов центра и юга страны бежала от войны в Пакистан. В результате естественного процесса децентрализации власти в ходе гражданской войны на территории Афганистана в районах компактного проживания национальных и религиозных меньшинств фактически сформировались военно-политические группировки, представлявшие их интересы. Со стороны оппозиции выделялись таджики Масуда, контролировавшие Панджшер и шииты-хазарейцы, базировавшиеся в Хазарджате. Прокоммунистическому правительству в Кабуле были лояльны узбекская милиция генерала Дустума в северных провинциях Афганистана, а также отряды религиозного движения исмаилитов под командованием Надери к северу от перевала Саланг.

После ухода советских войск из Афганистана в 1989 году, конфликт потерял характерные черты борьбы против иностранной интервенции. Он в большей степени принял характер гражданской войны. И хотя основные материальные и военные ресурсы для ведения военных действий, по-прежнему по инерции поступали из СССР и Пакистана, тем не менее, исторический этап масштабной геополитической игры вокруг афганского конфликта после вывода советских войск был фактически завершен. Хотя гражданская война в Афганистане между моджахедами и сторонниками просоветского режима в Кабуле продолжалась до 1992 года, было ясно, что СССР потерпел в Афганистане поражение, которое в конечном итоге приблизило его крах.

Те цели и задачи, которые ставились Москвой в конце семидесятых, начале восьмидесятых годов не были выполнены. А начавшийся процесс перестройки и либерализации общественных отношений перевел акцент борьбы за судьбу СССР из области внешней политики на внутреннюю проблематику. В новых условиях, проблема борьбы за Афганистан, находившаяся в русле геополитических имперских устремлений СССР, стала не актуальной. После 1989 года Москва перешла к стратегической обороне на южном направлении, как, впрочем, и на всех других геостратегических направлениях. При этом режим президента Наджибуллы в Кабуле в достаточной степени самостоятельно начал выполнять функцию буфера, призванного не допустить давления на южные границы СССР со стороны радикальных организаций афганских моджахедов. Соответственно, успешное существование режима Наджибуллы было тесно связано с сохранявшейся заинтересованностью Москвы в продолжении стратегической обороны на южных рубежах Советского Союза.

После ухода советских войск все более отчетливо обозначились внутренние противоречия между процессами модернизации, развитие которых постепенно стало главной идеологической целью сторонников НДПА и стремлением афганских моджахедов к реставрации существовавших до ее начала общественных отношений. Идея реставрации в той или иной форме дореволюционных отношений объединяла усилия сторонников Исламской партии Афганистана (ИПА) Гульбедина Хекматиара, умеренных

монархистов Гейлани и Моджадедди, других лидеров Пешаварского альянса семи партий моджахедов.

Правительству НДПА в Кабуле были лояльны те социальные слои, которые так или иначе, были вовлечены в интенсивные процессы модернизации. Это в первую очередь имело отношение к аппарату государственного управления, армии, системе безопасности, населению крупнейших городов страны. Аппарат государственного управления в условиях специфики процессов модернизации, проводимой НДПА при поддержке СССР, а также в связи с многолетней войной в стране, стал своего рода доминирующей силой в афганском обществе. В этом заключалась одновременно как сила, так и слабость сторонников светской модернизации в Афганистане. Концентрированная мощь государственной системы позволяла относительно успешно противостоять попыткам моджахедов вернуть страну к исходному патриархальному состоянию. В то же время, внутренние ресурсы Афганистана не позволяли поддерживать мощь государственной системы в существовавшем на тот момент состоянии без поддержки со стороны СССР. Соответственно, судьба процессов модернизации и связанных с ней слоев афганского общества, равно как и судьба правительства Наджибуллы, зависели исключительно от развития ситуации в Советском Союзе.

Организации афганских моджахедов были заметно менее организованы, нежели афганская государственная система управления, созданная при поддержке СССР за годы советского присутствия. Самостоятельно формирования моджахедов не могли добиться успеха в борьбе против правительства Наджибуллы. Это наглядно продемонстрировала неудача штурма отрядами Пешаварского альянса южного города Джелалабада сразу после вывода советских войск в 1989 году. Штурм укрепленных городов, которые в основном и контролировало правительство Наджибуллы, полупартизанскими нерегулярными отрядами моджахедов не мог иметь успех без наличия тяжелых вооружений и войсковой организации. Стабильность власти режима Наджибуллы зависела от его способности поддерживать коммуникации между контролируемым правительством городами. Пока кабульское правительство имело достаточно ресурсов, прежде всего не военных, а материальных, поступающих из СССР, оно уверенно контролировало положение в стране. В этих условиях ключевое положение для стабильности режима в Кабуле имели северные провинции Афганистана, расположенные к северу от горного хребта Гиндукуш.

На Севере Афганистана проходила стратегически важная для снабжения остальной страны дорога от города Хайратон на советско-афганской границе через город Мазари-Шариф, перевал Саланг к столице страны Кабулу. Далее уже кабульское правительство обеспечивало снабжение городов на юге и западе, Джелалабада, Герата и Кандагара. Стабильность на Севере страны поддерживали преимущественно национальные формирования.

Именно необходимость поддержания стабильности в этом стратегически важном регионе страны вынудила правительство в Кабуле допустить возможность усиления позиций национальных меньшинств. В первую очередь это касалось узбекской общины, лидером которой был командир 53 “узбекской” дивизии правительственной армии Афганистана генерал Дуstum, а также общины афганских исмаилитов, возглавляемой Надери.

Правительство в Кабуле, в котором доминировали представители пуштунской элиты, пошло на это непопулярное среди этнических пуштунов решение ради сохранения стабильности системы в целом. В результате выборов в апреле 1988 года в Народную Джиргу (нижнюю палату Национального Совета - законодательного органа Демократической Республики Афганистан) было избрано 184 депутата (из них 9.9 %

узбеков), а в Сенат - 115 (из них - 9% узбеков)/44. Уже в июне 1988 года на первой сессии вновь избранного Национального Совета депутаты-узбеки требовали включения в состав правительства Афганистана своих представителей. Возросшее политическое влияние узбекской общины объективно отражало ту роль, которую она играла в обеспечении стабильности прокоммунистического режима в Кабуле. Во многом, это было связано с необходимостью нейтрализации на Севере страны активности этнических хазарейцев, среди которых доминирующее положение занимала проиранская Партия исламского единства Афганистана (ПИЕА), а также североафганских таджиков, многие из которых были лояльны Исламскому обществу Афганистана (ИОА) во главе с таджиками Раббани и Масудом.

Отряды проиранской ПИЕА контролировали горный Хазарджат в центре страны, однако, в активных боевых действиях не участвовали, занимая до 1992 года выжидательную позицию. Это во многом соответствовало в целом сдержанной позиции официального Тегерана по отношению к событиям в Афганистане. Формирования ИОА концентрировались в Панджшерской долине, имевшей прямой выход на перевал Саланг. В ходе всей войны именно отряды ИОА во главе с влиятельным полевым командиром Ахмад Шах Масудом постоянно оказывали давление на перевал Саланг через Панджшер, угрожая прервать коммуникации Кабула с Советским Союзом.

Во многом, современная ситуация, сложившаяся в конце девяностых годов в Северном Афганистане была обусловлена именно событиями, происходившими в этом регионе в период между выводом советских войск из Афганистана в 1989 году и падением режима Наджибуллы в 1992 году.

Пока советское присутствие в Афганистане носило полномасштабный характер, существовала относительная системная целостность интересов управляющей системы афганского общества, представленной НДПА и частью провинциальной элиты. Интересы локальных политических, этнических и социальных групп носили частный характер по сравнению с глобальными задачами модернизации жизнедеятельности афганского общества и геополитическими целями советского присутствия в этой стране.

Изменение общей обстановки в связи с уходом советских войск в 1989 году привело, при сохранении внешней целостности кабульского режима, к обострению и фрагментации внутривнутриполитической и внутризэтнической конкуренции. Наиболее характерным примером возобновления борьбы внутри правящей элиты в Кабуле стал вооруженный мятеж министра обороны Демократической Республики Афганистан генерала Таная. Существует много версий причин, приведшим к первым полномасштабным вооруженным столкновениям в Кабуле после штурма советскими десантниками дворца президента Амина в 1979 году. Назывались застарелые противоречия между фракциями в НДПА Хальк и Парчам, связи Таная с пакистанской разведкой, с Исламской партией Афганистана Гульбеддина Хекматиара и так далее. Однако, главным в мятеже генерала Таная для понимания общего положения в стране, очевидно является обострение противоречий среди правящей элиты в Кабуле относительно способов и путей выхода из сложившейся сложной ситуации. Скорее всего, мятеж генерала Таная отражал стремление части пуштунской военной элиты в афганской армии найти пути для компромисса с политическими организациями моджахедов.

В случае успеха военного мятежа армия могла пойти на переговоры о мире с Пешаварским альянсом, добившись для армейской элиты сохранения ее позиций в новом Афганистане. При этом армейская элита могла заключить союз с умеренными организациями из числа партий Пешаварского альянса. Например, с организациями

Гейлани, Моджадедди, может быть Халеса и Наби. Эти партии не располагали на тот момент серьезной военной силой, однако, имели определенное политическое влияние. Союз с военной элитой пуштунского происхождения правительственной афганской армии мог серьезным образом усилить их позиции и, возможности противостоять, как самой сильной политической организации моджахедов Исламской партии Афганистана Гульбеддина Хекматиара, так и политическим организациям национальных меньшинств.

По сути дела, в случае успеха мятеж в правительственной армии Афганистана мог решить проблему строительства нового централизованного афганского государства на основе компромисса интересов умеренных пуштунских лидеров с обеих противоборствующих сторон. Избавившись от идеологической составляющей правящего режима в Кабуле, армия могла бы принести государственное начало при формировании новых структур власти в Афганистане. Естественно, что в этом случае была бы сохранена определенная часть достигнутого уровня модернизации. Например, систем образования, государственного управления, объектов промышленности и инфраструктуры. Так же, как осталась бы неизменной политическая гегемония в Афганистане этнических пуштунов.

Такой вполне возможный вариант развития событий не мог устроить политическое руководство в Кабуле. В основном, это относилось к идеологическому руководству в Народно-демократической партии Афганистана и к службе безопасности (ХАД), имевших все основания в случае потери власти опасаться репрессий со стороны моджахедов после многолетней ожесточенной войны. В первую очередь это затрагивало интересы тогдашнего президента Афганистана, бывшего руководителя афганской службы безопасности ХАД Наджибуллу и его ближайших соратников. Хотя, безусловно, такая версия выглядит только гипотезой. В то же время, союз правительственной армии и умеренных лидеров моджахедов при участии, например, короля Захир-шаха, был практически единственным реальным шансом выйти из многолетнего военного противостояния с минимальным ущербом для идеи централизованного афганского государства и результатов процессов модернизации.

После распада Советского Союза судьба режима Наджибуллы была фактически решена. Новое демократическое российское руководство во главе с президентом Ельциным отказало кабульскому режиму в поддержке материальными ресурсами и тем самым сделало его крах неизбежным.

В то же время, армия правительства Наджибуллы весной 1992 года располагала значительным количеством военной техники и запасами вооружений. На 1 апреля 1992 года на территории Афганистана находилось 30 пусковых установок Оперативно-Тактических и Тактических Ракет, 930 танков (Т-54-55, Т-62, ПТ-76), 550 БМП-1, 250 БРМД, 1100 БТР, свыше 1000 орудий буксируемой артиллерии калибров 76, 85, 100, 122, 130 и 152 мм, 185 Реактивных Систем Залпового Огня (122,140 и 220 мм.), более 1000 минометов (82, 107 и 120 мм.), безоткатные орудия (73 и 82 мм.), свыше 60 орудий ЗА (23,37,57,85, 100 мм.). В составе авиации находились 30 МиГ-23, 80 Су-17 и Су-20 и Су-22, 12 Су-25, 80 МиГ-21, 24 Л-39, 24 Л-29, 12 Ан-12, Ан-24, 15 Ан-26, 6 Ан-32, Ил-18, 12 Ан-2, 15 Як-11 и Як-18, 30 Ми-24, 25 Ми-8, 35 Ми-17/45. Все это обеспечивало колоссальное военное преимущество над силами оппозиции. Кроме того, правительство пользовалось определенной поддержкой части городского населения, вовлеченного в процессы модернизации. Следовательно, изначально у правительства Демократической Республики Афганистан были на руках серьезные козыри, которые могли бы помочь при возможном проведении ставших весной 1992 года актуальными переговорах с политическими организациями моджахедов из Пешаварского альянса.

Вопрос о необходимости таких переговоров стал для правительства Наджибуллы неизбежен после окончательного распада СССР в конце 1991 года. В Кабуле наверняка отдавали себе отчет в необходимости серьезных уступок своим политическим оппонентам. Однако, очевидно, намеревались выторговать наиболее оптимальные условия. Для этого правительство Наджибуллы располагало в качестве аргумента достаточной военной мощью. К тому же, неоднородность оппозиции оставляла возможность для политического маневра. Пока оставалось неясным, какую форму могла бы принять предстоящая неизбежная смена власти, и кто из организаций моджахедов окажется лидером на финише, у правительства Наджибуллы были шансы на успешное для себя проведение переговоров. От развития ситуации в Кабуле и от позиции влиятельных политиков кабульского режима напрямую зависело, кто получит в качестве наследства огромные военные ресурсы правительственной армии. А это, в свою очередь, предопределило бы доминирование такой организации в послевоенном Афганистане. То есть, шансы НДПА на “почетную капитуляцию” были весьма высоки.

Характерной особенностью ситуации в Афганистане в 1991-1992 годах было наличие значительного числа политических и военных организаций, как национального всеафганского, так и местного характера, каждая из которых стремилась реализовать свои интересы в новых условиях. Гегемония в движении моджахедов Исламской партии Афганистана Гульбедин Хекматиара носила во многом номинальный характер и напрямую зависела от масштабов военной и материальной помощи со стороны Пакистана. Именно благодаря особым отношениям с Пакистаном организация Хекматиара могла обеспечивать лояльность значительного большинства местных полевых командиров моджахедов.

Это позволяло Хекматиару опираться на формальную лояльность местных полевых командиров, однако сильно мешало в концентрации усилий местных ополчений для решения стратегических задач. “Слабость племенных ополчений пуштунов заключалась в том, что из-за своих хозяйственных интересов и родственных отношений они были привязаны к местам своего расселения и вряд ли могли быть с успехом использованы в широком масштабе в других районах боевых действий”/46. К тому же, лояльность многочисленных местных отрядов была переменчива. Это лишний раз подтверждает значительное количество моджахедов, переходивших на сторону официального Кабула и обратно в ходе компаний по национальному примирению.

Кроме того, с доминированием Хекматиара не могли согласиться другие влиятельные политические организации моджахедов. Среди организаций Пешаварского альянса выделялось Исламское Общество Афганистана (ИОА) во главе с Раббани. Собственную позицию на перспективы Афганистана имели шиитские организации, опиравшиеся на поддержку Ирана. Самой крупной из них была Партия Исламского Единства Афганистана (ПИЕА) во главе с Мазари. Отсутствие единства интересов в оппозиции стало еще более заметно после ухода советских войск. А перспективы вполне возможной победы только усилили противоречия между различными политическими организациями моджахедов.

Правительство Наджибуллы намеревалось вести переговорный процесс с оппозицией на равных. Контролируя все крупные города Афганистана, располагая хорошо вооруженной и организованной армией, системой государственного управления, кабульский режим был в принципе готов пойти на компромисс с оппозицией. Фактически, правительство в Кабуле всегда располагало возможностью вернуться, например, к так называемому “римскому плану” урегулирования афганского конфликта. “Римский план” был выдвинут в 80-е годы бывшим королем Мухаммад Захир-шахом, проживающим в Риме и предусматривал созыв всеафганской ассамблеи Лоя Джирга, традиционного форума,

некогда использовавшегося пуштунскими племенами, а позднее вошедшего в качестве своеобразного надпарламентского органа в структуру конституционного устройства Афганистана. Согласно плану, Лоя Джирга должна была сформировать правительство Афганистана/47. Следовательно, сам факт переговорного процесса в рамках Лоя Джирги между сторонниками НДПА и организациями моджахедов позволил бы прийти к определенному компромиссу во внутриафганском урегулировании.

Подобный вариант в той тупиковой внутривнутриполитической ситуации, которая сложилась к весне 1992 года в Афганистане, мог бы стать реальной возможностью сохранить единство афганского государства и выйти из состояния гражданского конфликта с минимальными издержками. Однако объективно в условиях Афганистана в 1992 году это все же являлось политической утопией. Слишком глубоки были системные противоречия между противоборствующими сторонами. К тому же, одна из сторон имела все основания считать себя победителем в гражданской войне. Особенно после распада СССР, главного действующего лица на афганской политической сцене в восьмидесятые годы. Естественно, что для лидеров моджахедов не могло быть и речи о сотрудничестве с режимом в Кабуле, скомпрометированном сотрудничеством с Советским Союзом.

Именно ожесточение гражданской войны, присутствие советских войск и масштабы вмешательства в систему организации традиционного афганского общества привели к формированию устойчивых идеологических стереотипов. Моджахеды в самом общем смысле вели борьбу за традиционные ценности афганского общества, включая в их число и исламские, против попыток их глобального изменения, предпринимавшихся сторонниками НДПА при поддержке Советского Союза. Так как глобальные изменения традиционного афганского общества в годы советского присутствия и правления НДПА проходили в рамках процессов модернизации, следовательно, традиционные и исламские ценности находились в этой стране в прямой конфронтации с самим процессом модернизации. Соответственно, победа моджахедов означала неизбежный крах идей, результатов и достижений модернизации в Афганистане.

Кроме того, за годы гражданской войны и войны против советского присутствия система осуществления государственной власти также подверглась глубокой модернизации. Ее усиление было неизбежным в силу необходимости координации процессов модернизации и управления страной в условиях военного конфликта. К тому же, общая ориентация на советский опыт управления в критических ситуациях делало неизбежным усиления роли системы государственного управления в Демократической Республике Афганистан. Это привело к тому, что институты централизованного афганского государства, функционировавшие в Кабуле во времена правления там прокоммунистического режима, во внутриафганском конфликте идей вызвали неприятие, равно как и проводившиеся им процессы модернизации традиционного общества.

Вполне возможное поражение НДПА, ставшее очевидным после распада СССР, несомненно, привело бы к разрушению достигнутых результатов модернизации, имея в виду, в том числе, и основные институты государственной власти. То есть, современное состояние дезорганизации государства и общества в Афганистане в конце девяностых годов является прямым следствием противоречия между стремлением части афганской элиты в лице сторонников НДПА к модернизации и нежеланием значительной части общества поступиться традиционными ценностями и традиционным образом жизни. Победив в гражданской войне, после 1992 года моджахеды разрушили практически все достижения модернизации, включая в их число и структуры системы государственного управления.

Общественно-политическая обстановка в Афганистане перед падением режима Наджибуллы в Кабуле характеризовалась дальнейшей фрагментацией интересов различных военно-политических организаций, усиливших свои позиции в ходе войны и входивших в состав противоборствующих группировок, в первую очередь, Пешаварского альянса и правительства Наджибуллы. Проблема Афганистана заключалась в том, что среди оппозиции правительству Наджибуллы не оказалось политической силы, способной предъявить единоличные права на политическую власть и в той или иной форме обеспечить преемственность государственного строительства. Напротив, организации моджахедов фактически выступили против модернизации и тесно связанных с ней государственных институтов.

Парадокс заключался в том, что, следуя логике войны против модернизации и за возврат к традиционным ценностям, военно-политические группировки моджахедов из Пешаварского альянса, объективно подвергли сомнению базовые основы существования единого афганского государства. Система власти в Афганистане в основном основывалась на доминировании этнических пуштунов. Они же составляли основную часть сторонников ведущей оппозиционной силы Пешаварского альянса. Кроме таджика Раббани, все остальные лидеры военно-политических организаций в Пешаваре были этническими пуштунами. Разрушение государственных институтов и результатов процессов модернизации объективно способствовало ослаблению политического превосходства пуштунов в Афганистане. Существование относительно централизованного афганского государства, несомненно, означало продолжение доминирования пуштунов в стране. Особенно с учетом их роли в борьбе против советского присутствия и прокоммунистического правительства в Кабуле. В случае децентрализации государственной власти превосходство пуштунов изменялось на доминирование многочисленных афганских военно-политических группировок, среди которых этнические пуштуны занимали далеко не лидирующее положение.

Единственной возможностью восстановления линии на доминирование пуштунов в стране был союз между политическими организациями моджахедов-пуштунов и умеренными представителями прокоммунистического кабульского режима. Либо возможен был другой вариант - капитуляция на почетных условиях всей системы организации власти кабульского режима или ее части (например, отдельных гарнизонов) Пешаварскому альянсу и наиболее влиятельному его лидеру Гульбедину Хекматиару. Мятеж генерала Таная наглядно продемонстрировал, что такие настроения в правительственной армии в начале девяностых годов имели место.

Процесс фрагментации и обособления политических интересов происходил не только среди организаций Пешаварского альянса. В преддверии неизбежных политических перемен аналогичные процессы происходили и среди сторонников правительства Наджибуллы. Перспектива восстановления власти пуштунов в Афганистане в качестве возврата к исходному положению афганского общества до революции 1978 года не давала возможности национальным и религиозным меньшинствам страны сохранить свой политический полуавтономный статус, приобретенный в ходе гражданской войны. Восстановление власти пуштунов в едином Афганистане ограничивало возможности национальных и религиозных меньшинств по реализации своих интересов. Поэтому даже гипотетическая возможность переговоров правительства в Кабуле и партий, входящих в Пешаварский альянс, с перспективой объединения всех военных ресурсов кабульского режима и организаций моджахедов, этнических пуштунов, ради восстановления единого афганского государства, создавала серьезные трудности для лидеров национальных и религиозных меньшинств. Причем, это в равной степени имело отношение и к организациям шиитов-хазарейцев, лояльных Ирану, и к формированиям этнических

узбеков, вместе с религиозной сектой исмаилитов в северном Афганистане, лояльных правительству Наджибуллы, и к Исламскому обществу Афганистана (ИОА), где преобладали интересы этнических таджиков, входящему в Пешаварский альянс.

К весне 1992 года, вопросы послевоенного устройства Афганистана стали определяющим фактором внутренней политики всех заинтересованных политических организаций. Сложившаяся после окончательного распада СССР в декабре 1991 года обстановка в Афганистане и неопределенность перспектив на будущее способствовали постепенному обособлению интересов наиболее влиятельных военно-политических группировок. Обособление интересов было тесно связано с конкуренцией на осуществление власти, если не во всеафганском масштабе, то на местном, провинциальном уровне.

Перспектива завершения многолетнего конфликта в Афганистане к весне 1992 года обострила проблему гегемонии пуштунов. Пешаварский альянс, объединяющий семь партий моджахедов, предъявлял свои права на власть в масштабах всей страны. В первую очередь это относилось к формированиям Исламской Партии Афганистана (ИПА) Гульбединна Хекматиара. Доминирование среди партий Пешаварского альянса этнических пуштунов придавало дополнительную легитимность правам его участников на политическую власть. Надо отметить, что и возможные планы урегулирования афганской проблемы, такие, например, как “римский план” бывшего короля Захир-шаха, предполагали использование политических инструментов (Лоя Джирга - прим. авт.), характерных именно для демократии пуштунских племен. К тому же, все годы войны против прокоммунистического режима в Кабуле и советского присутствия в Афганистане, руководство и поддержка отрядов моджахедов осуществлялась именно из города Пешавар, центра Северо-Западной провинции Пакистана, населенного этническими пуштунами, где базировались основные политические организации оппозиции.

Уверенность оппозиционных лидеров из Пешаварского альянса в легитимности и неизбежности своих претензий на осуществление политической власти в Афганистане лишний раз демонстрируют выборы временного президента страны Моджадедди, руководителя одной из незначительных партий Пешаварской семерки. Выборы пуштуна Моджадедди должны были закрепить право Пешаварской эмиграции на формирование правительства и осуществление власти в Афганистане после победы. С другой стороны, выборы Моджадедди должны были ограничить политические амбиции наиболее влиятельного оппозиционного лидера Хекматиара. Другими словами, партии Пешаварского альянса серьезно готовились к разделу власти после неизбежной победы. Такая победа должна была наступить после начала традиционного весеннего наступления оппозиции 1992 года.

Известно, что в условиях Афганистана, активные военные действия начинаются обычно весной, когда сходит снег на горных перевалах. В Афганистане зимой 1991-1992 годов практически все заинтересованные стороны отдавали себе отчет, что после распада СССР в декабре 1991 года, прокоммунистический режим в Кабуле, скорее всего, не выдержит очередного весеннего наступления оппозиции.

В этих условиях, стал намечаться процесс консолидации интересов политических организаций, не заинтересованных в приходе к власти в стране основных партий Пешаварского альянса, а значит и реставрации доминирования пуштунов в политической жизни страны. В первую очередь, это имело отношение к политическим организациям национальных и религиозных меньшинств, укрепивших свои позиции в результате гражданской войны и кризиса традиционной системы власти. Среди таких организаций выделялись шииты, поддерживаемые официальным Тегераном.

Шиитские организации, крупнейшей из которых была партия Хезбе и-Вахдат (Партия Исламского единства Афганистана, ПИЕА), опирались преимущественно на этническое меньшинство хазарейцев и контролировали горную провинцию Хазарджат в центре страны, недалеко от Кабула. Шииты-хазарейцы избегали активного участия в войне против советских войск и кабульского режима, предпочитая выжидательную тактику. Это соответствовало общим установкам Тегерана по отношению к афганскому конфликту. Всемирное усиление шиитских организаций и контролируемых ими территорий, в качестве своеобразного плацдарма для обеспечения иранского влияния в зоне афганского конфликта. Восстановление влиятельного пропуштунского правительства в Кабуле означало неизбежное давление на независимые анклавные территории, контролируемые шиитами, что в перспективе могло создать угрозу иранским интересам в регионе.

Прямую угрозу возможная смена власти в Кабуле представляла интересам союзников правительства Наджибуллы, общине этнических узбеков и религиозному меньшинству исмаилитам. Узбеки, лидером которых являлся командир 53 дивизии правительственной армии генерал Абдул Рашид Дустум и исмаилиты, возглавляемые духовным лидером Надери, являлись ключевым элементом обеспечения безопасности кабульского режима на географически изолированном от остальной части страны горным хребтом Гиндукуш севере Афганистана. Отряды узбеков и исмаилитов в основном контролировали стратегически важную дорогу от города Хайратон на советско-афганской границе до перевала Саланг и далее в Кабул. Во многом, именно узбеки и исмаилиты в годы войны в основном противостояли давлению, которое оказывали на эту важную транспортную артерию отряды моджахедов Ахмад Шах Масуда из Панджшерского ущелья и шиитов-хазарейцев из горного Хазарджата. Крах режима в Кабуле означал одновременно и крах особых позиций этих североафганских меньшинств в политической жизни Афганистана.

Среди семи партий Пешаварского альянса особое место занимало Исламское общество Афганистана (ИОА), возглавляемое доктором Бурханудином Раббани. Политическая организация Раббани пользовалась поддержкой этнических таджиков. Военные отряды ИОА, возглавляемые влиятельным полевым командиром Ахмад Шах Масудом всю войну контролировали Панджшерское ущелье. Масуд, без сомнения, считался одним из самых значительных полевых командиров среди моджахедов. Это позволяло партии Раббани-Масуда реально конкурировать в борьбе за власть с организацией Гульбедин Хекматиара в пределах Пешаварского альянса. Падение кабульского режима означало для ИОА не только начало пуштунской реставрации, но и тесно с ней связанное усиление влияния основного конкурента на власть Хекматиара.

Таким образом, предстоящая смена власти в Кабуле создавала серьезную угрозу в первую очередь интересам национальных и религиозных меньшинств Афганистана. В условиях, когда новая демократическая Россия, в качестве наследника СССР, самоустранилась от участия в афганских событиях, на первый план вышли локальные интересы различных афганских политических организаций. Основным вопросом, который объективно отвечал интересам практически всех организаций национальных и религиозных меньшинств, стоявших по разные стороны фронта гражданской войны в Афганистане, было не допустить пуштунской реставрации, что фактически подразумевало их выступление против восстановления целостности афганского государства. Каждая из этих организаций боролась за ту самостоятельность, которую они тем или иным способом приобрели за годы гражданской войны.

Именно с этой точки зрения и необходимо рассматривать события 28 апреля 1992 года, когда в Кабуле пал режим Наджибуллы и были заложены условия для начала нового этапа гражданской войны в Афганистане.

Известно, что решающую роль в падении режима Наджибуллы сыграл лидер этнических узбеков генерал Абдул Рашид Дустум. Его формирования подошли к Кабулу с севера и фактически отрезали столицу Афганистана от северных провинций, где были сосредоточены значительные резервы вооружений и материальных ресурсов. Мятеж генерала Дустума послужил толчком к падению уже заметно ослабленного режима Наджибуллы. Решительные действия генерала Дустума, перебросившего к Кабулу крупные воинские формирования были достаточно неожиданными для основных участников афганских событий. Гарнизон Кабула не был готов к отражению атаки с севера со стороны своих недавних союзников. Кроме того, неопределенность и тяжелая зима 1991-92 годов серьезно ослабили способность правительственной армии и аппарата управления к сопротивлению. Столь быстрое падение Наджибуллы стало неожиданным и для наиболее влиятельного лидера моджахедов Хекматиара, который просто не успел оказаться у столицы на момент крушения прокоммунистического режима.

Действия Дустума у Кабула в апреле 1992 года не могли бы иметь успеха без их предварительного согласования с Ахмад Шах Масудом и шиитами-хазарейцами. Контроль над Кабулом был главной целью в послевоенном Афганистане. Чтобы гарантировано добиться успеха под Кабулом, Дустуму необходимо было использовать все имеющиеся в его распоряжении силы. Несомненно, акция Дустума была бы невозможной без определенных гарантий со стороны формирований Масуда и хазарейцев по поводу безопасности северных афганских территорий, контролируемых все годы войны узбекскими формированиями.

В ответ Дустум фактически обеспечил контроль над столицей Афганистана формированиям афганских национальных и религиозных меньшинств. До появления отрядов Хекматиара Кабул был разделен на сферы влияния, контролируемые преимущественно таджикскими отрядами ИОА Раббани/Масуда, шиитами-хазарейцами из партии Хезбе и-Вахдат и узбекскими формированиями генерала Дустума. Безусловно, у боевых отрядов хазарейцев и таджиков Масуда был более удобный и короткий путь в Кабул из, соответственно, Хазарджата и Панджшерского ущелья, чем у пуштунских отрядов Хекматиара. Однако столь согласованные действия в апреле 1992 года по фактическому захвату Кабула трех далеко не лояльных друг другу политических организаций национальных и религиозных меньшинств слишком хорошо укладываются в идею противодействия пуштунской реставрации в Афганистане.

В результате выглядевшая вполне естественной идея восстановления афганской государственности с доминированием этнических пуштунов так и не была реализована. События апреля 1992 года привели к тому, что основной контроль над государственными институтами власти Демократической Республики Афганистан перешел не к самой сильной политической организации моджахедов Гульбедин Хекматиара, а к партии Раббани/Масуда Исламское общество Афганистана (ИОА). Это имело весьма серьезные последствия для целостности Афганистана. Исламская партия Афганистана (ИПА) пуштуна Хекматиара претендовала на политическую власть в масштабах всего Афганистана. В то время как таджик Раббани не имел на это ни достаточно сил, ни возможностей. Политической организации ИОА вполне хватало власти над большей частью Кабула и рядом северных провинций с преимущественно таджикским населением.

С избранием Раббани временным президентом Афганистана вместо Моджадедди состояние децентрализации политической власти в стране стало перманентным. К тому же, благодаря акции Дустума именно преимущественно таджикские формирования ИОА, а также узбекская община унаследовали основную военную инфраструктуру бывшей правительственной армии, расположенную в Кабуле и в северных провинциях. Дустум

получил вооружение и армейские склады в городах Мазари-Шариф и Хайратон на советско-афганской границе, влиятельный полевой командир ИОА Ахмад Шах Масуд - основные вооружения Кабульского оборонительного района, включая главную военную авиабазу Баграм севернее Кабула. Кроме того, на службу Дустуму и Масуду перешли многие офицеры, чиновники режима Наджибуллы и функционеры НДПА, вполне обоснованно опасавшиеся репрессий со стороны радикально настроенных моджахедов. В первую очередь это имело отношение к наиболее влиятельному лидеру среди партий Пешав арского альянса Гульбедину Хекматиару.

Хекматиар попытался вмешаться в борьбу за власть в афганской столице. Одновременно, произошли столкновения между уже укрепившимися в городе формированиями Масуда и шиитами-хазарейцами. Вследствие чего, столица Афганистана с весны 1992 года стала ареной ожесточенной вооруженной борьбы за власть. Столкновения в Кабуле отчетливо продемонстрировали, что, начиная с 1992 года, вооруженная борьба за локальные интересы местных полевых командиров, политических организаций, в том числе и национальных и религиозных меньшинств, стала определяющим фактором политической действительности в Афганистане. Пуштунам в целом, и партии Хекматиара в частности, не удалось воспользоваться ситуацией, связанной со сменой власти в стране.

Локальные интересы для местных полевых командиров часто имели большее значение, чем устремления крупных политических организаций. К тому же, с учетом завершения борьбы против советского присутствия в Афганистане и в связи с распадом СССР, геополитические цели и задачи, поставленные США в регионе, были на тот момент во многом выполнены. Соответственно, сократились широкомасштабные поставки оружия, материальных ресурсов из США и арабских стран. Так как, в годы войны именно Хекматиар был основным получателем таких поставок через посредничество Пакистана, то, естественно, что его организации преимущественно были лояльны большинство местных полевых командиров на территории Афганистана. Позиции ИПА объективно ослабли после краха режима Наджибуллы.

Сокращение поставок из Пакистана резко ограничило возможности ИПА Хекматиара по обеспечению лояльности полевых командиров моджахедов на местах. Одновременно, раздел наследства кабульского режима по всей стране привел к образованию множества локальных центров власти, стремившихся к максимально возможной самостоятельности.

Кроме узбеков Дустума и таджиков Раббани/Масуда, укрепившихся соответственно на севере страны и в ее столице, выделялись крупные самостоятельные анклавы шиитов-хазарейцев в Кабуле и провинции Хазарджат, губернатора Герата Исмаил-хана и многих других. Децентрализация привела к ослаблению возможностей партии Хекматиара по мобилизации сил даже пуштунов в масштабах всей страны. Полевые командиры по всей стране предпочитали реальную власть на местах, предоставив Раббани, Хекматиару, Дустуму и шиитам-хазарейцам из Хезбе и-Вахдат сражаться за контроль над столицей.

В условиях прекращения широкомасштабных поставок оружия, боеприпасов извне (в первую очередь из СССР и США) после завершения холодной войны, военные ресурсы, оставшиеся от кабульского режима Наджибуллы, приобрели стратегическое значение. В этой связи наиболее выгодные позиции были у организаций Дустума и Раббани/Масуда, опиравшихся к тому же на высокую степень этнической солидарности и организованности, соответственно, узбекской и таджикской общин.

Такая солидарность национальных и религиозных общин только усилилась в результате опасений потерять приобретенный независимый статус в случае реставрации власти

пуштунов в Афганистане. В то время как естественное стремление пуштунов к восстановлению былой гегемонии в стране, вследствие ряда объективных обстоятельств, оказалось не реализованным.

В первую очередь, это было связано с ослаблением в результате политических потрясений в период с апреля 1978 по апрель 1992 гг. позиций традиционной афганской элиты пуштунского происхождения. Значительная часть традиционной элиты оказалась скомпрометирована сотрудничеством с Советским Союзом и службой в структурах власти в годы правления прокоммунистического режима НДПА в Кабуле. Часть эмигрировала из Афганистана. Кроме того, у пуштунов не оказалось ярко выраженного лидера, который был бы способен возглавить движение пуштунской реставрации. Единственным реальным претендентом на эту роль выступал лидер Исламской партии Афганистана (Хезбе и-Ислами) Г. Хекматиар, пользовавшийся все годы войны особой поддержкой со стороны Пакистана, который осуществлял перераспределение среди афганских моджахедов поступающей из США, стран Запада, арабских государств военной и материальной помощи.

Однако, Хекматиар оказался не лучшей кандидатурой на роль лидера пуштунов Афганистана. Хекматиар придерживался радикальных взглядов, занимал устойчивые антизападные позиции и поддерживал связи с различными экстремистскими мусульманскими организациями. Этому в немалой степени способствовало широкое участие добровольцев из мусульманских государств, преимущественно из арабских стран в войне в Афганистане. Фактически, США и другие западные страны в своей борьбе против СССР в Афганистане стимулировали развитие и распространение исламского радикализма. “Хекматиар поддержал Саддама Хусейна и алжирский FIS (Фронт исламского спасения, FIS - прим. авт.). Взрыв, устроенный в январе 1993 года в Центре мировой торговли, был делом рук людей, входивших в группы поддержки Афганистана. Мир Амал Канси, обстрелявший в 1993 году штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли, также был в прошлом членом одной из этих групп. Кроме того, он выходец из одного из пакистанских пуштунских племен. Из той среды происходят и многие подозреваемые в покушении на американских военных советников в Саудовской Аравии в 1995 году”⁴⁸. В этой обстановке особенно вызывающе выглядела поддержка Хекматиаром действий Саддама Хусейна во время войны в Персидском заливе. Эта акция лидера “афганского сопротивления против советской экспансии” вызвала разочарование на Западе и привела к охлаждению отношений не только с США, но и с пакистанским руководством, что автоматически привело к свертыванию политики наибольшего благоприятствования для группировки ИПА Хекматиара.

Демонстрация Хекматиара стала первым и последним серьезным внешнеполитическим шагом этого наиболее влиятельного политика среди пуштунов, предпринятого в качестве потенциального претендента на лидерство в Афганистане. Прекращение поставок из Пакистана существенно снизили возможности Хекматиара влиять на ситуацию в Афганистане. Стало трудно поддерживать лояльность многих местных полевых командиров. Кроме того, Хекматиар не смог, в должной мере, компенсировать потерю широкомасштабного снабжения с территории Пакистана военными и материальными ресурсами бывшего правительства Наджибуллы после его падения.

Многочисленные конкуренты Хекматиара поделили богатое наследство, оставшееся от коммунистического режима в Кабуле. Все основные материальные и военные ресурсы бывшего правительства Демократической Республики Афганистан в столице Кабуле и на севере страны перешли под контроль группировок Раббани/Масуда, Дустума и шиитов-хазарейцев.

На юге и на западе ресурсы бывшей афганской армии унаследовали в Герате самостоятельный правитель Исмаил-хан, поддерживающий тесные отношения с Ираном и группировкой Раббани/Масуда Исламское общество Афганистана. Во втором по величине городе Афганистана Кандагаре власть перешла в руки регионального Совета, где ведущие позиции занимали сторонники партии Махаз и-Милли, возглавляемой Пиром Сайедом Ахмедом Гейлани. В Желалабаде, на юго-востоке страны, доминировали сторонники второй Исламской партии Афганистана (Хезбе и-Ислами) под руководством Юнуса Халеса, которыми командовал влиятельный полевой командир Хаджи Адбул КаDIR/49. Раздробленность страны стала к лету 1992 года свершившимся фактом и Исламская партия Афганистана (Хезбе и-Ислами), возглавляемая Хекматиаром, была лишь одной из многих группировок, разделивших Афганистан и Кабул на зоны влияния.

В немалой степени этому способствовало и то, что афганская война привела к серьезным потрясениям в традиционной структуре пуштунского общества. При Захир-шахе, Дауде вожди пуштунских племен были интегрированы в систему государственного управления Афганистаном. Часть пуштунской элиты получала образование в Кабуле и за границей. Многие из них впоследствии стали активными участниками революции 1978 года и сторонниками развития процессов модернизации, что вызвало конфликт внутри пуштунской элиты и пуштунского общества в ходе гражданской войны в Афганистане.

Активное участие пуштунских племен в гражданской войне привело к усилению степени их автономности по отношению к любым центральным органам власти. В борьбе против советского присутствия пуштуны активно использовали такие преимущества организации традиционного общества, как система лашкар (местное ополчение пуштунских племен). Это позволяло поддерживать высокую степень автономности отрядов моджахедов и постоянно оказывать давление на советские войска и правительственную армию. С другой стороны, такая высокая степень автономности отрядов местного ополчения обеспечивала определенную гибкость, основанную преимущественно на локальных интересах.

Так, многие формирования лашкар в зависимости от обстоятельств часто переходили с одной стороны на другую в рамках, например, политики национального примирения, используемой Кабулом с середины восьмидесятых годов. Причем, и правительство в Кабуле, и советские войска, и партии Пешаварского альянса активно применяли методы подкупа влиятельных местных командиров для привлечения на свою сторону или обеспечения их лояльности. Практику обеспечения лояльности пуштунских племен путем выдачи денежных субсидий интенсивно применяла и администрация Британской Индии в конце XIX - начале XX века/50. “Важно отметить, что племенное ополчение всегда сохраняет значительную автономность и является лишь временным союзником той или иной армии - органа государственной власти”/51. В конечном итоге, это только усилило ослабление связей местных пуштунских племен с централизованным государством. Та система связей между государством и пуштунскими племенами, существовавшая в афганском обществе при монархическом режиме и президенте Дауде, была к началу девяностых годов почти полностью разрушена.

Естественно, что на момент падения режима Наджибуллы множество местных пуштунских полевых командиров предпочли полную самостоятельность в пределах своего племени или уезда борьбе за единое афганское государство. Российский автор Катков в своей работе приводит мнение пакистанского исследователя Ахмеда, который полагает, что “мотивирующим фактором для лашкара является слава за участие в стычке, а не установление какого-либо правления, сопряженное с длительной борьбой за власть. Поэтому после стремительной атаки распадение лашкара неизбежно”/52. Поэтому ослабление связей пуштунских племен и государства Афганистан, выразившего

преимущественно их интересы, в результате длительной войны привело к нежеланию пуштунов сражаться за его восстановление.

В этом смысле, многие пуштунские племена фактически солидаризировались с национальными и религиозными меньшинствами Афганистана в борьбе за локальные (местные) интересы в противовес общегосударственным.

Таким образом, к началу девяностых годов с падением режима Наджибуллы завершился первый этап гражданской войны в Афганистане. В результате попытки части афганской элиты преодолеть отсталость страны с помощью ускоренной модернизации по советским образцам, Афганистан раскололся на множество мелких самостоятельных владений, готовых вести перманентную войну друг с другом за локальные интересы.

Кроме того, победа моджахедов над прокоммунистическим режимом в Кабуле означала поражение процессов модернизации жизнедеятельности афганского общества. При этом, был почти полностью разрушен потенциал единого афганского государства, наряду с большинством результатов модернизации, системой образования, промышленности, государственного управления. Значительный удар был также нанесен по авторитету традиционной элиты афганского общества. В целом, в результате бурных событий конца семидесятых-начала девяностых годов Афганистан так и не смог преодолеть цивилизационную отсталость, predeterminedенную буферным статусом страны между интересами в регионе Российской (Советской) и Британской империй в XIX-первой половине XX веков.

Такой исход гражданской войны в Афганистане объективно устраивал все заинтересованные стороны.

Дезинтеграция страны отвечала не только интересам политических организаций национальных и религиозных меньшинств страны, но и являлась наиболее предпочтительным вариантом развития событий для ближайших соседей Афганистана. Это позволяло законсервировать статус страны, приобретенный в ходе гражданской войны.

Наиболее четко выраженными выглядели интересы новой демократической России и новых независимых государств (ННГ) Центральной Азии после декабря 1991 года. Продолжающееся состояние гражданской войны снижало степень давления последствий афганского конфликта на южные границы бывшего СССР и фактически сохраняло статус Афганистана, как буферной зоны, ограждающей ННГ от нежелательного воздействия извне. Вместо правительства Наджибуллы, успешно выполнявшего эту функцию с 1989 по 1992 гг. функции буферной зоны стал выполнять сам воюющий Афганистан. Причем, в отличие от времен Наджибуллы новое состояние гражданской войны в Афганистане после 1992 года не требовало от ННГ Центральной Азии и России каких-либо финансовых и материальных затрат при тех же политических результатах. Увлеченные внутренней борьбой афганские военно-политические группировки не были способны создать в тот момент реальной угрозы границам бывшего СССР.

Состояние дефрагментации Афганистана было выгодно и Исламской Республике Иран, так как обеспечивало автономность проиранских организаций из числа шиитов-хазарейцев. Естественно, что это напрямую способствовало сохранению влияния Тегерана на развитие ситуации в Афганистане. К этому моменту Иран уже перешел от декларируемой ранее идеи экспорта “исламской революции” к политике поддержки вне территории Ирана местных шиитских организаций. Так, в Ливане близ границы с

Израилем до сих пор существует фактически независимый от официального Бейрута анклав, контролируемый проиранской шиитской партией “Хезболла”. Аналогичным образом в Афганистане шииты-хазарейцы из проиранской партии “Хезбе и-Вахдат” в 1992 году контролировали провинцию Бамиан в горном Хазарджате и часть территории столицы страны Кабула.

После падения режима Наджибуллы в самом сложном положении оказался Пакистан. К этому моменту Пакистан уже испытывал серьезные трудности в связи с завершением войны в первом этапе гражданской войны в Афганистане. Завершение афганской войны привело к сокращению масштабов материальной помощи афганским беженцам и военной отрядам моджахедов, распределением которой занимались пакистанские официальные лица. В 1990 году США ввели санкции против Пакистана, в связи с подозрениями в развитии ядерной программы в этой стране. Главным последствием санкций стало прекращение военной помощи со стороны США, по размерам которой в восьмидесятые годы Пакистан занимал третье место в мире после Израиля и Египта. То есть, все плюсы геополитического положения, в котором Пакистан пребывал в течение войны в Афганистане, были сведены на нет в начале девяностых.

Смягчить позицию Вашингтона в отношении санкций не смогло даже активное участие Пакистана в войне в Персидском заливе в 1991 году. Пакистанский экспедиционный корпус численностью в 11 тысяч солдат принимал участие в боевых действиях против Ирака, несмотря даже на негативное отношение к этому значительной части пакистанского общественного мнения. Тем не менее, в том же году США заблокировали поставку Исламабаду уже построенных корпорацией Локхид и оплаченных истребителей-бомбардировщиков F-16 на сумму 658 млн. долларов.

Это наглядно продемонстрировало, что противостояние США и СССР в Афганистане закончилось, и в американо-пакистанских отношениях на первый план выходят иные проблемы, в первую очередь связанные с перспективой появления так называемой “исламской бомбы”. К примеру, так называемая “поправка Пресслера” была принята в США в 1985 году. Согласно данной поправке американские компании не имели права продавать оружие любому государству, заподозренному в создании собственной атомной бомбы. Однако в отношении Пакистана она была применена только в 1990 году, после того как стало окончательно ясно, что стратегические цели США в Афганистане выполнены.

Помимо всего прочего, совершенно новый ракурс для Пакистана приобрела проблема афганских беженцев. В течение восьмидесятих годов фактор афганских беженцев принес Исламабаду много политических и экономических дивидендов. Однако, прекращение войны в Афганистане и поставок с Запада для их обеспечения в начале девяностых, привели к серьезному обострению проблемы беженцев для Пакистана.

Неоднозначная ситуация в 1992 году складывалась в целом для афганского направления внешней политики Пакистана. Протеже пакистанской армии и военной разведки Гульбеддин Хекматиар, являвшийся одним из лидеров борьбы против советского присутствия и прокоммунистического режима в Кабуле, не смог установить контроль над центральными органами власти в Афганистане в ходе событий апреля 1992 года. Кроме того, серьезные разногласия стали возникать между Хекматиаром и политическим руководством Пакистана в оценке многих политических событий. Ситуация с различным отношением официального Исламабада и Хекматиара к акции иракского лидера Саддама Хусейна в Кувейте весьма показательна.

Примечательно и то, что к лету 1992 года Пакистан остался практически единственным серьезным игроком извне на афганской политической сцене. После ухода СССР и США и традиционно ограниченного участия Ирана, только Исламабад мог оказывать серьезное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в Афганистане. Например, пакистанская армия вполне могла усилить группировку Хекматиара под Кабулом летом 1992 года и обеспечить переход реальной власти основным пуштунским партиям Пешаварского альянса. Однако, для Исламабада ситуация с восстановлением единого Афганистана была не столь однозначна. С одной стороны, Пешаварский альянс и Хекматиар, как наиболее влиятельный афганский политический деятель тем или иным образом были зависимы от пакистанского руководства. С другой, реставрация власти пуштунов в стране неизбежно привела бы к усилению позиций Хекматиара. Уже обозначившиеся к этому моменту разногласия между Хекматиаром и пакистанским руководством говорили о нежелании этого авторитетного афганского политика тех лет следовать прямым указаниям из Исламабада.

В принципе, в вопросе восстановления Афганского государства для Исламабада было главным обеспечить полную политическую подчиненность и подконтрольность любого возможного нового руководства в Кабуле. В противном случае Пакистан рисковал вернуться к нежелательной для себя ситуации неприятия политической элитой Афганистана линии Дюранда в качестве государственной границы между двумя странами.

Данное противоречие, к примеру, президент Пакистана генерал Зия уль Хак в 1987 году предлагал разрешить созданием конфедерации Пакистана и Афганистана. Следует отметить, что идея эта не нова. Будучи вице-президентом США, Р. Никсон высказывался в пользу создания конфедерации Афганистана и Пакистана еще в декабре 1953 года. Более того, эта идея дважды обсуждалась (9 и 14 декабря 1954 года) на заседаниях Совета национальной безопасности в Вашингтоне, где ее поддержали Дж.Ф. Даллес и вице-адмирал Редфорд. За создание конфедерации Пакистана, Афганистана и Ирана высказывался премьер-министр Пакистана Малик Фероз-хан Нун, а в августе 1962 года - президент М. Айюб-хан. Аналогичные предложения с пакистанской стороны выдвигались и в 1969 и в 1970 годах/[53](#). Естественно, что в такой конфедерации политическое руководство осуществлял бы Исламабад при полном доминировании пакистанской политической элиты. Например, через посредничество той части пуштунской элиты из Северо-Западной пограничной провинции, которая прочно интегрирована во властные структуры Пакистана. В современных условиях этот вариант интересен не с точки зрения возможности его практической реализации, а в связи с выяснением позиций Исламабада в отношении Афганистана и проблем пакистано-афганских отношений.

Между тем, остается фактом, что Пакистан в итоге не предпринял летом 1992 года активных действий в соседней стране. Исламабад предпочел остаться сторонним наблюдателем. Дефрагментация Афганистана на тот момент так же оказалась более выгодной для Пакистана.

Таким образом, весной и летом 1992 года сложившаяся геополитическая реальность и сумма внутривнутриполитических факторов предопределили состояние дефрагментации Афганистана и создали условия для начала второго этапа гражданской войны в этой стране.

Глава 2.

Трансформация концепции геополитической безопасности бывшего СССР в южном направлении

через интересы новых независимых государств Центральной Азии

2.1. Распад СССР и формирование новой геополитической реальности в регионе Центральной Азии

Распад Советского Союза радикально изменил ситуацию в регионе к северу от бывшей советско-афганской границы. На месте бывших советских социалистических республик азиатской части СССР образовались группа самостоятельных государств - Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, получивших название Новые Независимые Государства (ННГ) Центральной Азии.

Беловежские соглашения декабря 1991 года поставили точку не только в существовании СССР, но и способствовали завершению исторического этапа в Центральной Азии, связанного с геополитическим соперничеством в регионе Российской (Советской) и Британской империй (до 1947 года) и доминированием СССР в геополитическом пространстве Центральной Азии (до 1991 года).

Главным отличием советского присутствия в Средней Азии от британского в Индии, заключалось в относительном системном единстве Советской Средней Азии с остальной территорией СССР, включая и “метрополию” Россию. Это в основном произошло вследствие предпринимавшихся в ходе формирования СССР, попыток добиться унификации образа жизни и принципов организации общества как единого системного организма. “В рамках СССР сложилась целостная цивилизационная система, внутренние связи которой, несмотря на крушение политических границ, и официальных идеологических установок, продолжают оказывать существенное влияние на различные стороны жизни Новых Независимых Государств”/1.

Напротив, в Британской Индии, равно как и в азиатской части Российской империи, до 1917 года, колониальное управление основывалось на принципах внесистемного контроля над местными сообществами. Причем, принцип внесистемного контроля применялся и к местным традиционным сообществам, находящимся под прямым управлением колониальной администрации, и к формально независимым государственным объединениям. Таким, как Бухарский эмират в Средней Азии и княжество Кашмир в Британской Индии.

Вследствие этого, существовала принципиальная разница в прекращении присутствия в регионе Британской империи в 1947 году и Советской в 1991 году. Уход Великобритании не привел к каким-либо значительным изменениям в системе организации традиционных обществ Британской Индии. К тому же, на территории Британской Индии к этому моменту уже существовали влиятельные общественно-политические движения, из числа представителей традиционной элиты, выступавшие за прекращение британского присутствия.

Для Советской Средней Азии распад СССР в первую очередь означал исчезновение единого управляющего центра, осуществлявшего полный системный контроль над всеми элементами жизнедеятельности сообществ среднеазиатских республик, включая оперативное управление экономикой, формирование внешней политики, системы безопасности, основных идеологических принципов функционирования государства и

общества и т.д. Являясь частью единой централизованной системы СССР, республики Средней Азии были почти полностью несамостоятельны при принятии важнейших решений. Распад СССР поставил их в ситуацию поиска своего места в одномоментно изменившемся мире. В первую очередь, эта проблема имела отношение к управляющей элите Новых Независимых Государств (ННГ) Центральной Азии.

В отличие от традиционной элиты в Британской Индии, выступавшей посредником между колониальной администрацией и местными сообществами, сохранявших высокую степень автономности друг от друга, элита бывших советских республик была в максимально высокой степени интегрирована в состав элиты бывшего СССР. Формирование элиты в СССР, происходило по единым стандартам и принципам. Так же, как все движения элиты осуществлялись по основным единым направлениям, объединенным в систему партийно-хозяйственной номенклатуры. Системное единство элиты в едином организме СССР было важной составляющей жизнеспособности государства.

Напротив, новая общественно-политическая элита в Британской Индии формировалась во многом самостоятельно благодаря процессам модернизации традиционной жизни, привнесенными британцами, вследствие развития промышленности, системы образования и т.д.

В ходе своего становления под несомненным влиянием западной цивилизации, новая общественно-политическая элита Британской Индии формировала свои мировоззренческие представления о колониальном управлении Индией, о роли Великобритании в регионе, об институтах демократии и о перспективах традиционных обществ Британской Индии. Одновременно, шло формирование интересов новых социальных слоев, порожденных процессами модернизации жизнедеятельности традиционных индийских обществ. В ходе эволюции взглядов на будущее страны на протяжении первой половины XX века в индийском обществе сформировались устойчивые представления об этом будущем. Поэтому и приобретение независимости в 1947 году “Новыми Независимыми Государствами” Индией и Пакистаном было вполне осознанным шагом со стороны новой элиты бывшей Британской Индии.

В бывшей Советской Средней Азии распад СССР в декабре 1991 года стал большой неожиданностью для управляющей элиты бывших советских республик. Распад единой системы, какой являлся Советский Союз, сразу поставил перед отдельными ее частями глобальную задачу создания нового системного единства. Это предполагало выделение интересов данной конкретной общественно-политической системы (в данном случае, бывшей советской союзной социалистической республики) из общего системного единства бывшего СССР. Для этого необходимо было предпринять целый комплекс мер по созданию институтов независимого государства, а также определить его приоритеты во внутренней и внешней политике.

В этом процессе безусловное преимущество было у новой демократической России. Главное преимущество заключалось в том, что именно Российская Федерация унаследовала основные механизмы осуществления власти главной управляющей системы бывшего СССР. Концентрация властных полномочий в Москве, включая систему распределения материальных ресурсов, управления кадровым потенциалом, формирования внешней политики и т.д. создали для новой России целый ряд объективных преимуществ. Новое российское руководство могло доминировать в постсоветском пространстве еще сравнительно долгое время, пользуясь инерцией власти бывшего единого управляющего центра бывшего СССР. Именно такая объективно сохранявшаяся зависимость бывших советских республик от действий Москвы в первые годы после

распада СССР, во многом и привела к ситуации, когда новая российская политическая элита не видела особой необходимости в систематической поддержке российских интересов в регионе Центральной Азии.

Москва после декабря 1991 года активно избавлялась от “балласта” советского наследства, который, с точки зрения новой российской демократической элиты, препятствовал быстрой адаптации новой России в мировое сообщество. Система безопасности бывшего СССР в южном направлении, созданная после вывода советских войск из Афганистана в 1989 году, несомненно, рассматривалась в качестве такого “балласта”. Сначала Москва отказалась от поддержки режима Наджибуллы в Кабуле. Затем, в ходе раздела имущества бывшей советской армии и формирования вооруженных сил новых независимых государств, присутствие Москвы в регионе Центральной Азии практически свелось к минимуму.

Доминирующей тенденцией общественно-политического развития в Средней Азии в начале девяностых годов стала сила инерции. Москва по инерции сохраняла минимально необходимое присутствие в среднеазиатских республиках. Элиты новых независимых государств Центральной Азии были заняты основами государственного строительства. По сравнению с этим для элит проблемы региональной безопасности были вторичны по сравнению с задачами внутренней политики.

В целом, афганское направление внешней политики новых независимых государств Центральной Азии и Российской Федерации после образования независимых государств на первых порах сохранило инерцию последних лет существования СССР с момента вывода советских войск в 1989 году и вплоть до его распада в декабре 1991 года.

Система безопасности позднего СССР после вывода советских войск из Афганистана в 1989 году опиралась на два ключевых момента: Первое - это сохранение максимально возможной изоляции территории собственно Советского Союза от событий в Афганистане, второе - всемерная поддержка зависимого от СССР режима правительства Наджибуллы. Фактически режим Наджибуллы должен был выполнять функции буферного государства, призванного оградить советскую Среднюю Азию от внешнего, нежелательного воздействия. С этой функцией при широкомасштабной поддержке оружием, боеприпасами, продовольствием и материальными ресурсами просоветский режим Наджибуллы справлялся вполне успешно вплоть до конца 1991 года.

Распад СССР лишил смысла продолжение существования такого буферного государства, которое в принципе возможно только при наличии могущественного покровителя, интересы которого в регионе должен представлять данный буфер. До 1991 года логика советского присутствия в Афганистане основывалась на сложившейся к тому времени системе безопасности, которая предполагала не только защиту внешних рубежей Советского Союза, но и в целом сохранение присутствия СССР в Центральной Азии. Это предусматривало ограничение влияния исламского мира и критического потенциала афганской войны на регион советской Средней Азии и одновременно сохраняло присутствие Москвы в Афганистане.

После прекращения существования СССР в декабре 1991 года новое демократическое правительство в Москве потеряло интерес к дорогостоящей поддержке своего присутствия в регионе. Как уже отмечалось, процесс самоопределения новой политической элиты России привел к появлению тенденции к самоизоляции от многого важного в политическом наследии бывшего СССР. В том числе и от присутствия в регионе Центральной Азии, а, следовательно, и в Афганистане.

Распад СССР и фактический отказ новой России от активного присутствия в регионе, тем не менее, не привел к прекращению функционирования системы безопасности времен позднего Советского Союза в южном направлении. Системное единство советской Средней Азии, обусловленное прошедшими в регионе процессами модернизации по советским образцам, было в основном сохранено после распада СССР. Одним из главных условий его сохранения стало противопоставление системного единства Новых Независимых государств бывшей Советской Средней Азии и принципов их организации возможному негативному влиянию извне.

В начале девяностых годов такое влияние, прежде всего, ассоциировалось с Афганистаном. Уже упоминалось, что в результате войны в Афганистане были почти полностью разрушены основы централизованного государства и достигнутые результаты модернизации. Естественно, что для элит ННГ, проводивших интенсивные процессы государственного строительства, возможное влияние афганского конфликта было весьма нежелательным. Однако обстоятельства сложились таким образом, что совокупность интересов основных заинтересованных сторон, как внутри Афганистана, так и вне его, привели к дефрагментации страны и определенной локализации афганского конфликта. На фоне локализации конфликта в Афганистане постепенно стала происходить трансформация системы безопасности позднего СССР в новую региональную систему безопасности с участием ННГ Центральной Азии. Главным принципом и обязательным условием действенности региональной системы безопасности для ННГ Центральной Азии стала изоляция зоны афганского конфликта.

Тот факт, что задача изоляции зоны афганского конфликта легла в основу региональной системы безопасности для ННГ Центральной Азии, объективно отражает противоречие в статусе региона, сложившееся в годы существования СССР. С одной стороны, страны Центральной Азии являются частью цивилизационного сообщества, построенного в границах Советского Союза и в меньшей степени стран Восточного блока. С другой, ННГ Центральной Азии объективно принадлежат миру ислама. “Ареалы распространения ислама в пределах границ бывшего СССР представляют собой часть мусульманской цивилизации и, тем самым, Центральная Азия одновременно находится в двух цивилизационных пространствах”/2. Распад СССР предоставил возможность ННГ Центральной Азии восстановить нарушенные связи с мусульманским миром, которые были практически полностью прерваны во время существования Советского Союза. Интенсивные контакты политического руководства ННГ Центральной Азии с ведущими странами мусульманского мира в первые годы после приобретения независимого статуса это лишний раз подчеркивают. Казалось, что основной вектор внешней политики ННГ Центральной Азии после 1991 года будет направлен исключительно на интеграцию с мусульманским миром. После крушения до сих пор непроницаемых границ СССР с миром ислама, преодоление искусственной изоляции бывшей Советской Средней Азии выглядело вполне естественным. Равно, как распад СССР позволил бывшим странам Восточного блока и некоторым бывшим советским республикам стремиться к усилению ориентации на европейский Запад.

В то же время, масштабы изменений в традиционной организации жизнедеятельности мусульманских сообществ, предпринятых в годы осуществления советского эксперимента в Центральной Азии, привели к существованию серьезных системных различий между принципами организации государств и обществ ННГ Центральной Азии и остальным мусульманским миром. Как уже отмечалось в первой главе, процессы модернизации жизнедеятельности мусульманских обществ Центральной Азии проходили параллельно с процессами “советизации”, включавшими в себя прямое давление на структуры организации и ценности традиционного общества. Так, анализируя неудачи попыток

модернизации Афганистана, проводимых правительством Дауда в семидесятых годах, типичный советский исследователь восьмидесятых, исходя из предшествующего политического опыта, прямо указывает, что “опыт индустриализации Афганистана показал, что в условиях развивающегося государства, где еще сильны позиции докапиталистических классов и социальных сил, индустриализация - это не только социально-экономический, но и политический вопрос, ибо в качестве обязательного предварительного условия она требует коренного изменения в традиционной системе общественных отношений”/3.

Однако, прямое, в том числе и силовое давление на традиционные сообщества мусульманских регионов бывшего СССР оказалось не совсем эффективным. Мусульманские общины скорее адаптировались (приспосабливались) к новым условиям существования, принимая предложенные центральным руководством правила игры. “Обращает на себя внимание то, что как только в СССР были сняты официальные запреты, ислам в Центральной Азии “неожиданно” возродился. Само по себе “возрождение из небытия” мусульманских структур позволяет утверждать, что межцивилизационное взаимодействие происходило здесь не по линии замещения одной цивилизации другой, а в форме сосуществования, частичного смыкания без разрушения основных системных связей”/4. Естественно, что после исчезновения давления со стороны союзного центра, мусульманские общины ННГ Центральной Азии быстро стали восстанавливать привычные связи и взаимодействия.

Между тем, возрождение к активной деятельности мусульманских структур поставило перед политической элитой ННГ Центральной Азии общую для всего мусульманского мира проблему взаимоотношения результатов модернизации и динамикой процессов в традиционной структуре мусульманского общества, вызванных процессами модернизации. Наиболее типичная ситуация, связанная с этим строится по следующей схеме.

Традиционная элита проводит “светскую модернизацию”, развивая системы образования, проводя индустриализацию, создавая современную инфраструктуру, усиливая армию, опираясь при этом на легитимное право, основанное на компромиссе светского и духовного начал в управлении мусульманским обществом. “Светская” модернизация косвенным образом вызывает изменения в традиционной системе организации мусульманского общества, вовлекая в процесс модернизации различные слои населения. При этом в обществе начинает складываться оппозиция курсу традиционной элиты на модернизацию.

Одна часть населения, широко представленная в структурах, развивающихся в результате процессов модернизации - армии, системе образования и т.д., выражает недовольство недостаточными темпами проведения модернизации в традиционном обществе. Другая, условно называемая “консерваторы”, выступает против той угрозы, которую модернизация по западным образцам несет мусульманским ценностям. При определенных условиях, более подробно рассмотренных в первой главе, обе эти группы соперничают друг с другом и с традиционной элитой, а также с, появляющимися вследствие развития процессов модернизации, сторонниками “чистого ислама”, которые выступают за возврат к принципам организации первоначальной мусульманской общины. Среди этих условий одним из главных является вопрос о ресурсах для проведения модернизации.

Однако в бывшей Центральной Азии достигнутый уровень модернизации за годы существования СССР был достаточно высок. Советский Союз в основном обеспечил необходимые для модернизации жизнедеятельности обществ Центральной Азии ресурсы

и кадры для ее проведения. Реисламизация и восстановление мусульманских ценностей в процессе реинтеграции в мусульманский мир после распада СССР восстанавливает и реальную оппозицию процессам “светской” модернизации. А с учетом масштабов проведенных в мусульманских сообществах бывшего СССР изменений в социальной структуре и принципах ее организации, такая оппозиция в основном склоняется к идеям “чистого ислама”. Тем более, что главным следствием советского управления в мусульманских стало ослабление позиций традиционной элиты, которая обладала легитимным правом на осуществление властных полномочий в рамках исторического компромисса светского и духовного начал в управлении мусульманским обществом.

Новая политическая элита ННГ Центральной Азии, вышедшая из элиты советских времен (партийно-хозяйственной номенклатуры) сегодня пытается обеспечить легитимность своего управления мусульманским обществом на основе достигнутого в советские времена уровня модернизации и степени развития светских институтов власти. Фактически она обречена на восстановление отношений традиционная элита - традиционное мусульманское общество в пределах компромисса светского и духовного начал в управлении.

Достигнутый уровень модернизации в обществах ННГ Центральной Азии оказался тесно взаимосвязан с существующими социальными структурами, а также принципами и механизмами государственного строительства. Соответственно, основная и самая реальная угроза стабильности существующих светских режимов в Центральной Азии происходит со стороны сторонников “чистого ислама”, которые получили в регионе устойчивое название “ваххабиты”. В данном случае, сторонники “чистого ислама” (“ваххабиты”) отвергают достигнутые в ННГ Центральной Азии результаты модернизации и выступают против существующих принципов организации центральноазиатских государств и обществ, а, следовательно, против действующей политической элиты.

После распада СССР, главным фактором стабильности в Центральной Азии являлось устойчивость правящей элиты, ее способность сохранить контроль над ситуацией и обеспечить преемственность власти в конкретном обществе. Преемственность власти фактически означала сохранение достигнутого уровня модернизации, как неперемного условия сохранения власти правящей элиты. Весьма субъективный фактор - способность правящей элиты обеспечить преемственность власти после распада СССР, стал ключевым в определении устойчивости и стабильности конкретных обществ ННГ Центральной Азии в обстановке острой нехватки времени для поиска путей и направлений собственного развития.

Поэтому двойственный статус ННГ Центральной Азии после распада СССР остро ставит перед элитой вопрос о первичности и вторичности принадлежности стран региона к мусульманскому миру или к цивилизационной общности, функционирующей в пространстве бывшего Советского Союза.

Самым слабым местом в обеспечении преемственности власти и соответственно в обеспечении единой системы региональной безопасности ННГ Центральной Азии стал в 1992 году Таджикистан.

2.2. Конфликт в Таджикистане и его влияние на состояние региональной системы безопасности

После распада СССР всем политическим режимам (элитам) ННГ Центральной Азии пришлось проводить политику ограничения процессов либерализации общественных отношений, проводившуюся в последние годы существования Советского Союза. Ослабление, вследствие либерализации общественных отношений, власти тоталитарного режима в СССР после 1989 года привело к обострению существовавших ранее в каждом конкретном обществе противоречий, которые находились под жестким контролем советского режима. Как уже отмечалось ранее, мусульманские сообщества в СССР всегда были в некоторой степени автономны от попыток добиться их полной интеграции в некое “идеальное” советское общество. Силловые попытки добиться разрушения внутренних системных связей мусульманских общин были малоэффективны. Это давало повод советскому руководству подозревать быстро растущее мусульманское население СССР в возможной нелояльности, которая проистекала из невозможности контролировать внутреннюю жизнь мусульманских общин в той степени, которая существовала в остальных районах Советского Союза.

Среди мер, предпринимавшихся руководством СССР по нейтрализации негативного влияния на перспективы развития страны высокой степени автономности мусульманских районов, первое место занимали процессы интенсивной модернизации жизнедеятельности традиционных мусульманских обществ. Индустриализация, развитие систем связи, транспорта, образования, формирование политических элит - все это было призвано обеспечить интеграцию мусульманских обществ с остальными районами СССР. Одновременно, Москва сохраняла жесткий контроль над общественно-политическими процессами, выступая в роли арбитра и “суверена” в отношении, как государств региона, так и проблем во взаимоотношениях между ними. В этом смысле, государственные границы в советской Средней Азии и принципы национально-государственного размежевания, проведенного в 1924 году, во многом носили искусственный характер. Их легитимность обеспечивалась только мощью государственной системы бывшего СССР.

Нынешняя ситуация характеризуется тем, что ННГ Центральной Азии вынуждены совместно поддерживать легитимность границ, которая напрямую связана с общей стабильностью в регионе и функционирующей системой безопасности. Несмотря на различия в экономическом потенциале и стратегических направлениях осуществления реформ, как способа адаптации ННГ Центральной Азии к мировому сообществу и новым условиям существования, поддержание целостности и стабильности существующей системы является общей задачей для всех политических элит ННГ.

Сохранение достигнутого уровня модернизации, принципов организации, унаследованных от бывшего СССР, является главным условием стабильности в процессе трансформации обществ ННГ Центральной Азии. В случае неспособности элиты выполнить данную задачу, объективно существующие противоречия способны свести к нулю, как результаты модернизации, так и потенциал государственного строительства. В условиях постсоветской Средней Азии с учетом масштабов произведенного прямого воздействия на структуры и ценности традиционного общества, процесс разрушения централизованного государства мог принять необратимый характер.

Таджикистан объективно к моменту распада СССР являлся слабейшим звеном в общей системе безопасности советской Средней Азии. Все авторы подчеркивают искусственный характер данного псевдогосударственного объединения, созданного в советские времена. Таджикистан, к тому же, был создан вне традиционных центров таджикской городской культуры Самарканда и Бухары. В составе государства были объединены ираноязычные жители Ходжентского района, тесно связанного с центрами городской культуры Ферганской долины, горцы Памира и жители Восточной Бухары.

Государственность Таджикистана “была создана в октябре 1924 года из 12 волостей Туркестанского края, Восточной Бухары и Памира. При этом большая часть таджиков осталась за пределами вновь образованной Таджикской АССР. Главным фактором образования автономной республики было стремление центральной власти реализовать большевистский принцип самоопределения наций, ускорить процессы этнической консолидации, уничтожить старую государственность, ее традиции и территориальную целостность, создать противовес мощным пантюркистским движениям в Центральной Азии и форпост коммунизма в самом центре Востока”/5. Позднее к Таджикской АССР был добавлен район Ленинабада (Ходжента). В целом, вновь образованная Республика Таджикистан была составлена из нескольких административных районов, которые до этого входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства, Кокандского ханства и Бухарского эмирата. Это привело к тому, что основные провинции Таджикистана изначально были слабо связаны друг с другом. Образование Таджикской АССР заведомо носило искусственный характер. Кроме того, главные центры городской культуры Средней Азии - Бухара и Самарканд с большинством таджикского населения, остались вне нового Таджикистана.

Центр управления новым Таджикистаном был расположен в наиболее отсталой части бывшего Бухарского эмирата - Восточной Бухаре. Именно в этом районе разместилась новая столица советского Таджикистана - г. Душанбе. “У новой республики не было общенационального центра, национальной интеллигенции. Основными проводниками государственной политики и строителями новой республики стали приезжие из России, а также таджики из Самарканда, Бухары, Ходжента. Командированные в Душанбе в целях государственного строительства они рассматривали себя в роли посредников между центральной администрацией и местным населением”/6. За годы существования СССР в Таджикистане так и не была сформирована устойчивая элита, равно как и не были преодолены системные различия между различными частями республики.

Наиболее развитая область Таджикистана - Ленинабадская (Ходжентская) располагалась в Ферганской долине по соседству с основными центрами городской культуры Средней Азии и была географически изолирована от остальной части республики. Тем не менее, именно представители Ленинабада в советское время доминировали в политическом пространстве Таджикистана. Это было вполне естественно, так как Ходжент в досоветские времена был одним из признанных центров среднеазиатской городской культуры. В то же время, для расположенного в Ферганской долине Ленинабада большое значение имели экономические и культурные связи с соседними узбекскими областями. Ленинабадская политическая элита, в некоторой степени, всегда балансировала между интересами Ленинабадского региона и остального Таджикистана. Фактически ленинабадская элита осуществляла управление остальным Таджикистаном извне, выполняя роль посредника между центральной властью и местными сообществами. Данное противоречие в конечном итоге сыграло решающую роль в развитии современного таджикского конфликта.

Развитие процессов либерализации общественно-политических отношений в бывшем СССР привело к ослаблению присутствия центральной власти в Таджикистане. Одновременно, либерализация в последние годы существования СССР вызвала развитие в Таджикистане двух взаимоисключающих тенденций. С одной стороны, появилась демократическая оппозиция власти партийно-хозяйственной номенклатуры. С другой, реисламизация на основе восстановления исламских ценностей спровоцировала рост политической оппозиции исламского толка.

Ослабление жесткого контроля со стороны центра за общественно-политическими процессами в Таджикистане привело к развитию тех противоречий и тенденций общественного развития, которые до этого подавлялись центральной властью. Для мусульманских сообществ советской Средней Азии это в первую очередь означало восстановление роли ислама в жизни общества. “В 1988 году в Таджикистане было 17 официальных мечетей и около тысячи неофициальных. К концу 1991 года в стране уже действовали 130 соборных мечетей, 2800 мелких мечетей и молитвенных домов, более 150 коранических школ. Было зарегистрировано 120 мусульманских общин, из которых 50 именовались общинами “чистого ислама”, в которых особенно ревностно исполнялись религиозные предписания. Почти все служители новых мечетей вышли из рядов бывшего заштатного духовенства”⁷.

Тесные связи таджикской политической элиты, представленные ленинабадским кланом, с центральной властью в СССР автоматически привели к тому, что распространявшиеся исламские движения стали в оппозицию существующим государственным институтам. Среди них выделялись сторонники бывшего руководителя мусульман Таджикистана казиколона Акбара Тураджонзода и приверженцы Исламской партии возрождения Таджикистана (ИПВТ). Одновременно, в Таджикистане в русле общесоюзных процессов либерализации стали усиливаться позиции демократической оппозиции существующей системе власти. Ее наиболее ярким представителем был кинорежиссер Давлат Худжаназаров. Задача противостояния существовавшей на момент распада СССР, политической элите Таджикистана, представленной ленинабадским кланом и, к тому же, отягощенной коммунистическим прошлым, естественным образом объединила усилия демократических и исламских движений. В Таджикистане практически совпали по времени два процесса - возрождения исламских традиций и ценностей, а также развития демократических тенденций, явившихся следствием общесоюзного процесса либерализации общественных отношений.

После распада СССР, слабость традиционной политической элиты Таджикистана и отсутствие единой таджикской государственной системы привели к невозможности обеспечения преемственности осуществления государственной власти в условиях ухода Советского Союза с политической сцены Средней Азии. Естественным образом усилия демократической и исламской оппозиции по свержению власти таджикской политической элиты привели к ослаблению системных связей внутри вновь образованного таджикского государства. Единая система распалась в первую очередь на основные составляющие части. В условиях Таджикистана раскол интересов произошел по региональному принципу.

Основные таджикские политические группировки изначально имели четкую ориентацию на региональную принадлежность. Политическая элита времен советского Таджикистана пользовалась поддержкой в Ленинабаде (Ходженге). Выступающие против нее исламские движения опирались преимущественно на каратегинцев. Среди таджикских демократов были сильны позиции памирцев - жителей Горного Бадахшана.

Четкая региональная идентификация основных таджикских политических движений привела к разрушению основ централизованного государства в Таджикистане. Вооруженная борьба региональных элит за власть в масштабах всей страны не могла иметь успеха, в то же время такие попытки должны были неизбежно продолжаться до полного истощения сторон и окончательного разрушения, достигнутых в советское время результатов модернизации.

Дефрагментация Таджикистана стала реальностью после вынужденной отставки под давлением демоисламистов бывшего первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана президента Рахмона Набиева, выходца из Ленинабада. В то же время, в условиях Таджикистана, установление власти над столицей г. Душанбе еще не означало победы во всетаджикском масштабе, так как немедленно вызывало обострение борьбы региональных интересов. Перспектива победы и установления гегемонии в Таджикистане каратегинцев и памирцев, широко представленных в составе демоисламистской оппозиции, неизбежно должна была вызвать реакцию других таджикских субэтнических групп ленинабадцев, кулябцев и гиссарцев. Причем, активное выступление кулябцев было более, чем прогнозируемо.

В отличие от ленинабадцев, живущих на географически изолированном от остальной страны севере Таджикистана, кулябцы проживали в одном географическом пространстве с каратегинцами на территории Кулябской и Курган-тюбинской областей, выступая главными конкурентами на ресурсы региона. Ситуация осложнялась последствиями проведенной после второй мировой войны таджикским правительством политики переселения горцев Таджикистана, преимущественно каратегинцев, в плодородные долины Курган-тюбинской области, где они проживали совместно с кулябцами. Поэтому, победа каратегинцев напрямую затрагивала интересы таджикской субэтнической группы кулябцев.

Конфликт за контроль над землей в южном Таджикистане, спровоцированный политикой переселения, проводившейся во времена существования СССР, создавал условия для конфликта интересов основных субэтнических групп на юге Таджикистана. Союзу каратегинцев и памирцев, доминировавших в составе “демоисламистской” коалиции, пришедшей к власти в Душанбе, объективно противостояли интересы кулябцев, гиссарцев и этнических узбеков. Их борьба между собой сразу приняла характер хаотичной гражданской войны с перспективой дефрагментации Юга Таджикистана на зоны влияния, контролируемые местными полевыми командирами из различных субэтнических групп. Это был самый нежелательный вариант развития ситуации для системы безопасности бывшей Советской Средней Азии.

Неспособность таджикской политической элиты обеспечить в той или иной форме преемственность политической власти после распада СССР, поставила под угрозу целостность региона Центральной Азии на основе достигнутого в советские времена уровня модернизации жизнедеятельности традиционных обществ. В свою очередь, это создавало угрозу разрушения единой системы безопасности региона. Это могло произойти вследствие эскалации гражданской войны в Таджикистане, последующего за этим раскола страны на зоны влияния, создания нежелательного прецедента изменения границ в Центральной Азии, усиление позиций радикальных исламских организаций по всему региону и, наконец, нарушение режима изоляции зоны афганского конфликта. В первые годы образования ННГ Центральной Азии система региональной безопасности была адекватна системной целостности региона Центральной Азии в принципе.

Сразу после распада СССР, объективная оценка угрозы системе безопасности Центральной Азии вследствие развития внутритаджикского конфликта была в принципе невозможна. ННГ Центральной Азии переживали процесс адаптации к новым условиям, сложившимся после добровольного отказа России от активного присутствия в регионе. Новая демократическая Россия постепенно стала играть все более незначительную роль в Центральной Азии, откровенно сворачивая свою активность в регионе.

После того, как произошло разделение имущества бывшей Советской армии, Россия сохранила контроль в Центральной Азии только над пограничными формированиями в наиболее слабых государствах Центральной Азии - Туркменистане, Таджикистане и Кыргызстане. Кроме этого, под контролем России осталась 201 мотострелковая дивизия, расквартированная в Таджикистане. На первый взгляд казалось, что острой необходимости в сохранении российского присутствия в Центральной Азии, просто не существует. И, возможно, уже в 1992 году можно было говорить об окончательном прекращении реального российского политического присутствия во всем центральноазиатском регионе.

Фактически российское присутствие в регионе Центральной Азии сохранилось вопреки существовавшей тогда политике официального российского руководства, а скорее благодаря слабости традиционной таджикской политической элиты. Политический конфликт в Таджикистане, одной из самых отсталых республик бывшего СССР, и степень его ожесточенности реально вынудили Россию в 1992 году сохранить и расширить свое присутствие в регионе, а значит, и играть более важную роль в региональной системе безопасности.

В связи с неспособностью политической элиты Таджикистана обеспечить преемственность власти после распада СССР, Россия в отличие от других ННГ Центральной Азии к началу 1992 года сохранила контроль над имуществом и вооружениями бывшей Советской армии. В первую очередь это относилось к 201 мотострелковой дивизии бывшего Туркестанского военного округа. Части дивизии были расквартированы в населенных пунктах Таджикистана, городах Курган-Тюбе, Душанбе и Куляб, составляя ближний войсковой резерв афганского стратегического направления. В аналогичной ситуации бывшие армейские части Туркестанского военного округа составили основу армий новых независимых государств. Так, к примеру, армия независимого Казахстана была сформирована из подразделений 40 армии, управление которой было выведено из Афганистана в 1989 году. Фактически, воинские формирования бывшего СССР на территории Таджикистана приобрели российский статус, во многом по инерции, ввиду отсутствия в стране в условиях разгоравшегося гражданского конфликта авторитетной политической силы, способной обеспечить ответственное управление бывшим советским военным имуществом.

Одновременно, резкое обострение ситуации в Таджикистане в 1992 году поставило вопрос о безопасности весьма на тот момент значительного русскоязычного населения Таджикистана. Во многом благодаря гражданскому конфликту в Таджикистане эта проблема стала актуальной для российского руководства. Таким образом, с одной стороны, отсутствие в Таджикистане единственного влиятельного претендента на бывшее советское военное имущество, с другой, угроза безопасности русскоязычному населению в условиях разгоравшегося гражданского конфликта предопределили сохранение присутствия России в этом центральноазиатском государстве.

Соответственно, сохранив управление над 201 дивизией, Российская Федерация фактически получила возможность оказывать решающее влияние на ситуацию в Таджикистане. В условиях разгоравшейся гражданской войны, обладание самым мощным воинским формированием и практически всеми запасами вооружения, делали российскую 201 дивизию влиятельнейшим фактором борьбы за политическую власть в Таджикистане.

В то же время, слишком длительное по времени течение гражданской войны и степень ее ожесточенности подтверждает мнение о том, что у российского руководства не было ясной и четко обозначенной политики в Центральноазиатском регионе, как и устойчивых

предпочтений в самом таджикском конфликте. Так же, как не было и желания установить прямой протекторат России над раздираемой войной республикой. Длительное время новая российская политическая элита, во многом против своей воли сохранившая присутствие России в Таджикистане, предпочитала не вмешиваться в ход таджикского конфликта, не оказывая реальной поддержки ни одной из сторон. Это было вызвано:

- Во-первых, нежеланием ввязываться в вооруженную борьбу за несколько тысяч километров от России без налаженных коммуникаций, на недружественной территории. Тем более, что совсем недавно были выведены войска из Афганистана и объективно существовал синдром “поражения в афганской войне”.
- Во-вторых, сам факт ухода России к 1992 году из Центральной Азии разрушил существовавшую ранее систему безопасности региона, и у российского руководства на тот момент не было глобальной стратегической цели и мотивации сохранять активное присутствие в Таджикистане.
- В третьих, тогдашнее российское руководство не могло сделать выбор между сторонами, участвующими в таджикском конфликте. С одной стороны, доминировавшая в России тенденция к либерализации общественной жизни делала ее потенциальным союзником демократическую оппозицию, возглавляемую прогрессивным интеллектуалом, режиссером Худжаназаровым. С другой - внушал беспокойство союз демократически настроенных интеллектуалов с исламскими фундаменталистами, лидером которых был главный муфтий Таджикистана Тураджонзада. Реально существовавший в Москве стереотип относительно внутритаджикского конфликта - прогрессивные демоисламисты против регрессивных представителей партийной номенклатуры, оказывал самое непосредственное влияние на отношение Москвы к ситуации в Таджикистане сразу после получения им статуса независимого государства.

Таким образом, общая пассивность России, традиционного конструктора и гаранта системы безопасности Центральной Азии, наряду с неготовностью Узбекистана, равно как и других новых центральноазиатских государств, играть самостоятельную роль в обеспечении системы региональной безопасности сразу после получения независимости, фактически способствовали развитию внутритаджикского конфликта. И Москва, и ближайший сосед Ташкент занимали в Таджикистане позицию стороннего наблюдателя до тех пор, пока явно не обозначилась угроза дестабилизации системы безопасности Центральной Азии вследствие дальнейшего развития таджикского конфликта.

Тем не менее, к лету 1992 года ход событий в Таджикистане поставил вопрос о необходимости выбора между враждующими таджикскими группировками. Непременным условием восстановления системы безопасности региона Центральной Азии было восстановление целостности государства Таджикистан. Следовательно, необходимо было добиться прихода к власти в Душанбе политического режима, способного установить единую систему контроля над всей территорией юга Таджикистана и, тем самым, обеспечить тылы группировке российских погранвойск на таджикско-афганской границе. Это позволило бы не допустить нарушения режима изоляции зоны афганского конфликта.

Выбор таджикской группировки для оказания ей поддержки детерминировался ставшей чрезвычайно актуальной задачей - восстановления целостности Таджикистана. Победа демократической и исламской оппозиции, представляющих интересы лишь двух таджикских субэтнических групп памирцев и каратегинцев, в 1992 году фактически означала начало дефрагментации Таджикистана. При всей важности исламского фактора для России и Узбекистана, на тот момент он явно имел вторичное значение по сравнению

с перспективой разрушения всей системы безопасности Центральной Азии и возможного нарушения режима изоляции зоны афганского конфликта.

Приход к власти исламской оппозиции в союзе с демократическими силами в небольшой центральноазиатской стране Таджикистане, не представлял прямой угрозы интересам новой либеральной элиты России. Более того, находился в русле общей оценки ситуации в бывшем СССР с точки зрения либерализации общественных отношений и ликвидации наследия тоталитарного режима. Новой политической элите в Москве был гораздо ближе, например, лидер демократической таджикской оппозиции кинорежиссер Давлат Худжаназаров, нежели представители таджикской партийно-хозяйственной элиты. Тем не менее, Москва должна была сыграть решающую роль в таджикском конфликте, оставшись в силу стечения обстоятельств наиболее влиятельной силой на таджикской политической сцене. Соответственно, остро стояла проблема выбора. Так или иначе, Россия должна была определиться с поддержкой одной из сторон в таджикском конфликте. В первую очередь, в силу контроля над всеми основными военными формированиями на территории Таджикистана.

Для новой политической элиты России логично было бы поддержать демократическую оппозицию, занимавшую видное место в новом коалиционном правительстве Таджикистана, сформированном в мае 1992 года. В контексте общей политики ухода России из зон традиционного геополитического влияния во всем постсоветском пространстве, это позволило бы новой российской либеральной элите избавиться от ответственности за события в далекой азиатской республике, бывшей отдаленной окраине Советского Союза. Тем более, что на первый взгляд в Таджикистане не осталось влиятельной политической силы, способной противостоять альянсу демократов и исламистов. Полная дискредитация бывшей советской таджикской политической элиты с насильственной отставкой президента Набиева привели к отсутствию у демоисламистов реальных оппонентов на таджикской политической сцене.

Однако, крайне важным было то обстоятельство, что у коалиции таджикских “демократов” и “исламистов”, пришедших к власти в Душанбе не было шансов на восстановление целостности таджикского государства, как неопременного условия стабильности системы безопасности региона. Если бы Москва оказала поддержку режиму “демоисламистов” в Душанбе, тогда становилась реальной угрозой конфронтации с формирующимися на тот момент интересами Узбекистана в регионе с перспективой раскола Таджикистана. Укрепление власти “демоисламистов” в Таджикистане объективно противоречило интересам Ташкента, поскольку гражданская война напрямую затрагивала интересы узбекского населения. Кроме того, процессы либерализации в Таджикистане могли спровоцировать аналогичные процессы в Узбекистане, что представляло особое беспокойство для официального Ташкента в начале девяностых годов. Позиция же Ташкента для Москвы была ключевой в определении возможных союзников в ходе таджикского конфликта. Без участия Узбекистана любая акция в Таджикистане была бы невозможна. Все коммуникации российских войск и пограничников в Таджикистане проходили через узбекскую территорию. Во многом, поэтому стала невозможной поддержка Москвой в 1992 году правительства “демоисламистов” в Душанбе. Однако выбор возможных союзников был весьма ограничен.

Крах позиций бывшей советской таджикской элиты, в основном ленинабадского происхождения, в процессе либерализации общественных отношений в Таджикистане привел к заметному снижению влияния Ленинабадской (Худжантской) области. Худжантцы (ленинабадцы) в тот момент были серьезно деморализованы и не могли

играть активную роль на таджикской политической сцене. Тем более, в принципе невозможно было активное участие ленинабадцев в событиях на юге Таджикистана.

11 мая 1992 года президент Таджикистана Набиев под давлением демоисламистов согласился на создание коалиционного правительства с участием оппозиции. 7 сентября этого же года вооруженные демоисламисты вынудили Набиева подписать акт об уходе в отставку с поста президента. 3 сентября президенты Узбекистана, России, Казахстана и Кыргызстана выступили с заявлением, что конфликт в Таджикистане угрожает безопасности Содружества независимых государств.

Единственной реальной силой, которая могла бы стать союзником Москвы и Ташкента в деле восстановления целостности Таджикистана и укрепления режима изоляции зоны афганского конфликта в 1992 году являлись вооруженные формирования таджикской субэтнической группы кулябцев. Именно на их основе был сформирован Народный фронт Таджикистана, который также поддержали этнические узбеки, гиссарцы и отчасти ленинабадцы. “Россия и Узбекистан решили, что интересы безопасности требуют наведения порядка в Таджикистане и что единственной силой, способной восстановить такой порядок, являются бывшие коммунисты и их сторонники”/8.

16 ноября 1992 года в Худжанте (Ленинабаде) состоялась сессия Верховного Совета Таджикистана, где президентом был избран Эмомали Рахмонов, бывший директор совхоза из Кулябской области, ставленник Народного фронта. 6 декабря 1992 года формирования Народного фронта атаковали Душанбе и после уличных боев 11 декабря захватили город. В результате ожесточенных боев политический альянс демоисламистов был разгромлен. При этом погибло большое количество людей. Значительное число сторонников “демократов” и “исламистов” эмигрировало на территорию Афганистана. Кулябцы стали доминирующей политической силой в Таджикистане, практически полностью взяв под свой контроль процесс формирования элит.

Согласованная и хорошо подготовленная операция Народного фронта, сформированного в Кулябской области среди таджикской субэтнической группы кулябцев, против “демоисламистов”, не могла пройти без одобрения и поддержки, прямой или косвенной, со стороны России и Узбекистана. Москва контролировала самое мощное воинское формирование в Таджикистане - 201 мотострелковую дивизию, полки которой были расквартированы по всей территории юга республики, где шли наиболее ожесточенные бои, а Узбекистан, пользовался значительным влиянием среди узбекского населения, особенно в районе города Турсунзаде на западе республики и в Ленинабадской области.

Такое решение Москвы, которое имело далеко идущие геополитические последствия и фактически сохранило присутствие России в регионе Центральной Азии, наверняка было принято под влиянием российской военной элиты. Как мы уже отмечали, новая политическая элита России на тот момент не готова была поддержать столь решительную акцию против демократического руководства в Душанбе. Единственная причина, которая могла вынудить Россию пойти на непопулярное среди политической элиты решение, была связана со стабильностью системы безопасности Центральной Азии. Как мы уже отмечали, приход к власти “демоисламистов” поставил под угрозу целостность одного из ННГ Центральной Азии и создал угрозу нарушения режима изоляции зоны афганского конфликта, как основного условия стабильности региональной системы безопасности. В результате событий лета 1992 года в новой Центральной Азии начала складываться новая региональная система безопасности, в создании которой активно принимала участие не только Россия, но и впервые в новой политической истории новое независимое государство Узбекистан.

Несомненно, что непосредственным поводом для вмешательства в Таджикистане послужили события, происходившие в это время в соседнем Афганистане. 28 апреля 1992 года в Кабуле пал прокоммунистический режим президента Наджибуллы. Одновременно, “в середине мая 1992 года после бурных событий в столице (Таджикистана - прим. авт.) было сформировано коалиционное правительство, в котором (лидер Исламской партии Возрождения Таджикистана - прим. авт.) Давлат Усмон стал заместителем премьер-министра”⁹. Основные события гражданской войны в Таджикистане происходили во второй половине 1992 года. В это же время, в Кабуле шли вооруженные столкновения между соперничающими фракциями моджахедов. В этой связи, действия в Таджикистане формирования Народного фронта при поддержке России и Узбекистана, были направлены на восстановление системной целостности региона Центральной Азии в пределах бывшей советской границы на южном направлении в качестве важного условия стабильности региональной системы безопасности.

Немаловажно и то, что в Таджикистане в 1992 году впервые после распада СССР в российской политической элите возобладала точка зрения сторонников сохранения активного российского присутствия в постсоветском пространстве. В обстановке кардинальной смены политической элиты в Москве после крушения коммунистического режима, идею сохранения активного присутствия России в постсоветском пространстве могли отстаивать только представители российской военной элиты. Известно, что перемены в высшем военном руководстве России даже после августовского путча 1991 года были минимальны. Значит и задачи стратегического планирования в российской армии оставались актуальными даже в обстановке в целом некомпетентной оценки геополитической обстановки вокруг России новой российской либеральной элитой после распада СССР в декабре 1991 года.

Таким образом, вследствие событий в Таджикистане и соседнем с ним Афганистане весной и летом 1992 года произошла трансформация системы безопасности бывшего СССР в южном направлении в региональную систему безопасности Новых Независимых Государств (ННГ) Центральной Азии с активным участием Российской Федерации. Восстановление целостности Таджикистана фактически означало восстановление системного единства постсоветского пространства и продолжение политики его изоляции от влияния извне. В первую очередь, это имело отношение к поддержанию режима изоляции зоны продолжающегося афганского конфликта.

2.3. Развитие политической ситуации в Афганистане и ее взаимодействие с региональной системой безопасности ННГ Центральной Азии

Несомненно, что изменение политики невмешательства во внутренние дела Таджикистана со стороны Москвы и Ташкента в глобальном плане были вызваны осознанием последствий разрушения существовавшей системы безопасности бывшего СССР на южном направлении. Победа демоисламистов в Таджикистане фактически означала прорыв в системе изоляции бывшей советской Средней Азии от влияния с юга, что несло непосредственную угрозу дестабилизации, как политических, так и социальных систем региона. Соответственно, как только возникла угроза прямого прорыва с юга, были немедленно приняты меры, включая прямое воздействие на таджикскую оппозицию с целью восстановления единой системы безопасности. Одновременно новые обстоятельства вынудили те же Узбекистан и Россию искать пути нейтрализации негативного воздействия с афганской территории, так как стало очевидно, что накопленный негативный потенциал от долгой афганской войны и кровопролитного

таджикского конфликта в непосредственной близости от охраняемых узбекским и и российскими пограничниками границ грозит превратить их в очаг постоянного напряжения.

Самым логичным выходом для Москвы и Ташкента было попытаться восстановить систему буферных образований, способных при минимальной поддержке обеспечить и непосредственную безопасность южных границ, и поддержать систему изоляции новых независимых государств Центральной Азии с юга. То есть, необходимо было обеспечить восстановление той функции, которую более или менее успешно выполнял режим Наджибуллы в промежутки между выводом советских войск в 1989 году и его падением в 1992 году.

Весь отрезок времени, с 1992 года с момента разгрома таджикской оппозиции до 1994 года, появления на политической карте Афганистана движения Талибан, Россия и Узбекистан, несомненно, отработывали принципы взаимодействия со своими афганскими «союзниками» в рамках процесса формирования системы буферных образований на территории Афганистана. В то же время, существование объективных противоречий между Россией и Узбекистаном в отношении, как афганского конфликта, так и проблемы лидерства и взаимоотношений на постсоветском пространстве и в Центральной Азии, привели к отсутствию согласованных действий по созданию такого буфера. Ташкент оказывал поддержку генералу Дустуму, лидеру афганских узбеков, Москва поддерживала неформальные контакты с «правительством Афганистана» Раббани-Масуда, контролирующим Кабул и основные представительства страны за рубежом.

Такая система взаимоотношений, построенная на сохранении взаимной изоляции бывшей советской Средней Азии и Афганистана, а также негласной минимально необходимой материальной поддержке устраивала в принципе обе стороны. Она давала определенные преимущества, прежде всего материальные, указанным группировкам Дустума и Раббани-Масуда во внутриафганской политической борьбе и в то же время обеспечивала сохранение изоляции региона, в качестве основы действующей системы безопасности бывшей советской Центральной Азии.

В то же время произошло некоторое перераспределение полномочий между Ташкентом и Москвой в обеспечении режима изоляции центральноазиатских республик. Постепенно Узбекистан уступает активную роль в Таджикистане России, сосредоточившись на поддержке режима генерала Дустума на севере Афганистана, который являлся ключевым звеном в поддержании режима изоляции бывшей советской Средней Азии в качестве буферного псевдогосударственного объединения. К тому же, контролируемые Дустумом 6 северных провинций были отделены от остального Афганистана труднопроходимой горной системой Гиндукуш. Кроме того, военное и организационное превосходство Дустума над всеми остальными афганскими группировками на тот момент не вызывало никаких сомнений, а близость к Узбекистану естественно обеспечивала минимально необходимые потребности в продовольствии и частично, возможно, в вооружении.

С помощью Масуда и Раббани Москве удалось ввести в приемлемые рамки деятельность таджикской оппозиции на таджикско-афганской границе, почти целиком зависящей от группировки Раббани. Связи между Москвой и движением Раббани были достаточно тесными хотя бы потому, что именно правительство Афганистана под его управлением постоянно получало национальную единицу Афганистана афгани, которая печаталась в Москве. Безусловно, ни Раббани, ни Москва не были заинтересованы в том, чтобы афишировать свои тесные контакты. В то же время, объективно интересы Раббани-Масуда по сохранению своей власти в контролируемых ими районах на том уровне, которым они

располагали к лету 1994 года и интересы Москвы по поддержанию политики изоляции региона Центральной Азии совпадали по стратегически важным направлениям.

В целом, к 1994 году, благодаря совпадению интересов некоторых афганских политических группировок и стран Центральной Азии по поддержанию изоляции друг от друга, фактически России и Узбекистану удалось воссоздать на новом качественном уровне существовавшую прежде систему безопасности бывшего СССР на южном стратегическом направлении. Главным отличием новой системы безопасности от существовавшей в годы позднего СССР была относительная дешевизна для новых независимых государств необходимости поддержания буферных афганских псевдогосударственных образований.

Для Казахстана и Киргизстана, также как и остального Содружества независимых государств, усилия, предпринимаемые Москвой и Ташкентом по урегулированию таджикского конфликта и поддержанию режима изоляции, как составной части системы безопасности новых независимых государств Центральной Азии, были, безусловно, выгодны. Объективно для Алматы и Бишкека Таджикистан, контролируемый Россией, и Узбекистан выступали в роли своеобразной буферной зоны, отделяющей их от беспокойного Афганистана. В принципе, реальная система безопасности в Центральной Азии для Казахстана строилась следующим образом:

- Первый рубеж составляли буферные образования на афганской территории, в первую очередь зоны, контролируемые Раббани и Дустумом;
- Второй рубеж проходил вдоль бывшей государственной границы СССР, охрану которого обеспечивали российские и узбекские пограничники;
- И только третий условный рубеж находился на подходах к границам Казахстана и Кыргызстана.

Вклад Казахстана и Кыргызстана в непосредственную охрану границ Содружества был разумно достаточным и недорогим и включал 1 казахстанский батальон численностью 500 человек и 1 роту от Кыргызстана. Что, естественно, не шло ни в какое сравнение с 20 тысячным контингентом российских войск и пограничников в Таджикистане, лояльной Москве таджикской армией в 9-10 тысяч человек, а также регулярной армией Узбекистана. Россия и Узбекистан не требовали от своих союзников по Центральной Азии большего. Политика изоляционизма отчасти распространялась и на логику развития новых независимых государств.

Несомненно, можно утверждать, что к 1994 году, пережив сложный процесс трансформации советской системы безопасности после распада СССР, новым независимым государствам Центральной Азии, а также России удалось приспособить афганский конфликт под новую систему безопасности в регионе.

.4. Изменение геополитической ситуации вокруг Афганистана в период с 1992 по 1994 гг. и появление движения Талибан

Геополитическая ситуация в регионе Центральной Азии после бурных событий 1992 года в Афганистане и Таджикистане приобрела относительную устойчивость. ННГ Центральной Азии вместе с Россией в течение 1992 года восстановили режим изоляции зоны афганского конфликта, как основы системы региональной безопасности. После занятия отрядами Народного фронта Таджикистана г. Душанбе в декабре 1992 года и

разгрома в связи с этим таджикских “демократических” и “исламистских” организаций, ННГ Центральной Азии воспроизвели системную целостность региона Центральной Азии в пределах бывших границ СССР. “Демоисламистская” таджикская оппозиция была вытеснена на территорию Афганистана, откуда стала оказывать вооруженное давление на южные границы Таджикистана. В рамках Договора о коллективной безопасности, подписанного главами государств СНГ в Ташкенте 15 мая 1992 года, Россия, Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан обязались принимать участие в защите внешних границ бывшего СССР на южном направлении, имея в виду, в том числе и границы Таджикистана с Афганистаном.

В Афганистане в течение 1992 года произошло падение прокоммунистического режима Наджибуллы. В результате борьбы за наследство кабульского режима и гегемонию, в стране произошла дефрагментация Афганистана на зоны влияния, контролируемые локальными военно-политическими группировками. Вооруженная борьба афганских военно-политических группировок друг против друга закрепила раскол страны. При этом, ряд военно-политических организаций, таких как движение афганских узбеков генерала Дустума и партия “президента Афганистана” Раббани, опирающаяся на этнических таджиков, объективно играли роль буфера, ограждающего южные границы СНГ от давления критического потенциала войны в Афганистане на системную целостность ННГ Центральной Азии.

В целом, сложившаяся к началу 1993 года геополитическая ситуация в регионе была объективно выгодна для ННГ Центральной Азии. Правящие элиты ННГ получили возможность и время завершить процессы выделения собственной системной целостности каждого нового независимого государства из общей системной целостности бывшего СССР после его распада в декабре 1991 года и предоставления им независимости. Отсутствие внешних неблагоприятных обстоятельств резко сузили число задач, которые пришлось решать ННГ в процессе создания единой государственной системы. Во многом это позволило сосредоточить усилия на политике государственного строительства, формирования системы государственных интересов, а также направлений реформирования жизнедеятельности экономики и обществ ННГ Центральной Азии.

В то же время, задачи создания собственной самодостаточной системы организации государства требовали значительных ресурсов. Поэтому в ходе процесса государственного строительства и адаптации к новым условиям существования получили те страны, которые обладали серьезными запасами высоколиквидного природного сырья.

Добровольный уход новой России в декабре 1991 года и позднее из региона Центральной Азии предоставил правящим элитам новых независимых государств реальную возможность самостоятельно распоряжаться природными ресурсами региона. Потребности ННГ Центральной Азии в материальных ресурсах для обеспечения трансформации и реформирования экономики и общества требовали усиленной разработки уже имеющихся источников природного сырья и разведки новых.

Растущие потребности ННГ в инвестициях для разработки значительных природных ресурсов сделали регион Центральной Азии и Кавказа весьма привлекательным в плане инвестиционной активности. В ННГ Центральной Азии и Кавказа стало расти экономическое присутствие крупнейших западных компаний. Что, естественным образом обеспечивало снижение экономического присутствия России. В первоначальной экономической привлекательности региона Центральной Азии и Кавказа для западных компаний постепенно усилилась геополитическая составляющая. Добровольный политический уход России из Центральной Азии и сокращение российского

экономического присутствия, оставили вакуум в геополитическом пространстве региона. “Крах СССР, объединявшего вокруг себя огромное евразийское пространство, породил в Евразии гигантскую “черную дыру”, вакуум влияния”/10. Поэтому, в начале девяностых было естественным предположить, что за расширением экономического присутствия западных компаний неизбежно последует усиление геополитического влияния Запада в регионе.

Проникновение Запада в зоны бывшего геополитического влияния России со временем не могло не вызвать сопротивления со стороны части российской политической элиты. В российском общественном мнении преобладали идеи о несостоятельности самостоятельного существования новых независимых государств Центральной Азии, их сохраняющейся зависимости от России. Эти идеи во многом легли в основу “катапультирования в независимость” бывших республик советской Средней Азии и Казахстана, по образному выражению госпожи Олкотт. Новая демократическая Россия в начале девяностых активно избавлялась от “балласта” в виде азиатских республик бывшего СССР. И тем неприятнее стала для российской политической элиты острая необходимость вступать в геополитическое соперничество с Западом за влияние в регионе Центральной Азии, где еще недавно Россия доминировала абсолютно и откуда ушла совершенно добровольно.

Постепенно в регионе оформилось состояние геополитического соперничества между Россией, катастрофически быстро теряющей свои позиции в Центральной Азии, и странами Запада, стремящимися утвердиться в стратегически важном районе в центре Евразии. Геополитическое соперничество Запада и России сконцентрировалось на проблеме каспийской нефти. Стороны имели разные козыри в борьбе за контроль над геополитически важной каспийской нефтью. В проблеме Каспия геополитический фактор имел всегда большее значение, чем собственно экономические характеристики эффективности добычи нефти. Запад обладал значительным инвестиционным потенциалом. В то время, как Россия контролировала основные транспортные пути к региону Центральной Азии. Соответственно, крайне важное значение для геополитического соперничества в регионе приобрела проблема контроля над транспортными коридорами.

Естественно, что Россия не была заинтересована в появлении новых транспортных путей в регион Центральной Азии. В то время, как для Запада это становилось основным приоритетом на ближайшую перспективу.

В пределах “Большой геополитической игры” вокруг транспортных коридоров в регион Центральной Азии, оформились и локальные интересы крупных региональных держав. Для трех крупнейших региональных держав, расположенных к югу от границ бывшего СССР, Турции, Ирана и Пакистана, было крайне важно оказаться в центре основных грузопотоков в регион Центральной Азии. Это означало радикальное повышение статуса той страны, которая сможет обеспечить контроль над транспортными путями к центрально-азиатскому региону. Кроме того, контроль над основным грузопотоком дает возможность такой стране получать значительные постоянные доходы от транзита грузов через свою территорию, независимые от экономической конъюнктуры на мировых рынках. Например, от падения цен на нефть. В отличие от нефти и других сырьевых продуктов, цена за транзит величина почти всегда постоянная.

Все усилия Турции в девяностых годах сконцентрировались на лоббировании идеи так называемого “транскавказского коридора” через территории Азербайджана, Грузии и далее до турецкого порта Джейхан на Средиземном море. Этот вариант является в конце

девятидесятых наиболее приоритетным как в частности для западных компаний, работающих на Каспии, так и для геополитических интересов Запада в регионе в целом. Турция понесла тяжелые экономические потери в связи с продолжающейся до сих пор блокадой Ирака после акции Саддама Хусейна в Кувейте и последовавшей за этим войны в Персидском заливе. “Транскавказский коридор” должен в какой-то мере компенсировать Анкаре потери от транзита иракской нефти до все того же порта Джейхан.

К плюсам Ирана можно отнести его выгодное географическое положение. Через территорию этой страны проходит самый короткий путь из региона Центральной Азии и зоны Каспия к открытым морям. Однако экономическая целесообразность дезавуируется определенной политической изоляцией существующего в Иране режима. Неприятие со стороны, в первую очередь, США любой идеи сотрудничества с Тегераном делает перспективы Ирана получить контроль над основным грузопотоком из Центральной Азии весьма проблематичными. В то же время, это делает Иран объективным союзником России в геополитическом соперничестве за влияние в регионе.

Иран и Россия заинтересованы друг в друге, по меньшей мере, в двух вопросах - в определении правового статуса Каспия и сохранении дефрагментации Афганистана. На Каспии, Москва и Тегеран вплоть до лета 1998 года, времени подписания российско-казахстанского соглашения о разделе дна Каспийского моря, совместными усилиями вполне успешно блокировали определение правового статуса Каспия и, тем самым, создавали правовые трудности для начала широкомасштабных работ на шельфе моря.

В основе сближения позиций Ирана и России в Афганистане и Таджикистане лежит стремление не допустить реализации идеи открытия транспортного коридора из Центральной Азии в южном направлении. Россия и Иран объективно выступают конкурентами любых иных вариантов существования транспортных путей из Центральной Азии, проходящих мимо их территории. Главным инструментом решения этой задачи является поддержка сил антиталибского альянса, главные составляющие которого, шииты-хазарейцы и таджики Раббани/Масуда, поддерживают тесные отношения, соответственно, с Тегераном и Москвой. В этом смысле мирное урегулирование в Таджикистане летом 1997 года между правительством этой страны и отрядами Объединенной таджикской оппозиции, достигнутое при посредничестве России и Ирана, явилось частью координации усилий Москвы и Тегерана по укреплению позиций антиталибского альянса в Северном Афганистане.

В самом невыгодном положении в сравнении с Турцией и Ираном в результате завершения войны в Афганистане против советского присутствия и последующей дефрагментации этой страны на районы, контролируемые враждующими группировками, оказался Пакистан. Все время войны Пакистан пользовался преимуществами форпоста западной цивилизации против советской экспансии в Афганистан. Прежде всего, это выражалось в серьезных западных вливаниях в экономику страны, поставках современной военной техники и в целом поддержке пакистанской армии, а также контроле Исламабада над распределением военной и материальной помощи моджахедам и миллионам афганских беженцев. С учетом масштабов и продолжительности афганской войны, количество дивидендов, материальных и геополитических, полученных Пакистаном, было весьма значительно. Во многом благодаря статусу стратегического союзника США во время войны в Афганистане, Пакистан обеспечивал паритет сил со своим давним региональным противником - Индией.

С распадом Советского Союза, с изменением геополитической обстановки в мире и в регионе Пакистан потерял былые преимущества своего положения. В начале девяностых

стали сказываться сложности географического расположения Пакистана. Пакистан стал объективно заинтересован в дополнительных источниках обеспечения собственного экономического и военного развития. Не обладая значительными сырьевыми ресурсами и не имея достаточно развитой промышленности, находясь между Ираном и недружественной Индией, Пакистан, безусловно, стремится сделать ставку на свое географическое положение, перераспределив на себя часть грузовых потоков для стран Центральной Азии, а также используя их как рынок сбыта для своей продукции. Контроль над транспортным коридором в богатые природными ресурсами страны Центральной Азии должен существенно укрепить геополитическое положение Пакистана. На пути возможной реализации этих планов также стоит раздираемый войной Афганистан.

Для Пакистана растущее геополитическое значение ННГ Центральной Азии в быстро изменяющемся мире стало дополнительным стимулом попытаться восстановить историческую традицию экономических контактов и политических взаимодействий вдоль линии Центральная Азия - Афганистан - Пакистан - Индия, прерванную, как известно, в ходе событий XIX - XX веков. Сначала феодальные государства Центральной Азии и Британской Индии потеряли политическую самостоятельность в ходе колониальной экспансии Российской и Британской империй. Затем, в результате революции 1917 года в России, вновь образованное государство СССР полностью прервало экономические и культурные контакты между сообществами советской Средней Азии и остальным миром южнее границ бывшего СССР.

После распада СССР выяснилось, что для поддержания новой системы региональной безопасности ННГ Центральной Азии нуждаются в сохранении системной целостности занимаемого ими геополитического пространства, в котором они существуют с момента укрепления советской власти на южных границах региона в пределах бывшей Российской империи. Интенсивные контакты с внешним миром объективно могли привести к дезинтеграции политических и социальных систем, вновь образованных ННГ Центральной Азии. С этой точки зрения, элиты Центральной Азии продолжали рассматривать Афганистан в качестве буфера, ограждающего их от нежелательного влияния извне.

Исходя из этого, перед Пакистаном встала сложная геополитическая задача. Необходимо было “прорубить окно” в Центральную Азию. При этом, не испортив отношений с ННГ Центральной Азии, которые, вполне очевидно, были не готовы отказаться от режима изоляции зоны афганского конфликта, как наиболее важного фактора региональной безопасности.

Открытие транспортных коридоров в Центральную Азию требовало от Пакистана обеспечения их безопасности. Для этого было необходимо закончить гражданскую войну в Афганистане, с тем, чтобы обеспечить приход к власти авторитетного правительства, способного преодолеть дефрагментацию страны. После многолетней войны такую задачу можно было решить только военной силой. Дефрагментация Афганистана и степень разрушения достижений модернизации и государственных институтов в результате гражданской войны делали невозможным восстановление единства страны путем простого усиления одной из военно-политических группировок.

То, что было вполне реальным перед падением прокоммунистического режима в Кабуле весной 1992 года и сразу после него, стало полностью невозможным к лету 1994 года. Весной 1992 года усиление партий Пешаварского альянса в союзе с умеренными пуштунами из просоветской Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) могло бы привести к формированию в стране единого авторитетного правительства,

основанного на доминировании этнических пуштунов. Это означало бы завершение войны и преэминентность основных государственных институтов и достигнутых результатов модернизации.

Однако воссоздание единого государства Афганистан с доминированием пуштунов в 1992 году для Исламабада было нежелательным. Так как в этом случае не обеспечивалось главное условие пакистанской внешней политики в отношении Афганистана - полная подконтрольность Исламабаду любого правительства в Кабуле. Тем более, что в 1991 году самый влиятельный политический деятель Пешаварского альянса, протеже пакистанской армии и разведки Хекматиар дал основания сомневаться в своей лояльности пакистанской внешней политике. Во время войны в Персидском заливе Хекматиар поддержал действия Саддама Хуссейна. В то время, как официальный Исламабад принял участие в войне на стороне антииракской коалиции, послав в Залив 11 тысяч солдат. Поэтому в апреле 1992 года победа Хекматиара в частности и Пешаварского альянса, в общем, не отвечала пакистанским геополитическим интересам.

Придя к осознанию необходимости открытия транспортных коридоров на север и отдавая себе отчет в сложности поставленной задачи, Исламабад начал предпринимать меры для поиска путей решения возникшей проблемы. По объективным причинам, было невозможно сделать ставку на уже действующую в Афганистане военно-политическую группировку. Нереально было и прямое военное вмешательство пакистанской армии для наведения порядка в соседней стране. В этом случае, можно было увязнуть в Афганистане и наверняка спровоцировать нежелательную напряженность в отношениях с ННГ Центральной Азии. Пакистану необходимо было радикальным военным путем решить проблему войны в Афганистане, обеспечить приход к власти в стране подконтрольного Исламабаду режима, открыть транспортные коридоры на север и сохранить при этом дружеские отношения с ННГ Центральной Азии.

Поставленная в Исламабаде задача вполне совпадала с концепцией множественности путей транспортировки природных ресурсов и других грузов из региона Центральной Азии. Преодоление географической изоляции региона, например, для Запада означало снижение степени российского влияния на ННГ Центральной Азии. Для ННГ Центральной Азии новые транспортные коридоры означали снижение затрат на транспортировку грузов, освоение новых рынков и уменьшение географической зависимости от России.

В то же время, при очевидной геополитической привлекательности идеи восстановления исторического транспортного сообщения из региона Центральной Азии в Пакистан и Индию, она оставалась неактуальной для бывших советских азиатских республик в свете сформировавшейся после распада СССР системы региональной безопасности. Главное заключалось в необходимости сохранения изоляции зоны афганского конфликта в частности, и сохранения целостности региона Центральной Азии в пределах границ бывшего СССР.

При данных обстоятельствах, на политической карте Афганистана в 1994 году появилось движение Талибан.

Обстоятельства появления в Афганистане нового мощного военно-политического движения Талибан являются предметом длительного обсуждения. Наиболее распространенная версия гласит, что движение Талибан было создано на территории Пакистана с подачи пакистанского руководства из числа студентов религиозных школ, расположенных в лагерях афганских беженцев. "По признанию бывшего начальника

генштаба Пакистана генерала Мирзы Аслам Бега, цепь таких медресе с контингентом прошедших специальную подготовку талибами была создана Пакистаном и США как “религиозно-идеологический пояс вдоль афганско-пакистанской границы для поддержки боевого духа моджахедов”/11. Известен и формальный повод появления движения Талибан на афганской политической сцене. “Один из крупнейших пакистанских бизнесменов, муж Беназир Бхутто (в 1994 г. премьер-министра Пакистана - прим. авт.), снарядил первый пробный торговый караван в Среднюю Азию через Афганистан, и караван этот был разграблен афганскими моджахедами”/12. Вскоре после этого отряды движения Талибан в 1994 году развернули наступление на южные районы Афганистана, контролируемые многочисленными самостоятельными полевыми командирами моджахедов, в основном этнических пуштунов. Сравнительно быстро сломив сопротивление локальных полевых командиров, талибы заняли г. Кандагар, и большую часть южных районов страны, с преимущественно пуштунским населением.

Естественно, что в условиях Афганистана военные успехи талибов должны были оказать шокирующее воздействие. В этой стране все военные ресурсы хорошо известны и, в условиях многолетнего равновесия сил и продолжающейся гражданской войны, дополнительные ресурсы могли взяться только из-за пределов Афганистана.

Из ближайшего окружения Афганистана только Пакистан мог усилить движение Талибан настолько, что оно сравнительно легко добивалось военных успехов против закаленных многолетней войной отрядов афганских моджахедов. Для Исламабада задача усиления военных отрядов талибов выглядела весьма несложной с учетом активного присутствия этнических пуштунов в пакистанской армии и военизированных формированиях в Северо-Западной пограничной провинции Пакистана. Решительные действия движения Талибан наглядно продемонстрировали, что у Исламабада к началу 1994 года изменились геополитические приоритеты. Дефрагментация Афганистана и многочисленные отряды моджахедов выглядели как препятствие в решении глобальной задачи наведения под контролем Исламабада порядка в Афганистане и открытия транспортных коридоров в регион Центральной Азии.

С этой точки зрения, движение Талибан, которое, как считается, было создано “пакистанской военной разведкой и министром внутренних дел Пакистана Насруллой Бабаром”/13, выглядело наиболее оптимальной формой решения основной геополитической задачи Исламабада - открытия транспортных коридоров в регион Центральной Азии. Движение Талибан отвечало главному требованию внешней политики Пакистана по отношению к Афганистану - обеспечение подконтрольности такой организации интересам пакистанской политики в регионе. Новые геополитические обстоятельства в регионе, связанные с распадом СССР и образованием ННГ, не снимали с повестки дня для Исламабада проблему сильного самостоятельного Афганистана и несогласия афганской элиты с линией прохождения пакистанско-афганской границы вдоль бывшей, так называемой линии Дюранда, которая оставляла значительную часть этнических пуштунов вне пределов афганского государства.

При создании движения Талибан были использованы объективные обстоятельства, вызванные революцией в Афганистане и войной против советского присутствия. Прежде всего, это фактор наличия лагерей афганских беженцев на территории Северо-западной провинции Пакистана. Система распределения гуманитарной помощи в лагерях беженцев все годы войны в Афганистане почти полностью находилась под контролем пакистанских официальных структур. После падения режима Наджибуллы, новый виток гражданской войны не дал возможности большей части из почти 3 млн. беженцев вернуться в Афганистан. Именно из их числа и было в основном организовано движение Талибан.

Большинство членов движения Талибан не имели устойчивых социальных и политических связей в Афганистане. Движение было создано для решения конкретной политической цели - преодоление дефрагментации Афганистана. Для этой цели были использованы люди, оторвавшиеся от традиционной системы организации афганского общества. Давление, которое оказывалось на традиционные структуры и ценности в ходе процессов ускоренной модернизации в Афганистане, проводимых прокоммунистическим правительством в Кабуле при поддержке СССР, вызвали массовое разрушение организационных структур, обеспечивающих функционирование и преемственность традиционных афганских сообществ. В первую очередь, это касалось общины, семьи, связей с традиционной элитой. Многие беженцы в эмиграции в Пакистане потеряли привычные системные связи и ориентиры. Неблагоприятное влияние оказали и значительные людские потери в ходе многолетней войны в Афганистане. Система мусульманских школ, функционирующих в лагерях афганских беженцев под патронажем Пакистана, объединяла в основном “сирот афганской войны”, людей, почти полностью потерявших традиционные системные ориентиры.

Вопрос заключается даже не в чем-либо целенаправленном воздействии и пропаганде на контингент таких школ. В мусульманском обществе для людей, оторванных от традиционной социальной системы и системы традиционных ценностей, становится естественным поиск новых ценностей. Самый логичный способ найти новые ценности в исламском обществе заключается в том, чтобы обратиться к идее воссоздания первоначальной мусульманской общины времен пророка Мухаммеда. Именно это и создает условия для появления движений сторонников “чистого ислама”, отрицающих складывающиеся столетиями исторические традиционные ценности обычных мусульманских обществ. В том числе и синтез светского и духовного в управлении мусульманским обществом.

С этой точки зрения, движения афганских моджахедов Хекматиара, Халеса, Сайафа, Наби Мохаммади и других с 1979 по 1992 гг. боролись против того влияния, которое ускоренная модернизация, проводимая прокоммунистическим правительством в Кабуле, оказывает на традиционный образ жизни мусульманского общества. Они стремились восстановить ситуацию, которая существовала до начала процесса модернизации. Объективно, это означало их борьбу против модернизации по советским образцам, что в условиях Афганистана привело к войне против результатов модернизации в целом. В то же время, указанные лидеры боролись за то, чтобы занять свое место в традиционной системе организации афганского общества и государства Афганистан. Соответственно, классические движения моджахедов не подвергали сомнению принципы организации афганского общества на основе компромисса светских и духовных начал в управлении им.

Таким образом, Пакистан, где вполне четко действовала обычная практика синтеза светских и духовных начал в управлении мусульманским обществом, способствовал созданию политической организации, основанной на идеологии “чистого ислама”, стремящейся восстановить в Афганистане принципы организации первоначальной мусульманской общины.

Сторонники “чистого ислама”, в других ситуациях их часто называют “ваххабитами”, выступая против синтеза светских и духовных начал в управлении мусульманским обществом, в первую очередь, вступают в конфронтацию с традиционной элитой обычного мусульманского общества, включая в их число и представителей классического “улама” - мусульманского “духовенства”. Поэтому естественно, что во всех мусульманских обществах, где движения сторонников “чистого ислама” становятся серьезной политической силой, в первую очередь происходит тяжелый конфликт между

“традиционной элитой” в разных формах ее проявления и приверженцами идей “чистого ислама”.

Такой конфликт и составлял основу первоначальной резкой оппозиции со стороны классических партий моджахедов политическим устремлениям движения Талибан. Это же и объясняет демонстративно жестокие меры со стороны талибов в отношении представителей традиционной афганской элиты. Так, 12 марта 1995 года талибами был убит лидер партии шиитов-хазарейцев Хезбе и-Вахдат Абдула Али Мазари, а 26 сентября 1996 года после взятия Кабула позорным для афганца способом через повешение был казнен бывший президент страны Наджибулла.

Эти меры носили ярко выраженный демонстративный характер и были призваны шокировать общественное мнение страны. Особенно шла вразрез с классическими пуштунскими традициями публичная казнь бывшего президента Наджибуллы. В Афганистане пуштунские традиции предполагали высокую степень автономности пуштунских племен и общин. Своеобразная пуштунская “демократия” строилась на балансе интересов племенных вождей, племен, общин. При этом отношения регулировались согласно традиции, включавшей в первую очередь институт джирги - “эгалитарного социально-политического регулятора существования пуштунских племен”/14. Согласно пуштунской традиции “вождь племени достаточно ограничен в своих возможностях наказания соплеменников - это сфера действий традиции (бадала, джирга). Любая попытка наказания соплеменника со стороны вождя вызывает более или менее адекватную реакцию со стороны рода, член или члены которого этому наказанию подверглись, в отношении вождя и его рода”/15. Талибы продемонстрировали неуважение к классической пуштунской традиции, казнив Наджибуллу, несмотря на то, что он являлся представителем традиционной элиты влиятельного пуштунского племени ахмедзай. Тем самым, противопоставив идеи создания в Афганистане общества “чистого ислама”, построенного на канонах классической мусульманской общины, системе организации традиционного афганского общества.

В связи с этим представляет интерес принцип комплектования движения Талибан. В основном, в политическом руководстве движения Талибан были собраны люди, не входящие в систему традиционной элиты афганского общества. На момент появления движения Талибан на афганской политической сцене осенью 1994 года, большинство его политических и военных руководителей были неизвестны афганскому общественному мнению. Политическому руководителю движения Талибан Моххамад Омару Ахунзада осенью 1994 года шел 31-й год. Во время войны против прокоммунистического режима в Кабуле и советского присутствия в Афганистане он являлся полевым командиром небольшого отряда моджахедов, принадлежащего к партии Наби Мохаммади из состава Пешаварского альянса. “Большинство командиров талибов имеют вымышленные имена. Настоящее имя муллы Борджана, одного из основателей движения, погибшего за два дня до взятия Кабула, - туран (капитан) Абдул Рахман. Бывший слушатель военного университета в Кабуле, этот житель Кандагара участвовал в дворцовом перевороте Хафизуллы Амина в сентябре 1979 г. Он покинул Кабул в декабре, когда советские войска свергли Амина. В Пакистане он присоединился к движению Наби Мохаммади “Харакате инкилабе ислами”.

Другие не участвовали в сопротивлении. Шах Сарвар был ответственным работником разведывательного подразделения под российским командованием возле Сароби; теперь у талибов он командует артиллерийскими батареями к северу от Кабула. Мухаммед Акбар, бывший чиновник департамента ХАД, секретной коммунистической полиции, выполняет те же функции при новом режиме. Генерал Мохаммад Джилани тоже присоединился к

движению талибов после взятия Кандагара и был назначен командующим ПВО. Он оставался в афганской коммунистической армии вплоть до 1992 г.”/16.

Все бывшие деятели кабульского коммунистического режима в движении Талибан относятся к фракции Хальк (Народ) Народно-демократической партии Афганистана. В то время, как большинство сторонников другой фракции Парчам (Знамя) после падения режима Наджибуллы нашли убежище на Севере Афганистана у генерала Дустума. Противоречия между двумя фракциями в НДПА не один раз приводили к потрясениям в новейшей политической истории Афганистана. Переворот Хафизуллы Амина в сентябре 1979 года привел к репрессиям со стороны халькистов в отношении парчамистов. Ввод советских войск в декабре 1979 года обеспечил доминирование фракции Парчам во главе с Бабраком Кармалем в руководстве кабульского режима. Однако после 1992 года внутривнутрипартийные противоречия в отношениях между двумя фракциями во многом потеряли смысл. Казнь Наджибуллы объективно нельзя рассматривать как акция халькистов против парчамистов. Это было политическое действие нового общественно-политического движения, направленные против традиционной системы организации афганского общества.

Преобладание бывших приверженцев фракции Хальк из НДПА и неизвестных до этого на афганской политической сцене лиц в руководстве движения Талибан, вроде лидера движения Мохаммада Омара, полностью находилось в рамках стоящей перед Исламабадом тактической задачи по обеспечению полной подконтрольности того афганского политического движения, которое было призвано решать насущные проблемы пакистанской политики в Афганистане. Халькисты обеспечивали в движении Талибан организационные начала, основанные на почти партийной дисциплине и, одновременно, на первом этапе находились в зависимости от Пакистана, который дал им возможность в 1994 году вернуться на афганскую политическую сцену.

С этой точки зрения можно было предположить, что движение Талибан, сформированное из людей, в силу разных причин, не имеющих устойчивых связей в афганском обществе, сможет при поддержке Пакистана выполнить задачу наведения порядка в Афганистане, преодоления его дефрагментации и открытия транспортных коридоров в регион Центральной Азии. При этом сохранит лояльность основным целям пакистанской политики.

Поскольку движение Талибан придерживалось идей “чистого ислама”, подразумевавших переустройство афганского общества по модели организации первоначальной мусульманской общины без последовавших в дальнейшем идеологических и системных наслоений, то внутри движения активное значение придавалось духовному началу в его организации и управлении. Это наглядно демонстрирует использование духовных обозначений при осуществлении функций управления, как внутри движения Талибан, так и контролируемых им территориях. Почти все руководители движения Талибан носят духовные звания, хотя не для всех право носить его является легитимным. В состав Большой Шуры - высшего органа власти движения Талибан входят примерно 50 человек. Кроме самого Мохаммада Омара, духовного лидера движения Талибан, “в состав Большой Шуры входят: мулла Хасан (губернатор провинции Кандагар), мулла Эхсанулла, командующий Северным кабульским фронтом, мулла Аббас (мэр Кандагара), мулла Гаус, мулла М. Раббани, мулла Мышр, мулла Мутаки” /17. Духовные звания у руководителей движения Талибан, даже у выполняющих вполне светские функции, такие как командующий фронтом или министр иностранных дел, призваны подчеркнуть приоритет духовного начала в управлении мусульманским обществом. Тем самым, движение Талибан сделало заявку о стремлении вернуться к принципам организации

первоначальной мусульманской общины, когда руководство общины выполняло сразу обе функции управления - светскую и духовную.

Совершенно очевидно, что без прямой военной и материальной поддержки извне со стороны Пакистана, движение Талибан не могло оформиться сразу в мощную военно-политическую организацию. Отчетливое противопоставление идей “чистого ислама” структурам и ценностям традиционного афганского общества должно было неизбежно привести движение Талибан к затяжной изнурительной борьбе с традиционной элитой, выступающей за неизменность принципов организации афганского общества на основе компромисса светских и духовных начал в управлении им.

Движение Талибан, выступая за возврат к ценностям первоначальной мусульманской общины, фактически отвергает право традиционной элиты на легитимность ее управления в афганском обществе. Однако, слабость традиционной афганской элиты, вследствие попыток модернизации, предпринятой коммунистическим режимом в Кабуле, многолетней войны в Афганистане, а также разрушение в ходе событий 1992-94 годов основ централизованного афганского государства сделали возможным быстрый успех движения Талибан.

Сам по себе такой успех является неожиданным. Обычно движения сторонников “чистого ислама”, которые есть практически во всех мусульманских странах, не имеют реального шанса взять власть в свои руки в масштабах всего государства. Появившись в качестве реакции на процессы модернизации традиционного общества мусульманских стран, движения сторонников “чистого ислама” сталкиваются с исторической традицией организации государства и общества. Соответственно, им приходится выступать против существующих принципов организации обычного мусульманского общества и управляющей им традиционной элитой. В обычных условиях у движений сторонников “чистого ислама” мало шансов на установление своей власти в масштабах всего общества, так как они выступают против объективных процессов и исторической традиции.

В классических мусульманских странах государство и его институты выражают исторически сложившийся компромисс светских и духовных начал в управлении мусульманским обществом. Поэтому, естественно, что именно государство в мусульманских обществах выступает наиболее последовательным противником движений сторонников “чистого ислама”. Часто, это в первую очередь касается таких государственных институтов, как армия.

Именно государство и армия ведут жесткую борьбу со сторонниками идеи “чистого ислама” из Исламского фронта спасения (ИФС) в Алжире. Турецкая армия оказала давление на позиции радикальной исламской партии РЕФА бывшего премьер-министра Эрбакана, добившись ее запрещения, полагая, что идеи “чистого ислама” несут угрозу стабильности основ турецкого государства. Жесткие меры против так называемых “неоваххабитов” предпринимает даже правительство Саудовской Аравии, которое, согласно действующим в территории бывшего СССР стереотипам, стоит за радикальными “ваххабитскими” организациями по всему миру. В данном случае “неоваххабиты” представляют серьезную угрозу традиционной системе организации власти в Саудовской Аравии, в основе которой лежат идеи классического “ваххабизма”.

В Афганистане на момент появления движения Талибан в 1994 году практически полностью отсутствовали институты централизованного государства. Это обусловило слабость позиций традиционной элиты. И, в первую очередь, это имело отношение к традиционной пуштунской элите. Крах институтов централизованного афганского

государства в ходе гражданской войны 1992-94 гг. объективно задел интересы именно этнических пуштунов.

Централизованное государство в Афганистане с момента его образования всегда было государством, где доминировали этнические пуштуны. В то же время, исторически пуштунские племена всегда имели высокую степень автономности от центрального правительства в Кабуле. “Племя поступило частью своей ответственности за поддержание социальной стабильности и обеспечения обороны от влияния извне в пользу центральной власти при сохранении, тем не менее, большей части ответственности за собой”/18. Многолетняя война в Афганистане и политические эксперименты серьезно ослабили взаимную зависимость самостоятельных пуштунских племен и государства. Разрушение институтов государства в ходе событий 1992-94 гг. сделало самостоятельность пуштунских племен и полевых командиров почти абсолютной в ходе естественных процессов дефрагментации Афганистана. Мы уже отмечали ранее, что распад Афганистана отвечал локальным интересам локальной пуштунской элиты, усилившей с вои позиции в ходе войны.

Уникальность афганской ситуации заключается в том, что когда движение сторонников идей “чистого ислама” Талибан появилось в 1994 году в южных районах Афганистана, ему пришлось иметь дело только с многочисленными разрозненными военно-политическими и псевдогосударственными объединениями, представлявшими из себя независимые друг от друга отдельные части традиционной системы организации афганского общества. Пуштунская традиционная элита не могла противостоять давлению со стороны движения Талибан. Отсутствие централизованных государственных институтов способствовало деморализации традиционной пуштунской элиты. Движение Талибан несло объективную угрозу традиционным ценностям и власти пуштунской элиты. Однако, в 1994 году противостоять жестко структурированной организации сторонников “чистого ислама” пуштунская традиционная элита не могла.

Движение Талибан сравнительно легко захватило город Кандагар, ставший его столицей, и южные районы Афганистана с преимущественно пуштунским населением. Объективные противоречия между традиционной системой организации пуштунского общества и угрозой, которую представляли для нее устремления движения Талибан, заставило почти всех влиятельных пуштунских политиков составить оппозицию движению Талибан. Все пуштунские партии бывшего Пешаварского альянса, Хекматиара, Халеса, Гейлани, Сайяфа, Наби Мохаммади, Моджадедди, выступили против движения Талибан.

В то же время, пуштунские лидеры на местах не могли противостоять талибам. В большей степени это зависело не от военных возможностей движения Талибан, поддерживаемого Пакистаном. Важную роль сыграл тот факт, что власть традиционной элиты в пуштунских районах за годы войны в Афганистане серьезно ослабла, традиции осуществления власти были нарушены, системные связи внутри пуштунских сообществ оказались размыты. В Афганистане появилось большое количество деклассированных людей, потерявших привычные социальные ориентиры. Они и составили первичную социальную базу для пополнения рядов движения Талибан. Кроме того, объявленные лозунги наведения порядка, прекращения войны имели огромный успех в истощенной войной Афганистане.

В занятых движением Талибан к 1994 году южных и юго-западных районах Афганистана пуштунские сообщества приняли по отношению к нему зависимое положение. Однако, совершенно иная ситуация сложилась, когда движение Талибан столкнулось с военно-политическими объединениями, организованными на основе этнической солидарности национальных меньшинств Афганистана.

Институты централизованного государства в Афганистане были почти полностью разрушены в 1992-94 гг. в ходе гражданской войны. На тот момент дезинтеграция страны отвечала интересам практически всех военно-политических группировок, включая основные пуштунские объединения и организации национальных и религиозных меньшинств. Однако, в отличие от пуштунских организаций, интересы национальных меньшинств были более четко выражены.

Состояние дефрагментации позволяло национальным меньшинствам в Афганистане получить ту долю самостоятельности и автономности, какой они никогда не обладали в централизованном афганском государстве с доминированием этнических пуштунов. Постоянная угроза пуштунской реставрации, равно как и конкуренция со стороны других организаций национальных меньшинств предопределили высокую степень этнической солидарности. В отличие от пуштунов, в 1992-94 гг. разделенных на множество самостоятельных центров власти, зоны влияния политических организаций национальных меньшинств почти полностью совпадали с территориями их расселением.

Высокая степень этнической солидарности была характерна для национальных меньшинств узбеков, таджиков, шиитов-хазарейцев. Их интересы, соответственно, представляли политические организации Джумбиш-Милли (Национальное исламское движение Афганистана, НИДА), во главе с генералом Дустумом, Исламское общество Афганистана (ИОА) во главе с Раббани/Масудом, Хезбе и-Вахдат (Партия исламского единства Афганистана, ПИЕА), возглавляемая Халили. Кроме того, к партии Раббани/Масуда принадлежал и губернатор Герата, в окрестностях которого проживало много этнических таджиков, Исмаил-хан.

В пределах контролируемых политическими организациями национальных меньшинств территорий, в 1992-94 гг. были в миниатюре созданы фактически независимые национальные псевдогосударства с минимальным набором необходимых государственных институтов.

Появление на афганской политической сцене движения Талибан создавало прямую угрозу интересам политических организаций национальных и религиозных меньшинств. Причем, эта угроза носила двоякий характер. С одной стороны, движение сторонников “чистого ислама” угрожало исторически сложившимся принципам организации традиционных обществ национальных меньшинств, включая и власть традиционной элиты. С другой - элиты афганских узбеков, таджиков и хазарейцев отдавали себе отчет, что появление новой политической организации движения Талибан означает начало процесса пуштунской реставрации в Афганистане, что представляло прямую угрозу их интересам.

В 1994 году на первый план для почти всех афганских военно-политических группировок вышла угроза распространения идей “чистого ислама” со стороны движения Талибан. Именно это легло в основу временного союза политических организаций национальных меньшинств и пуштунских группировок в борьбе против движения Талибан. Благодаря чему, дальнейшее продвижение талибов вглубь Афганистана было временно остановлено.

Натолкнувшись на сопротивление армии Ахмад Шах Масуда под Кабулом, талибы сосредоточили основной удар в северо-западном направлении в сторону туркменско-афганской границы. В ходе наступления в 1995 году были захвачены город и провинция Герат. При этом были разгромлены отряды губернатора Герата, члена партии Исламское общество Афганистана президента Раббани, одного из влиятельных полевых командиров времен войны с советским присутствием - Исмаил-хана. Исмаил-хан бежал на территорию Ирана, а отряды талибов вышли на границу Афганистана с Туркменистаном. Таким

образом, уже в 1995 году был выполнен первый этап геополитической задачи открытия транспортных коридоров в регион Центральной Азии.

Планы открытия транспортных коридоров в регион Центральной Азии в тот момент имели и конкретное воплощение в виде идеи строительства газопровода и автомобильных дорог из Туркменистана через территорию Афганистана в Пакистан. Так, в 1995 году практически одновременно с выходом отрядов талибов на границу с Туркменистаном правительство этой страны предоставило компании “Юнокал” права на создание консорциума для строительства газопровода - от туркменско-афганской границы до города Мултан в Пакистане. “Талибы прошли по линии Кандагар - Герат, т.е. по афганской части основного магистрального пути, который должен связать Пакистан с Центральной Азией. Любопытно, что летом 1994 года был одобрен проект строительства железнодорожной линии от туркменской Кушки до пакистанского города Чаман. Ветка эта должна была пройти по западным районам Афганистана через Герат и Кандагар. И через некоторое время, в этих районах появились талибы”/19. Естественно, что взаимная заинтересованность в решении задачи открытия транспортных коридоров из Туркменистана в Пакистан привела к тому, что выход отрядов радикального движения Талибан на туркменско-афганскую границу не имел серьезных последствий не для Ашхабада, ни для системы региональной безопасности Центральной Азии.

К тому же, весьма показательным, что границы Туркменистана согласно соглашениям 1992 года между Москвой и Ашхабадом охраняются, в том числе и российскими пограничниками. Появление вооруженных отрядов движения Талибан около границы с Туркменистаном, очевидно, ожидалось в Ашхабаде. В курсе происходящих событий, скорее всего, была и Россия. Так как российские пограничники оставались на границе с Туркменистаном, то, естественно, что системная целостность региона Центральной Азии в связи с появлением движения Талибан у южных границ СНГ не была нарушена. Не проявляли особого беспокойства в 1994-95 гг. по этому поводу и в столицах других ННГ Центральной Азии.

Немаловажную роль в этом сыграл и Пакистан, проявивший максимально возможную дипломатическую активность для закрепления достигнутого преимущества. “Уже в январе 1994 года министр иностранных дел Пакистана Сардар Асиф Ахмад Али предпринял поездку по странам Центральной Азии. Через несколько месяцев по этому же маршруту проследовала представительная парламентская делегация Пакистана. В октябре 1994 г. Беназир Бхутто посетила Ашхабад, где состоялись ее переговоры с президентом Ниязовым. В мае-августе 1995 г. состоялись визиты премьер-министра Пакистана в Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан”/20. Несомненно, повышенная активность Исламабада на дипломатическом фронте была призвана убедить ННГ Центральной Азии в отсутствии по отношению к ним у Пакистана враждебных намерений в связи с событиями на военном фронте в Афганистане.

В целом, появление движения Талибан на афганской политической сцене в 1994 году и вызванные этим изменения в расстановке сил внутри Афганистана не привели к серьезному изменению внешней ситуации для региональной системы безопасности Центральной Азии.

В период с 1994 по 1996 годы степень дефрагментации Афганистана сохранялась на прежних позициях, а значит и условия стабильности региональной системы безопасности Центральной Азии, основанные на существовании буферных псевдогосударственных объединений на севере Афганистана, оставались без изменения. Движение Талибан контролировало южные и юго-западные провинции страны, включая крупные города

Кандагар и Герат, шииты-хазарейцы провинцию Бамиан в горном Хазарджате, движение генерала Дустума 6 северных провинций, “правительство Афганистана” Раббани столицу страны Кабул и северо-восточные провинции, примыкающие к Таджикистану. Кроме того, оппозиционные талибам пуштунские полевые командиры продолжали занимать крупный город на юге Афганистана - Желалабад.

Война в 1994-96 гг. носила вялотекущий характер. У движения Талибан не было на тот момент достаточно сил, чтобы добиться окончательной победы. Его отряды не могли прорвать подготовленную линию обороны армии Масуда под Кабулом, а значит, добиться захвата власти в масштабах всей страны. Между тем, наиболее хорошо подготовленная и вооруженная на территории Афганистана армия генерала Дустума вообще не принимала участия в активных боевых действиях. Противостояние в Афганистане к лету 1996 года зашло в тупик. Ни одна из многочисленных афганских военно-политических группировок без поддержки извне не могла добиться решительной победы.

В этот период времени казалось, что условий, которые могли бы привести к такому вмешательству извне, больше не существует. Пакистан с помощью движения Талибан практически добился реализации своих геополитических целей. Выход отрядов талибов на туркменско-афганскую границу сделал возможным начало строительства газопровода и линий коммуникаций из региона Центральной Азии в Пакистан. Причем, все возможные маршруты теперь могли пройти только через территорию Афганистана, контролируруемую движением Талибан по маршруту Кушка-Герат-Кандагар-Пакистан. Территории, контролируемые силами, оппозиционными движению Талибан, оставались в стороне от основных планируемых транспортных коридоров. Так как сохранение их автономности имело чрезвычайно важное значение для региональной системы безопасности ННГ Центральной Азии, то логично было ожидать от Исламабада уважения к мнению своих центральноазиатских партнеров. С точки зрения ННГ Центральной Азии реальная дефрагментация Афганистана должна была сохраниться на достигнутом в ходе событий 1994-96 г. уровне. Новое усиление движения Талибан было нежелательным.

В то же время, сложившаяся к лету 1996 года ситуация остро поставила проблему пределов самостоятельности движения Талибан. Этот вопрос имел прямое отношение к перспективам развития внутриафганского конфликта и стабильности системы безопасности ННГ Центральной Азии. Стали весьма актуальными вопросы о том, в какой степени Пакистан контролирует движение Талибан, каковы внутренние потенциальные возможности талибов укрепиться на захваченных с помощью Пакистана территориях и самостоятельно стать доминирующей силой внутри страны?

С военной точки зрения, в период с 1994 по 1996 гг. собственные возможности движения Талибан не позволяли добиться решающего преимущества над своими оппонентами. Главная сложность для талибов заключалась в невозможности собственными силами прорвать оборонительные позиции армии Масуда к югу от Кабула.

Построенная еще с помощью советских специалистов при прокоммунистическом режиме система оборонительных сооружений, позиции в которой занимала одна из лучших афганских армий, героя войны против советского присутствия Ахмад Шаха Масуда, была фактически неприступна для тех нерегулярных формирований, которыми располагали практически все военно-политические организации моджахедов, включая и движение Талибан. “В конце февраля - начале марта 1995 года численность отрядов движения Талибан достигала 25 тысячи бойцов и у них на вооружении находилось не только стрелковое оружие, но и тяжелое вооружение, включая 150 единиц бронетехники, а также 10 самолетов”²¹. Уже после захвата Кабула в сентябре 1996 года численность

формирований движения Талибан оценивалась “в 30-40 тысяч человек, 200 единиц бронетехники, артиллерия, 15 самолетов МиГ-21 и около 10 вертолетов Ми-8”/22. Для военно-политической организации, контролирующей две трети Афганистана, в основном пуштунские районы с традиционно воинственным населением, это явно немного.

Однако, в условиях Афганистана ситуация не всегда зависит от чисто военных факторов. Серьезные изменения происходили в период с 1994 по 1996 гг. и внутри движения Талибан.

Установление контроля движения Талибан над значительной частью Афганистана не могли не оказать влияния на статус движения Талибан, как внутри Афганистана, так и в отношениях с Пакистаном. В момент зарождения движения на территории Пакистана, военно-политическая организация Талибан наверняка было полностью подконтрольно пакистанскому руководству. Формирование собственной администрации на территории Афганистана и необходимость решать текущие политические вопросы, естественным образом повысили степень самостоятельности политического руководства движения Талибан. В этом смысле, двухгодичная пауза с осени 1994 года по осень 1996 года, несомненно, была использована для организационного оформления движения Талибан и определения его целей и приоритетов на ближайшую перспективу.

Основные изменения коснулись тактических целей движения Талибан. Столкнувшись, с одной стороны, с неприятием традиционной пуштунской элиты, с другой, ожесточенным сопротивлением национальных меньшинств, талибы должны были определить приоритеты, которые помогли бы в решении стратегической задачи - восстановления целостности Афганистана под контролем талибов. Таким решением стало усиление этнического фактора в устремлениях движения Талибан.

В принципе, в условиях Афганистана это было вполне естественное решение. Такая постановка вопроса позволяла трансформировать идею наведения порядка в идею восстановления единого афганского государства с доминированием пуштунов. Тем самым, создать условия, приемлемые для тех пуштунов, которые еще сохраняли лояльность противникам движения Талибан. Совершенно по-другому выглядит в этом случае и борьба талибов с политическими организациями национальных и религиозных меньшинств. Лидерам этих организаций становилось крайне сложно объяснить свое стремление к продолжению раздробленности страны среди своих сторонников - этнических пуштунов.

Движение Талибан фактически реанимировало идею реставрации единого государства с доминированием пуштунов на территории Афганистана. Только идея эта была воссоздана на качественно ином уровне. Движение Талибан, выступая против традиционной системы организации пуштунского общества, сформулировало идею пуштунской реставрации вне такого традиционного общества. Идея пуштунской реставрации в трактовке движения Талибан абстрагировалась от интересов различных пуштунских политических организаций, лидеров, элит или отдельных пуштунских племен. Пуштунская реставрация стала доминирующей идеей сама по себе и требовала от остальных пуштунов определиться по отношению к ней.

Парадокс ситуации заключается в том, что такая постановка вопроса стала возможной в силу другой идеологической установки движения Талибан на создание общества, основанного на принципах идеальной мусульманской общины времен пророка Мухаммеда. Выступая против более поздних наслоений в афганском обществе в виде обычного права, заимствований из внешнего немусульманского мира, традиционной

структуры, традиционной системы ценностей и т.д., движение сторонников идеи “чистого ислама” Талибан расчистило почву для качественно нового издания пуштунского национализма.

В то же время, хорошо известно, что первоначальной мусульманской общине в принципе не был присущ национализм. Все члены общины были равны, невзирая на национальные или расовые отличия. То есть, в случае с движением Талибан, мы наблюдаем процесс естественной адаптации движения сторонников “чистого ислама” к текущей политической ситуации в Афганистане и решению конкретной политической задачи. Несомненно, что пуштунский национализм движения Талибан, придерживающегося идей “чистого ислама” во многом вызван также и этнической солидарностью национальных меньшинств, препятствующей талибам при решении их главной задачи - объединения Афганистана.

Другое важное обстоятельство связано с тем, насколько идея пуштунского национализма в трактовке движения Талибан отвечает интересам главного покровителя талибов - Пакистана.

Пуштунский национализм в качестве тактического средства внутривнутриполитической борьбы в Афганистане не мог появиться с подачи Пакистана. Для Исламабада объективно пуштунский национализм представлял реальную опасность. Развитие идеи пуштунского национализма на новом качественном уровне вполне могло привести в перспективе к идее создания Пуштунистана, включая в его состав и населенные этническими пуштунами территории Северо-западной провинции Пакистана. Идея Пуштунистана была слишком потенциально опасна и маловероятно, что Пакистан решился бы разыграть карту пуштунского национализма.

Скорее всего, пуштунский национализм в качестве составной части идеологии движения Талибан могли привнести члены бывшей фракции Хальк бывшей Народно-демократической партии Афганистана. Их влияние в руководстве движения Талибан могло только возрасти после перебазирования талибов на территорию Афганистана и повышения степени их самостоятельности от Пакистана. Вчерашние политические изгои халькисты, несомненно, сохранили некоторые идейные установки из своего недалекого прошлого. Известно, что в руководстве НДПА всегда преобладали антипакистанские настроения. Несогласие с прохождением линии Дюранда в качестве афгано-пакистанской границы было одной из ключевых установок любого руководства в централизованном государстве Афганистан.

В то же время, в 1996 году тенденция к росту пуштунского национализма в рядах движения Талибан не была четко обозначена. К тому же, степень подконтрольности талибов Пакистану была достаточно высока. Движение Талибан и Пакистан были объективно необходимы друг другу.

2.5. Захват движением Талибан Кабула и кардинальное изменение ситуации в Афганистане и вокруг него

Очередное усиление движения Талибан произошло осенью 1996 года. 12 сентября 1996 года талибы взяли Джелалабад, последний город контролируемый оппозиционными талибам пуштунскими полевыми командирами, а 24 сентября столицу Афганистана Кабул.

Несомненно, что новый всплеск военной активности движения Талибан осенью 1996 года означал новый этап в развитии главной геополитической задачи официального Исламабада - в открытии транспортных коридоров в регион Центральной Азии. На первый взгляд, ситуация, сложившаяся вокруг Афганистана к лету 1996 года была наиболее оптимальной для всех заинтересованных сторон. Выход талибов на границы с Туркменистаном, давал возможность приступить к реализации планов строительства газопровода из этой центральноазиатской страны в направлении Пакистана.

Прорабатывались также проекты строительства железнодорожных и автомобильных путей сообщения между Центральной Азией и Пакистаном. Территории, контролируемые афганскими военно-политическими группировками, оппозиционными движению Талибан, оставались в стороне от основных транспортных артерий. В то же время их автономность являлась важным элементом системы безопасности Центральной Азии. Ряд группировок, таких как движение генерала Дустума и правительство Рабб ани, играли роль буфера, который ограждал ННГ Центральной Азии от возможного негативного влияния извне.

С другой стороны, по мере развития ситуации стало очевидно, что открытие коридора в направлении от Пакистана к Туркменистану является половинчатым решением. Без решения афганской проблемы в комплексе, масштабные инвестиции в реализацию коммуникационных проектов в Афганистане в принципе невозможны. Так, только затраты на строительство газопровода, планируемые американской компанией "Юнокал", от г. Мары в Туркменистане до места назначения близ г. Мултан в Пакистане, потребуют 1,9 млрд. долл., а с ответвлением до Северной Индии, 2.5 млрд. долларов.

Следовательно, успехи движения Талибан в 1994-95 гг. в целом не приблизили Пакистан к решению главной геополитической задачи - открытия действующего коридора в регион Центральной Азии.

Кроме того, в этот период заметно активизировались усилия конкурентов Пакистана на открытие транспортных коридоров из региона Центральной Азии. Самым угрожающим для планов Исламабада было открытие транспортного сообщения по маршруту Великого шелкового пути. Оно стало возможным после открытия "в мае 1996 года железнодорожной линии Мешхед-Серахс-Теджен протяженностью 320 км. Благодаря ее строительству оказались связанными системы железных дорог стран Западной и Центральной Азии и Китая. Использование новой трансконтинентальной магистрали сулит весомые выгоды центральноазиатским республикам - ускорение и удешевление транспортировки их грузов в район Персидского залива и в Европу"/[23](#). Для Пакистана это означало потерю стратегической инициативы. С помощью реализации ряда крупных транспортных проектов Иран стал открыто перехватывать инициативу у Пакистана в открытии транспортных коридоров в регион Центральной Азии. "По иранским подсчетам, дорога из Средней Азии к портам Персидского залива через территорию Ирана, ежегодно в состоянии пропускать до 1 млн. пассажиров и около 10 млн. тонн грузов, а в перспективе до 30 млн. тонн"/[24](#). Невозможность быстрой реализации планов строительства газопровода из Туркменистана в Пакистан из-за ситуации в Афганистане также создавала угрозу того, что Тегеран сможет предложить Ашхабаду более выгодный вариант строительства газопровода через иранскую территорию.

Проблема для Пакистана осложнялась и тем, что за период 1994-96 гг. так и не было найдено способов мирного урегулирования в Афганистане. Движение Талибан и противостоящие ему военно-политические группировки находились на неприемлемых друг для друга позициях. Соответственно, сохранялось неизменным состояние перманентной войны, которое реально делало невозможным открытие транспортных коридоров в Центральную Азию. У Пакистана не было никаких проблем в отношениях с

ННГ Центральной Азии. Однако, до тех пор, пока сохранялась дефрагментация Афганистана и состояние войны в этой стране, развитие отношений Пакистана и Центральной Азии носили характер весьма отдаленной перспективы.

Дополнительные сложности для Исламабада создавало и то, что ННГ Центральной Азии, при всей готовности идти навстречу выгодным экономическим предложениям Пакистана, объективно не были готовы в 1996 году отказаться от существующей системы безопасности, составной частью которой было существование буферных объединений на территории Северного Афганистана. Следовательно, внутриафганские противоречия все более отчетливо становились главным препятствием на пути открытия транспортных коридоров между Центральной Азией и Пакистаном.

Перспективы усиления роли Ирана в качестве основного транспортного маршрута для региона Центральной Азии на южном направлении, обозначившиеся к середине 1996 года, не соответствовали также и приоритетам политики США в регионе. К середине девяностых годов все более четкие очертания приобретала “Большая геополитическая игра” за влияние вокруг Каспийского моря и в регионе Центральной Азии. В этих условиях Вашингтон, естественно, не мог допустить, чтобы единственный действующий маршрут из региона Центральной Азии, который проходил мимо России, находился под контролем давнего противника США Исламской республики Иран.

К лету 1996 года активизировались и противники движения Талибан внутри Афганистана. В силу существующих противоречий между, с одной стороны, талибами-пуштунами и национальными меньшинствами Афганистана, с другой - талибами-пуштунами и традиционными пуштунскими организациями, в 1996 году встал вопрос о консолидации интересов национальных меньшинств и пуштунов-”традиционалистов” в борьбе против общего противника движения Талибан.

Инициатором консолидации выступило “правительство Афганистана” президента страны Раббани. Именно позиции партии Раббани выглядели наиболее уязвимыми в обстановке, когда в Афганистане появился реальный претендент на политическую власть в масштабе всей страны - движение Талибан. Было ясно, что движение Талибан будет стремиться захватить Кабул, который с 1992 года в основном контролировали таджикские формирования партии Раббани/Масуда. Пока в Афганистане сохранялось состояние гражданской войны среди большого количества военно-политических организаций, движение Раббани/Масуда, безусловно, занимало лидирующие позиции.

Появление движения Талибан на афганской политической сцене резко изменило ситуацию для “правительства Афганистана”, возглавляемого Раббани. В Кабуле при Раббани наверняка отдавали себе отчет об опасности идеи пуштунской реставрации. Стремясь предупредить неблагоприятное для себя развитие ситуации, в июне 1996 года в состав “правительства Афганистана” Раббани был введен в качестве премьер-министра один из самых влиятельных афганских политиков из числа этнических пуштунов Г. Хекматиар. Главные противники времен гражданской войны 1992-94 гг. объединились, чтобы создать единый антиталибский фронт с участием, как политических организаций национальных меньшинств, так и объединений этнических пуштунов. Однако это означало, что противники движения Талибан готовятся к длительной войне с тенденцией восстановления утерянных в ходе наступления талибов в 1994-95 гг. позиций в пуштунских районах Афганистана. Соответственно, это создавало дополнительную угрозу для любых инвестиционных проектов в зоне, контролируемой движением Талибан.

Указанные выше внутренние и внешние причины в комплексе привели к тому, что военные возможности движения Талибан в очередной раз резко возросли в сентябре 1996 года. Талибы захватили сначала крупный город Джелалабад вблизи пакистанско-афганской границы, затем столицу страны Кабул. Ахмад Шах Масуд отвел свои отряды в Панджшерское ущелье к северу от Кабула. На север, за перевал Саланг в провинцию Баглан отошли и отряды Хекматиара.

Назывались разные причины столь внезапного поражения одной из самых сильных армий на территории Афганистана, занимавшей, к тому же, оборонительные позиции в кабульском укрепленном районе. Предательство со стороны отрядов Хекматиара, которым были переданы часть позиций к югу от Кабула, планомерный отход Масуда с целью продемонстрировать населению Кабула, что из себя на самом деле представляют талибы и т. д.

Скорее всего, основную роль сыграло, как и в 1994 году резкое усиление боевых возможностей талибов со стороны Пакистана. “Победа талибов в сентябре 1996 года над различными враждующими группировками вокруг Кабула выглядит в целом как успех пакистанской политики. Хотя пакистанские политики отрицают свою вовлеченность в афганские события, немногие верят этому. Без значительной поддержки со стороны Пакистана сомнительно, что талибы смогли бы настолько усилиться, чтобы добиться такого успеха. Дело не только в том, что они хорошо вооружены, они в первую очередь хорошо дисциплинированы”/25.

Кроме того, не мог не сказаться и фактор пуштунской солидарности. Пуштунские полевые командиры в Джелалабаде и под Кабулом были поставлены в ситуацию выбора между лояльностью своим терпящим поражение традиционным лидерам и хорошо организованному движению Талибан, контролирующему почти все районы проживания пуштунов и стремящемуся к восстановлению единого афганского государства. Нельзя было исключать возможность массового перехода местных полевых командиров из числа этнических пуштунов на сторону более сильного движения Талибан.

Захват Кабула вызвал потрясение во всей системе национальной безопасности ННГ Центральной Азии. Существование буферных объединений на территории Афганистана было одним из ключевых факторов ее стабильности. Соответственно, контроль “правительства Афганистана” Раббани над столицей страны Кабулом занимал ведущее место в стабильности и неизменности системы буферных образований, ограждающих ННГ Центральной Азии от возможного негативного влияния с юга.

4 октября 1996 года в столице Казахстана г. Алматы состоялась чрезвычайная встреча лидеров ННГ Центральной Азии, за исключением президента Туркменистана Ниязова, имевшего особое мнение относительно успехов талибов, и премьер-министра России Черномырдина. Победа талибов представляла прямую угрозу сложившейся системе региональной безопасности ННГ Центральной Азии и геополитическим интересам России в регионе. Характер этой угрозы лишний раз подчеркивался уровнем встречи в Алматы.

Главная угроза, которая стояла перед ННГ Центральной Азии, в связи с соседством с зоной афганского конфликта, заключалась в потенциально возможной дестабилизации государственных структур этих стран в период формирования системы собственных интересов и приоритетов в процессе государственного строительства после распада СССР. Угроза приобрела зримые очертания в ходе развития кризиса в одном из новых независимых государств Центральной Азии - Таджикистане. При ликвидации последствий этого кризиса произошло оформление основных принципов действующей системы

безопасности ННГ Центральной Азии. Впоследствии, важным элементом системы безопасности стали буферные псевдогосударственные объединения на территории Афганистана.

В результате взятия талибами Кабула, под сомнение были поставлены базовые принципы организации системы безопасности ННГ Центральной Азии.

В то же время, ситуация вокруг взятия талибами Кабула впервые обозначила процесс начала обособления интересов отдельных государств, участвующих в формировании системы региональной безопасности ННГ Центральной Азии. Причем, в регионе происходили два взаимосвязанных и взаимозависимых процесса. С одной стороны, происходило разделение собственно системы безопасности ННГ Центральной Азии и геополитических интересов России. С другой - обособление интересов отдельных государств в пространстве Центральной Азии друг от друга.

Необходимо иметь в виду, что в 1992 году вопрос о формировании самостоятельных политических и социально-экономических систем новых независимых государств, образовавшихся в пространстве Центральной Азии вследствие распада СССР и ухода России из региона, находился на начальной стадии разрешения. Поэтому формирование единой системы безопасности на основе сохранения системной целостности в пределах границ бывшего СССР для ННГ Центральной Азии было вполне естественным и актуальным. Это имело прямое отношение к вопросу об обеспечении преемственности власти новыми управляющими элитами ННГ Центральной Азии в качестве неременного условия сохранения стабильности государства и общества.

По мере завершения процессов государственного строительства, в ННГ Центральной Азии, равно как и в новой России, происходило формирование собственных системных интересов, базирующихся в первую очередь на проблемах и задачах экономического развития. Наиболее отчетливо новые тенденции проявились в Туркменистане. Полная зависимость экономики страны от газовой отрасли, сразу после получения независимости предопределила тесные связи Ашхабада с Россией, контролирующей единственный путь транспортировки туркменского газа на мировые рынки. В июле 1992 года Ашхабад подписал соглашение о совместном командовании с Россией вооруженными силами, оставшимися на территории Туркменистана после распада СССР. По условиям соглашения из 60 тысяч солдат и офицеров бывшей советской армии 15 тысяч (авиация и система ПВО) находились под прямым управлением из Москвы, остальные под совместным командованием. Другое соглашение, достигнутое в августе 1992 года, обеспечивало присутствие российских пограничных войск на пятилетний переходный период (с возможностью автоматического продления еще на 5 лет), в течение этого срока они должны были оказать помощь в создании туркменских пограничных войск/[26](#). Таким образом, система безопасности Туркменистана из всех ННГ Центральной Азии была в наибольшей степени связана с Россией.

Со временем, для Ашхабада стал большим разочарованием тот факт, что российская компания Газпром, владелец всех российских газовых сетей, отказалась допустить туркменский газ на ликвидные рынки Западной Европы, предложив взамен проблемные рынки Украины и Закавказья. Поэтому, для Туркменистана проблема открытия транспортных коридоров к мировым рынкам носила очень конкретный характер. Она полностью концентрировалась на идее строительства новых газопроводов для экспорта туркменского газа. Два возможных варианта строительства таких газопроводов проходили через территории Ирана и Афганистана. Только этот факт сделал Туркменистан активным участником “Большой геополитической игры” и предопределил особое понимание

проблем региональной безопасности Центральной Азии, а также особую позицию в отношении афганского конфликта в целом и движения Талибан в частности.

Появление талибов на туркменско-афганской границе в 1995 году давало Ашхабаду реальный шанс надеяться на решение в ближайшее время проблемы строительства газопровода. Планы строительства, предложенные американской компанией “Юнокал ойл” были вполне реальны. В курсе событий было и руководство российской компании Газпром. Хотя, объективно, новый газопровод из Туркменистана в южном направлении не отвечал геополитическим интересам России, тем не менее, коммерческая ценность этой сделки, в первую очередь для Газпрома, была весьма высока. Это во многом объясняет весьма спокойную реакцию руководства России и российских пограничников на факт появления в 1995 году на туркменско-афганской границе, в зоне их ответственности, бойцов радикального исламского движения Талибан.

Весьма показателен в этом плане довольно эмоциональный аналитический материал, появившийся в сети Интернет на сайте Национальной службы новостей России под названием “Афганский узел” 10 октября 1996 года, вскоре после падения Кабула 26 сентября и встречи в Алматы 4 октября глав государств Центральной Азии и премьер-министра России Черномырдина. В нем отмечается тот факт, что Россия полагает себя обманутой в связи с захватом Кабула отрядами движения Талибан. Прежние договоренности относительно строительства газопровода из Туркменистана в Пакистан с участием Газпрома оказались аннулированы. Автор материала отмечает, что “вернувшись к проекту строительства газопровода из Туркменистана через Афганистан в Пакистан, стоит добавить, что еще до августа (1996 года - прим. авт.) предполагалось участие в нем российского “Газпрома” с долей в 45% при участии американской “Юнокал” с долей до 40%. Как сообщила Би-Би-Си, с “Юнокал” договор уже заключен, но началу работы препятствовала нестабильность в Афганистане, и потому приходилось идти на сотрудничество с Газпромом. Теперь же, после штурма Кабула, упоминание Газпрома из проектов трубопровода “ИСЧЕЗЛО ВООБЩЕ”/27. У российской стороны были все основания полагать, что планы строительства газопровода из Туркменистана в Пакистан через афганскую территорию, без участия российской компании Газпром, противоречат геополитическим интересам России в регионе.

Захват Кабула отрядами движения Талибан привел к консолидации интересов ННГ Центральной Азии и России вокруг идеи неизменности сложившейся региональной системы безопасности. Межгосударственные противоречия, вполне естественные в ходе формирования интересов и приоритетов новых независимых государств, отошли на второй план, перед появившейся угрозой стабильности всей системы безопасности стран Центральной Азии. Встреча в Алматы 4 октября 1996 года реально дала импульс созданию единой антиталибской коалиции в Северном Афганистане, которая рассматривалась в качестве буфера, ограничивающего ННГ Центральной Азии от нежелательного влияния извне, в качестве главного условия стабильности системы безопасности.

Для создания эффективной антиталибской коалиции в октябре 1996 года необходимо было решить главный вопрос - вступление в ее состав группировки афганских узбеков Джумбиш и-Милли (Народное исламское движение Афганистана, НИДА) под руководством генерала Абдул Рашида Дустума. Дустум контролировал 6 северных провинций Афганистана, единственный крупный город Мазари-Шариф, где сохранились элементы проведенной в стране модернизации и располагал хорошо обученной и вооруженной армией.

Необходимо отметить, что для Дустума и общины афганских узбеков в целом вопрос о поддержке антиталибской коалиции не стоял настолько остро, как это представлялось в столицах ННГ Центральной Азии. До осени 1996 года Дустум не участвовал в боях с талибами и, тем самым, сохранял возможность для соглашения с ними, например, на условиях предоставления ему широкой автономии. Дустум не мог не понимать, что война против талибов, контролирующих три четверти страны, потребует от его армии и от афганских узбеков в целом значительных жертв без какой-либо гарантии на победу. При этом перспектива союза с давними противниками Хекматиаром и Раббани по гражданской войне в Афганистане не могла вызвать энтузиазма у Дустума.

Осенью 1996 года все отдавали себе отчет в том, что регулярная армия Дустума может решить исход войны между движением Талибан и его оппонентами. Так, как это однажды произошло весной 1992 года, когда перед лицом неминуемого поражения 53 узбекская дивизия армии Наджибуллы под командованием генерала Дустума сменила фронт, тем самым, решив судьбу коммунистического режима в Кабуле.

После взятия талибами Кабула в октябре 1996 года, Дустум уже не мог быть сторонним наблюдателем разворачивающихся на территории Афганистана событий. Главная проблема для Дустума заключалась в необходимости сделать выбор. В том же российском источнике из Национальной службы новостей отмечалось, что “уже в первых числах октября (1996 года - прим. авт.) Дустум имел телефонные разговоры с министрами иностранных дел Турции и Пакистана Тансу Чиллер и Сардаром Асифом Али, а также заведующим афганским сектором госдепартамента США Рубеном Рафаилом. Все они призвали генерала признать правительство талибов. Чиллер предложила провести в Анкаре встречу между Дустумом и представителями Талибан и обсудить с Дустумом вопросы участия в будущем правительстве. Одновременно МИД Пакистана сообщил, что его страна выступит в роли посредника между Дустумом и талибами”/28

Союз Дустума с движением Талибан сразу решил бы все проблемы пакистанской внешней политики в отношении открытия транспортных коридоров в регион Центральной Азии. Союз пуштунов на юге с афганскими узбеками на севере позволил бы получить признание легитимности правительства Талибан в глазах мирового сообщества. Поэтому позиция Дустума имела принципиальное значение для Исламабада. В начале октября 1996 года было хорошо заметно, что Дустум колеблется.

Решающее влияние на итоговое решение генерала Дустума поддержать усилия антиталибской коалиции наверняка сыграли те обязательства, которые могли быть даны ему со стороны ННГ Центральной Азии и России. Участие в исторической встрече 4 октября 1996 года в Алматы президента Узбекистана Каримова это лишний раз подтверждает. У официального Ташкента не могло не быть инструментов влияния на позиции генерала Дустума.

В результате стало возможным сформировать антиталибский альянс из многочисленных оппозиционных движению Талибан афганских военно-политических группировок. В октябре 1996 года на севере был организован Высший Совет обороны, председателем которого стал лидер Джумбиш и-Милли генерал Дустум. В ноябре “президент” Афганистана Раббани объявил генерала Дустума вице-президентом страны с правом назначать министров и чиновников министерства обороны и министерства иностранных дел/29.

Поддержка Дустумом и узбекской общиной антиталибской коалиции привела к активизации ее вооруженных формирований. Ахмад Шах Масуд при поддержке отрядов

Хекматиара перешел в наступление из Панджшерского ущелья в направлении на Кабул. Однако войска Масуда были остановлены на северных подступах к столице Афганистана, где в октябре-ноябре 1996 года продолжались позиционные бои. Было ясно, что без поддержки армии Дустума отряды Масуда и Хекматиара не смогут взять Кабул.

В то же время, ни узбеки Дустума, ни шииты-хазарейцы из партии Хезбе и-Вахдат, активного участия в штурме столицы так и не приняли. Внутренние противоречия среди членов вновь образованной коалиции оказались сильнее стремления к победе над общим врагом - талибами. В принципе в тот момент регулярная армия генерала Дустума могла бы помочь отрядам Масуда разбить талибов и занять Кабул. Однако это бы означало усиление значения группировки Раббани-Масуда, а, следовательно, и объективное ослабление влияния Дустума на ход событий. Контроль над Кабулом "правительства Афганистана" под руководством Раббани, в котором министром обороны являлся Ахмад Шах Масуд, реально отодвигал только что сформированный оппозиционный Высший Совет обороны, возглавляемый Дустумом, на второй план.

Кроме того, взять Кабул было бы проще, чем его потом удерживать. Особенно, если учесть, что за годы войны большинство полевых командиров пришли к осознанию себя в первую очередь в качестве региональных лидеров. Контроль над отдельными провинциями и городами является основой их политического влияния в раздробленной стране. С этой точки зрения, попытки Масуда взять Кабул отражают его стремление вернуть утраченные позиции. Поэтому раз за разом при любом благоприятном стечении обстоятельств отряды Масуда предпринимают атаки на афганскую столицу.

Основой же политической власти генерала Дустума являлись 6 северных афганских провинций. Южная граница интересов Дустума проходила по перевалу Саланг, отделяющему Северный Афганистан от остальной части страны. Война за Кабул означала как для Дустума, так и для других североафганских политических группировок национальных и религиозных меньшинств, участие в борьбе на чужой территории, что не только не могло принести прямых дивидендов, но и грозило ослаблением позиций в контролируемых ими регионах. Так или иначе, Дустум осенью 1996 года так и не перешел южной границы своего влияния, перевала Саланг. А одних усилий армии Масуда не хватило для успешного штурма столицы Афганистана. В итоге, после первых успехов Масуду, поздней осенью 1996 года пришлось под давлением талибов снова отступить в Панджшерское ущелье.

В этой связи весьма символично выглядит решение Дустума взорвать в январе 1997 года тоннель на перевале Саланг. Тем самым, Дустум обозначил южную границу своего влияния и, одновременно, сделал заявку на приоритет стратегической обороны северных территорий.

Традиционно основные военные действия на территории Афганистана ведутся в период с ранней весны до поздней осени, когда открыты горные перевалы. Соответственно, очередная активизация боевых действий произошла ранней весной 1997 года в Западном Афганистане, где отряды движения Талибан могли пройти в северные провинции, контролируемые Высшим Советом обороны (антиталибским альянсом), минуя горную гряду Гиндукуш, отделяющую Юг Афганистана от его Севера. Основные перевалы на Гиндукуше, Саланг и Шибар, были в этот момент блокированы соответственно, отрядами генерала Дустума и шиитов-хазарейцев Халили.

Западная провинция Бадгис, где ранней весной 1997 года шли основные боевые действия, входила в зону ответственности генерала Дустума. Вместе с его войсками в провинции

действовали отряды бывшего губернатора Герата Исмаил-хана/30. Весьма символично, что главные бои развернулись вокруг г. Калайи-Нау, административного центра провинции Бадгис. Наблюдатели отмечают, что “усиление боевых действий объясняется тем, что через Бадгис открывается прямой путь на Герат, важный в стратегическом отношении город, расположенный недалеко от иранской границы. В свою очередь, через Герат проходит шоссе на Кандагар, где расположена штаб-квартира движения “Талибан””/31. С другой стороны, провинция Бадгис имела ключевое значение для движения Талибан. Только из этой провинции был возможен прямой доступ в районы, контролируемые генералом Дустумом. Соответственно, весной 1996 года в провинции Бадгис шли позиционные бои за тактическое преимущество, в которых ни одна из сторон не могла добиться серьезного преимущества.

В то же время, сам факт активизации формирований генерала Дустума в союзе с отрядами Исмаил-хана на стратегически важном направлении на Герат делал невозможным начало строительства стратегически важного газопровода из Туркменистана в Пакистан. Если Дустум старался, в первую очередь обеспечить безопасность районов, находящихся под его контролем, то того же нельзя было утверждать в отношении Исмаил-хана.

Бывший губернатор Герата являлся членом партии Исламское общество Афганистана Раббани и поддерживал тесные отношения с Ираном и в годы войны против советского присутствия, и в бытность губернатором Герата, и после изгнания его из этого города талибами. Присутствие Исмаил-хана в отрядах Дустума подтверждало его стремление вернуть Герат и, тем самым, установить прямое территориальное сообщение антиталибского альянса с Ираном. В этом случае все проекты открытия транспортных коридоров в регион Центральной Азии были бы обречены на провал.

Естественно, что такая перспектива, во многом явившаяся результатом координации усилий ННГ Центральной Азии, России и Ирана по сохранению изоляции зоны афганского конфликта, не могла устроить в первую очередь Пакистан. Позиционные бои талибов с формированиями Дустума и Исмаил-хана на западе Афганистана, наступление отрядов Ахмад Шах Масуда на востоке страны, в провинциях Нангархар, Кунар и Лагман/32, а также блокада антиталибским альянсом перевалов Саланг и Шибар через горный массив Гиндукуш, не оставляли шансов на завершение афганского конфликта в ближайшей перспективе.

В то же время, несмотря на размах вооруженного противостояния в Афганистане, продолжались переговоры о строительстве газопровода из Туркменистана в Пакистан.

Об этом лишний раз свидетельствуют итоги визита президента Туркменистана Ниязова в Индию в феврале 1997 года. По словам министра иностранных дел Туркменистана Бориса Шихмурадова “особое внимание на переговорах Ниязова и Деве Говды (премьер-министра Индии - прим. авт.) уделялось вопросу о возможностях транспортировки туркменского газа через территорию Афганистана в Пакистан и далее, возможно, в Индию. Проект строительства такого газопровода разрабатывается международным консорциумом во главе с американской корпорацией “Юнокал”. Сейчас уже согласованы все организационные и технические вопросы, связанные с реализацией этого проекта. Перспективы строительства газопровода нашли понимание на государственном уровне, и в ближайшее время ожидаются конкретные шаги в этом направлении от Пакистана, афганской стороны и Индии”/33. В высказывании туркменского министра иностранных дел в феврале 1997 года предельно открыто было указано, что соглашение на “государственном уровне” предполагает принятие соответствующих мер для устранения

препятствий для начала строительства стратегически важного газопровода из Туркменистана в Пакистан.

Противостояние между движением Талибан и антиталибской коалицией в Афганистане приняло затяжной характер. Поэтому только неординарные меры могли бы радикально изменить ситуацию в стране. Похоже, что такой неординарный ход и был связан с неожиданным мятежом генерала Абдул Малика в мае 1997 года.

2.6. Двойной мятеж узбекского генерала Малика в мае 1997 года и перспективы стабильности Северного антиталибского альянса

Неустойчивое стратегическое равновесие, в котором находились позиции противостоящих друг другу формирований движения Талибан и Северного оппозиционного альянса весной 1997 года, было нарушено вследствие двойного мятежа одного из лидеров североафганской узбекской общины генерала Абдул Малика.

24 мая 1997 года генерал Абдул Малик, командующий узбекскими формированиями движения НИДА в провинции Фарьяб, поднял восстание против генерала Абдул Рашида Дустума, лидера движения НИДА и узбекской общины Северного Афганистана. Войска Малика открыли талибам западный фронт в провинциях Бадгис и Фарьяб, вынудив к капитуляции формирования, верные генералу Дустуму. Поддержку генералу Малику оказали отряды движения НИДА, контролирующие стратегически важный перевал Саланг. Это сделало возможным переброску через Саланг в город Мазари-Шариф крупного формирования талибов численностью до 3 тысяч бойцов во главе с командующим северным фронтом движения Талибан Муллою Абдул Резаком и министром иностранных дел в правительстве талибов Муллою Гоусом. Генерал Дустум вынужден был бежать из страны через территорию Узбекистана в Турцию.

Падение режима генерала Дустума на севере Афганистана в результате мятежа генерала Малика фактически поставило под сомнение существование антиталибской коалиции, созданной осенью 1996 года после захвата отрядами движения Талибан столицы страны Кабула. Вооруженные формирования Дустума и его союзников занимали ключевое место в составе антиталибского альянса, объединившего практически все афганские политические организации. Узбекская милиция Дустума контролировала 6 северных провинций Афганистана. К тому же, в Афганистане только формирования Дустума обладали признаками регулярной армии. Столица Дустума, город Мазари-Шариф, с момента падения режима Наджибуллы в 1992 году во многом стал выполнять функции светской столицы Афганистана вместо раздираемого гражданской войной Кабула. Здесь размещались все основные дипломатические миссии, представительства международных организаций, концентрировались представители военной и интеллектуальной элиты бывшей Демократической Республики Афганистан.

Армия Дустума располагала авиацией, тяжелыми вооружениями, значительными материальными ресурсами и военной инфраструктурой, оставшимися в наследство от советской армии. Немаловажно было и то, что, начиная с 1993 года, войска Дустума практически не участвовали в боях вокруг столицы страны Кабула. Значит, сохранили в неприкосновенности весь свой военный потенциал. Генеральный консул Турции Мехмет Самсар, базирующийся в Мазари-Шарифе, где находилась штаб-квартира Дустума, полагал, что войска Дустума насчитывали до 60 тыс. человек. На вооружении у них, по его словам, имелись танки, боевые вертолеты, артиллерия, 23 боевых самолета и 27 ракет

типа “Скад”/34. Без сомнения, группировка Дустума была самой мощной в военном отношении в составе антиталибской коалиции.

Обстоятельства, которые привели к переходу узбекской общины на сторону движения Талибан, только подчеркивают искусственный характер и неустойчивость созданной осенью 1996 года антиталибской коалиции. Коалиция, получившая название Высший Совет обороны, объединила практически все оставшиеся афганские военно-политические организации. В ее состав весной 1997 года, кроме узбеков Дустума, входили таджикские формирования Раббани/Масуда, шииты-хазарейцы из Хезбе и-Вахдат, пуштунские политические организации бывшего Пешаварского альянса Г. Хекматиара, Халеса, Моджадеди, Наби, Сайяфа, формирования религиозного движения исмаилитов и даже бывший губернатор Герата Исмаил-хан. Этот союз был поддержан Ираном, Россией, Узбекистаном. Такая пестрая по своему составу коалиция, объединившая давних соперников, не один раз участвовавших в ходе гражданской войны в Афганистане в боях друг с другом, должна была продемонстрировать возможность урегулирования афганского конфликта на основе учета интересов всех военно-политических группировок, разумеется, с участием движения Талибан.

Тем не менее, призывы к созданию коалиционного правительства в своей основе реально отражали намерение ННГ Центральной Азии, России и Ирана сохранить режим изоляции зоны афганского конфликта и ННГ Центральной Азии с помощью сохранения буфера в лице полуавтономных псевдогосударственных объединений Северного Афганистана. Ключевым звеном в этом должна была стать узбекская община во главе с генералом Дустумом. Признание мощи политической организации Дустума выразилось в его избрании лидером Высшего Совета Обороны Афганистана, объединившего руководителей всех политических организаций антиталибского альянса.

В то же время, узбекская милиция Дустума не принимала активного участия в боевых операциях против талибов в период с осени 1996 года, момента захвата талибами Кабула, до мая 1997 года, мятежа генерала Малика. Хотя от Дустума ожидали использования всей мощи его свежих формирований для окончательного разгрома талибов и возврата Кабула, армия Дустума, тем не менее, не приняла участия в осеннем наступлении 1996 года отрядов Ахмад Шах Масуда и Хекматиара на столицу Афганистана, ограничиваясь обороной перевала Саланг и западной провинцией Бадгис.

Дустум имел все основания не доверять своим новым союзникам и тем более он не собирался оказывать им помощь в возврате Кабула, что радикально поменяло бы соотношение сил в рамках Северной антиталибской коалиции. Признание лидерства Дустума в Высшем Совете обороны со стороны Хекматиара, Раббани, других оппозиционных деятелей, было вынужденным. Для борьбы с талибами требовалась регулярная армия Дустума. Однако Дустум предпочел сохранить свою армию. Это во многом предопределило неудачу штурма Кабула, предпринятого антиталибской коалицией осенью 1996 года, сразу после встречи глав государств СНГ, членов Договора о коллективной безопасности, в Алматы в октябре 1996 года, последовавшей за взятием Кабула отрядами движения Талибан.

Ахмад Шах Масуд был вынужден отвести свои отряды в Панджшерское ущелье. Для того, чтобы остановить дальнейшее продвижение талибов, формирования Дустума в январе 1997 года взорвали туннель через перевал Саланг, практически полностью изолировав Север Афганистана. Весной 1997 года, после традиционного зимнего затишья, активные военные действия в Афганистане шли на Западе страны, в провинции Бадгис, где существовал единственный удобный доступ на географически изолированный Север

Афганистана. Бои носили ярко выраженный позиционный характер без явного преимущества какой-либо из сторон вплоть до мятежа генерала Малика в конце мая 1997 года.

Мятеж генерала Малика был поддержан большинством узбекских полевых командиров. Необходимость сохранения позиций узбекской общины в условиях гражданской войны в Афганистане требовала единства усилий узбекского сообщества при любых изменениях политической конъюнктуры. После переворота генерал Малик автоматически занял позиции лидера движения НИДА и заручился формальной лояльностью со стороны узбекской общины Афганистана. Соответственно, получил контроль над всем военным и политическим потенциалом, накопленным афганскими узбеками под руководством генерала Дустума за годы войны в Афганистане.

Для Афганистана, переход узбекской общины на сторону движения Талибан не выглядел чем-то необычным. В условиях гражданской войны в Афганистане смена фронта была нормальным явлением. Можно вспомнить мятеж самого генерала Дустума против президента Афганистана Наджибуллы в 1992 году. Главный приоритет в условиях гражданской войны заключался в отстаивании интересов той или иной общины или политической группировки в данных, конкретных условиях. Присоединение к движению Талибан, самой сильной в политическом и военном смысле организации в Афганистане, представляющей интересы крупного национального узбекского меньшинства, реально означало на тот момент крах единого фронта антиталибской коалиции.

Судя по развитию событий в мае 1997 года, мятеж генерала Малика планировался заранее. По крайней мере, через день после переворота, 25 мая, о признании движения Талибан немедленно объявил Пакистан. Значит, в Исламабаде, несомненно, знали о готовящемся перевороте. Вялотекущая позиционная война, проходившая весной 1997 года в провинции Бадгис и в горном Хазарджате, могла продолжаться еще очень долго, соответственно, затягивая по времени открытие транспортных коридоров между Пакистаном и Центральной Азией.

Для Исламабада крайне необходимо было радикальное и быстрое решение афганской проблемы. Причем, для Пакистана были в принципе приемлемы любые условия такого решения, включая и возможность мирного урегулирования с участием всех заинтересованных сторон. Однако в условиях нежелания России, Ирана и ННГ Центральной Азии отказаться от буферного объединения в Северном Афганистане в целях сохранения изоляции зоны афганского конфликта, Исламабад был склонен использовать и силовые возможности движения Талибан. Хотя еще 10 апреля 1997 года министр иностранных дел Пакистана Гохар Айюб Хан заявлял, что Пакистан не планирует немедленного признания правительства талибов, предпочитая урегулировать афганскую проблему путем переговоров и создания афганского правительства на широкой основе. При этом министр иностранных дел Пакистана подчеркнул, что “подлинное решение афганской проблемы крайне необходимо для нас, так как торговля со странами Центральной Азии остается заблокированной. Установление мира в Афганистане позволит приступить к строительству дорог, нефте- и газопроводов между Туркменистаном и Пакистаном через афганскую территорию”/35.

Однако, уже через полтора месяца 25 мая Пакистан официально признал движение Талибан в качестве правительства Афганистана. Через некоторое время к Пакистану присоединились Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. Немедленное признание Саудовской Аравией движения Талибан нельзя объяснить только участием саудовской компании “Дельта ойл” в совместном с “Юнокал” проекте строительства

газопровода из Туркменистана в Пакистан. Роль Саудовской Аравии в регионе всегда была высока. Не случайно, в конце апреля, за месяц до мятежа генерала Малика, Председатель Временного правящего совета талибов Мохаммад Раббани встречался в Саудовской Аравии с королем Фахдом.

Исполняющий обязанности министра информации движения Талибан Амир Хан Муттаки заявил по этому поводу на пресс-конференции в Кабуле, что “Саудовская Аравия в соответствии с общей линией международного сообщества еще формально не признала “Талибан” в качестве законного правительства Афганистана. Однако мы уверены, что состоявшиеся переговоры двух лидеров будут способствовать дальнейшему укреплению отношений между Саудовской Аравией и Афганистаном”/36. Фактически это заявление означает, что мятеж генерала Малика как раз и дал формальный повод, достаточный для признания Эр-Риядом законности правительства Талибан.

Казалось, что афганский конфликт в результате мятежа генерала Малика практически закончился и главная геополитическая задача пакистанской внешней политики - открытие транспортных коридоров по линии Север-Юг из Пакистана в Центральную Азию выполнена. Можно только предполагать о гарантиях и обязательствах, данных генералу Малику в связи с переходом узбекской общины Афганистана на сторону движения Талибан.

Между тем, столь быстрый отказ всей узбекской общины от поддержки многолетнего лидера генерала Дустума, подчеркивает усталость афганских узбеков от продолжающейся долгие годы войны в Афганистане и опасения репрессий со стороны возможных победителей талибов в случае поражения антиталибского альянса. Надо иметь в виду, что районы, контролируемые узбекской милицией на Севере Афганистана, остались к 1997 году единственными, где еще сохранились достижения модернизации жизнедеятельности афганского общества, почти полностью разрушенные на остальной территории Афганистана. Соответственно, распространение военных действий на территорию Севера Афганистана представлялось лидерам узбекской общины более опасным, нежели установление союзнических отношений с движением Талибан.

Североафганское узбекское “псевдогосударственное” объединение, возглавляемое генералом Дустумом, выполняло многие государственные функции, которые не могли быть реализованы в разрушенном войной Кабуле, особенно после прихода к власти приверженцев “чистого ислама” из движения Талибан. В Мазари-Шарифе находились большинство дипломатических представительств, действующих на территории Афганистана, располагались представители военной и политической элиты бывшего коммунистического режима в Кабуле, были сохранены основные объекты инфраструктуры, существовала регулярная армия, имевшая на вооружении танки, тяжелые вооружения и авиацию. Объединение усилий двух наиболее организованных афганских политических группировок, движения Талибан и общины афганских узбеков, реально могло на тот момент обеспечить восстановление целостности афганского государства.

В результате мятежа было нарушено существовавшее до этого момента шаткое военное равновесие между отрядами движения Талибан и войсками антиталибской коалиции (Высшего Совета обороны Афганистана), лидером которой был узбекский генерал Дустум, на севере страны. Движение Талибан стремилось как можно быстрее воспользоваться полученными преимуществами. Экспедиционный отряд талибов появился в Мазари-Шарифе сразу после мятежа Малика. Причем, характерно, что талибы не рассматривали поход на Север в качестве чисто военной операции. Это подтверждает

широкое присутствие в составе экспедиционного отряда высокопоставленных чиновников движения Талибан, включая министра иностранных дел Муллу Гоуса, руководителя Центрального банка, группы гражданских министров.

Присутствие министра иностранных дел в военном отряде, вступившем на еще недавно враждебную территорию, могло означать готовность талибов установить контакты с руководством ННГ Центральной Азии на самом высоком уровне. В связи с выходом талибов на узбекско-афганскую границу, такая возможность могла понадобиться. По крайней мере, в планы Исламабада, который стоит за многими военными акциями движения Талибан, вполне очевидно не входило портить отношения с ННГ Центральной Азии и, тем более, не было стремления способствовать дестабилизации положения в центральноазиатских государствах. Известно, что главный приоритет Исламабада в его центральноазиатской политике заключается в открытии транспортных коридоров между Центральной Азией и Пакистаном.

Быстрый успех талибов и установление ими полного контроля над почти всей территорией Афганистана в результате первого мятежа генерала Малика против Дустума, выглядели весьма радикальным решением афганской проблемы. Победа талибов реально приводила к завершению многолетнего афганского конфликта. Фактически сразу движение Талибан было признано в качестве законного правительства Афганистана Пакистаном, Саудовской Аравией и ОАЭ. Не скрывали своей заинтересованности в подобном развитии событий и США. В Вашингтоне госдепартамент даже попал в неудобную ситуацию, поставив вопрос о том, чей флаг должен развиваться над зданием посольства Афганистана, движения Талибан или “правительства” Раббани.

С точки зрения стран, признавших движение Талибан после мятежа генерала Малика, а также США, Турции и некоторых других, окончательная победа талибов решала сразу несколько взаимосвязанных задач - в Афганистане появлялось, наконец, единое реальное правительство, которое обеспечивало контроль над почти всей территорией и с которым можно было вести диалог о гарантиях безопасности, например, газопровода из Туркменистана в Пакистан; фактически завершалась многолетняя война в Афганистане; появлялась возможность в перспективе установить контроль над незаконным оборотом наркотиков, что было невозможно в воюющей стране. К тому же открывалась возможность восстановления прежних и прокладки новых транспортных коридоров к стратегически важному Центральноазиатскому региону. При этом ННГ Центральной Азии избегали угрозы появления масс афганских беженцев на своей территории.

В то же время, все возможные преимущества завершения войны в Афганистане, которые были очевидны для Пакистана, Саудовской Аравии, ОАЭ и ряда западных стран, совершенно не убеждали ННГ Центральной Азии, Иран и Россию. Открытие новых транспортных коридоров на юг из стратегически региона Центральной Азии противоречило интересам Ирана и России. Конкурентная борьба за контроль над транспортными коммуникациями региона Центральной Азии объективно делала Москву и Тегеран союзниками в противодействии интересам Запада.

Наиболее отчетливо геополитические интересы Запада выражались в проектах строительства нефтепроводов по транскавказскому маршруту через Азербайджан, Грузию, Турцию, а также через газопровод через территорию Афганистана. Если подходить к проблеме максимально объективно, прекращение войны в Афганистане в принципе отвечало интересам ННГ Центральной Азии. В то же время, при всей привлекательности расширения количества вариантов транспортировки природного сырья на мировые рынки и преодоления географической изоляции Центральной Азии, для

политических элит ННГ более актуальным было сохранение системной целостности региона на основе достигнутого в советские времена уровня модернизации. Что, в первую очередь, подразумевало сохранение изоляции зоны афганского конфликта и территорий ННГ Центральной Азии.

Для ННГ Центральной Азии в результате первого мятежа генерала Малика возникла дилемма, что выгоднее для стабильности системы безопасности Центральной Азии? С одной стороны, наблюдалась перспектива создания единого афганского правительства, основанного на компромиссе интересов этнических пуштунов, возглавляемых движением сторонников “чистого ислама” Талибан, и этнических узбеков, все годы войны в Афганистане контролирующими большинство пограничных с ННГ Центральной Азии афганских провинций. С другой - существовала возможность давления на системную целостность ННГ Центральной Азии со стороны радикально настроенного движения Талибан.

Первый мятеж узбекских формирований генерала Малика разрушил основной фактор обеспечения безопасности региона Центральной Азии - изоляция зоны афганского конфликта путем сохранения буфера, ограждающего ННГ Центральной Азии от влияния извне. После потери Мазари-Шарифа и выхода талибов к узбекской границе, в Афганистане осталось бы только два изолированных очага сопротивления - в горном Хазарджате, где защищались отряды шиитов-хазарейцев, а также в Панджшерском ущелье и в провинциях, прилегающих к Таджикистану - опорных пунктах таджиков Ахмад Шах Масуда. Естественно, что без устойчивых коммуникаций с внешним миром и без поддержки узбекской общины, эти два анклава со временем были обречены на поражение. Соответственно, вставал вопрос о необходимости и возможности для ННГ Центральной Азии дальнейшей поддержки ослабленного до такой степени в результате мятежа генерала Малика буферного объединения в Северном Афганистане.

На первый взгляд причиной поражения талибов на третий день после их появления в Мазари-Шарифе явилось активное насаждение исламских порядков и ожесточенное сопротивление местного населения преимущественно в шиитских районах города, что способствовало внезапному переходу узбеков Малика на сторону антиталибской коалиции. Однако, “внезапное прозрение” генерала Малика и поддерживающих его узбеков относительно исламских порядков, насаждаемых движением Талибан, маловероятно.

За три года правления талибов в Афганистане их устремления и законы были хорошо известны большинству афганцев. Узбеки Малика наверняка хорошо представляли себе, с кем они имеют дело. К тому же, талибы были готовы и на сохранение каких-то прав за узбекской милицией. На пресс-конференции после переговоров с Маликом министр иностранных дел Талибана Мулла Гоус заявлял о создании совместных с узбеками сил безопасности. Судьба же шиитов в Мазари-Шарифе не могла всерьез обеспокоить узбекских лидеров. Скорее всего, столь радикальное изменение фронта узбеками во второй раз в течение нескольких дней было связано с серьезным давлением и одновременно предоставлением определенных гарантий со стороны Узбекистана, России и Ирана.

Иран, Россия, в меньшей мере, Узбекистан все вместе или каждый по отдельности оказались не готовы в мае 1997 года принять окончательную победу движения Талибан в Афганистане. Причем, Иран и Россия, в общем, придерживались одинаковой точки зрения, как на ход конфликта в Афганистане, так и на общую геополитическую ситуацию в регионе Центральной Азии.

Мятеж Малика оказался достаточно неожиданным для Москвы и Тегерана. Переход этнических узбеков на сторону движения Талибан означал резкое ухудшение позиций проиранской партии Хезбе и-Вахдат и таджикского Исламского общества Афганистана Раббани/Масуда, поддерживающих тесные связи с Россией. Установив контроль над северными провинциями Афганистана, где доминировала узбекская милиция, талибы могли бы установить блокаду и шиитов-хазарейцев из Хезбе и-Вахдат в горном Хазарджате и таджиков Ахмад Шах Масуда в Панджшерской долине и на подступах к Кабулу.

Антиталибская коалиция потеряла бы основные коммуникационные линии для снабжения оружием, боеприпасами и продовольствием и должна была воевать на Севере Афганистана с организованными и обученными узбекскими формированиями. В то же время, Москва и Тегеран не собирались отказываться от политики поддержки антиталибского альянса и, следовательно, должны были предпринять серьезные меры для нейтрализации негативного влияния перехода узбекских формирований на сторону движения Талибан.

В более сложном положении оказался официальный Ташкент. С одной стороны, мятеж генерала Малика сохранял особые позиции узбекской общины Северного Афганистана в качестве союзника самой влиятельной политической силы в стране движения Талибан. С другой, перспективы установления власти радикального движения сторонников “чистого ислама” вблизи границ Узбекистана несли прямую угрозу дестабилизации ситуации внутри этой центрально-азиатской страны. Пример соседнего Туркменистана, границы которого с Афганистаном талибы контролировали с 1994 года, не мог быть убедительным для официального Ташкента.

Возможные геополитические плюсы завершения войны в Афганистане и открытия транспортных коридоров в южном направлении, очевидно, не могли в представлении Ташкента перевесить вполне реальные минусы появления радикально настроенных сторонников “чистого ислама” из движения Талибан у границ Узбекистана. Ташкент предпочел придерживаться устоявшейся линии на поддержание режима изоляции зоны афганского конфликта и сохранения буфера в Северном Афганистане. В этой связи, несомненно, только жесткая позиция Узбекистана и прямое давление со стороны Ташкента могли столь радикально изменить позиции генерала Малика и узбекской общины Северного Афганистана спустя всего три дня после первого мятежа против генерала Дустума.

Можно только предполагать, каковы были масштабы этого давления и предоставленных Малику гарантий, однако, результат налицо. 25 мая, в воскресенье, талибы вошли в Мазари-Шариф. Во вторник, 27 мая они провели закрытые переговоры с генералом Маликом. Во второй половине этого же дня министр иностранных дел движения Талибан Мулла Гоус на пресс-конференции заявил о том, что рассматривается вопрос о создании совместных с узбекской милицией сил безопасности. К вечеру 27 мая в Мазари-Шарифе вспыхнули боевые действия, в ходе которых узбекские формирования Малика вместе с шиитами-хазарейцами атаковали талибов/[37](#).

Совместными усилиями узбекской милиции и шиитов-хазарейцев 27-28 мая группировка талибов в Мазари-Шарифе была полностью разгромлена. Главное командование движения Талибан немедленно направило на Север из Кабула новый экспедиционный отряд, численностью в 3000 бойцов, который, однако, был заблокирован за перевалом Саланг отрядами Ахмад Шах Масуда. Сразу после второго мятежа генерала Малика таджикские отряды Масуда перешли в наступление на позиции талибов из

Панджшерского ущелья и захватили два ключевых города на стратегически важной дороге из Кабула в Мазари-Шариф. Кроме того, несколько высокопоставленных руководителей движения Талибан попали в плен. Это министр иностранных дел Мулла Гоус, министр гражданской авиации Моулави Ахтер Мохаммад Мансур, командующий войсками Талибан на севере Мулла Абдул Раззак, а также директор Национального банка. Всего в результате разгрома в Мазари-Шарифе в плен попало до 2000 бойцов движения Талибан.

По позициям движения Талибан в ходе событий в Мазари-Шарифе был нанесен весьма чувствительный удар. Талибы понесли большие потери в людях, боевой технике, в плен попало несколько влиятельных руководителей движения Талибан. В ходе гражданской войны в Афганистане после падения режима Наджибуллы в 1992 году, практически не было столь масштабного поражения одного военно-политического объединения за столь короткий период времени. Последствия такого поражения оказались бы губительными для любой афганской военно-политической организации, кроме самого движения Талибан.

В то же время, несмотря на всю масштабность поражения талибов на севере страны, силам антиталибской коалиции не удалось добиться стратегического перелома в войне. Их положение объективно стало хуже, чем в ходе последнего наступления Ахмад Шах Масуда на Кабул осенью 1996 года, сразу после образования единой антиталибской коалиции на Севере страны. Летом 1997 года талибы уверенно контролировали положение на 3/4 территории Афганистана. Им удалось сохранить за собой стратегически важную провинцию Бадгис на западе от Мазари-Шарифа, где ранее проходила линия фронта, и которая попала в руки талибов в результате первого мятежа Малика. Новая линия фронта стала проходить между провинциями Бадгис и Фарьяб.

Главное же заключается в том, что хотя силы антиталибской коалиции и поддерживающие их Иран, Узбекистан и Россия одержали тактическую победу, но, почти наверняка, они потерпели стратегическое поражение. После второго мятежа генерала Малика, шансов на компромисс между пуштунами-талибами и национальными меньшинствами, узбеками, таджиками и хазарейцами осталось очень мало. На стороне талибов, кроме организационных преимуществ, теперь находится и пуштунская солидарность.

После событий в Мазари-Шарифе внутренние противоречия в пуштунских районах объективно отошли на второй план перед задачей реванша и идеей объединения Афганистана. Талибы могли рассчитывать на поддержку в пуштунских районах Афганистана. Нельзя также не учитывать и вполне возможное участие Пакистана, как в виде помощи оружием, так и с помощью военизированных пакистанских пуштунских формирований. Локальная попытка Исламабада добиться завершения войны в Афганистане потерпела неудачу. В то же время, геополитические задачи внешней политики Пакистана остались неизменными.

После известных майских событий коренного перелома в военных действиях на территории Афганистана все же не произошло. Военная активность проходила, так же как и осенью 1996 года, вокруг двух ключевых городов, занимающих стратегическое положение между перевалом Саланг и Кабулом, Джабаль-ус-Сирадж и Чарикар. В ходе наступления 20 июля 1997 года отрядами антиталибской коалиции были захвачены город Чарикар и авиабаза Баграм. Таким образом, повторилось очередное второе наступление на Кабул после его захвата талибами в сентябре прошлого года. Как известно, первое, проводившиеся таджикскими формированиями Ахмад Шах Масуда осенью 1996 года, закончилось неудачей.

Безусловно, последствия разгрома ударной группировки талибов в мае 1997 года на Севере страны в результате двойного мятежа узбекского генерала Малика сказались на боеспособности войск движения Талибан. Помимо нескольких тысяч солдат, убитых и попавших в плен в городе Мазари-Шариф, на севере оказалась блокирована после захвата таджиками Ахмад Шах Масуда перевала Саланг группировка в 3 тысячи боевиков-талибов, направленная на север сразу после разгрома основной группировки талибов в Мазари-Шарифе.

В условиях современного Афганистана потеря по разным причинам около 6 тысяч наиболее подготовленных солдат явилась бы катастрофой для любой военно-политической группировки, кроме движения Талибан. Помимо того, что в распоряжении талибов находятся людские и материальные ресурсы более чем двух третей собственно Афганистана, первые дни после поражения в Мазари-Шарифе показали, что талибы преимущественно рассчитывают на поддержку с территории Пакистана. По сообщениям из Исламабада все возрастающее количество добровольцев прибывало в мае-июне 1997 года из исламских школ Северо-западной провинции Пакистана для участия в боевых действиях на стороне талибов/[38](#). Именно отряды пакистанских добровольцев пуштунского происхождения и позволили талибам смягчить последствия сокрушительного майского поражения на севере страны. Даже последнее скоординированное наступление сил антиталибской коалиции на Чарикар не внесло изменений в стратегическую расстановку сил в афганском конфликте.

Однако главным результатом двойного мятежа в узбекской общине Северного Афганистана в мае 1997 года следует считать то, что война приобрела все более отчетливый этнический характер. Это лишний раз подтверждает расстрел почти 2 тысяч пленных талибов, захваченных отрядами Малика в ходе событий в Мазари-Шарифе.

Большинство наблюдателей отмечали все возрастающий этнический характер внутриафганского противостояния летом и осенью 1997 года. По сути дела, после событий в Мазари-Шарифе, талибы реально оказались во главе борьбы этнических пуштунов за восстановление гегемонии в традиционном афганском обществе против военно-политических группировок национальных и религиозных меньшинств и за восстановление целостности государства Афганистан. В то же время, талибы несли прямую угрозу власти традиционной пуштунской аристократии, поставив корпоративные интересы движения Талибан и в некоторой степени общепуштунские интересы, выше интересов традиционной пуштунской элиты. Во многом в связи с этим, сохранялась жесткая оппозиция со стороны влиятельных политиков, этнических пуштунов устремлениям движения Талибан.

Достаточно разрозненная антиталибская коалиция на севере Афганистана включала в себя помимо национальных и религиозных партий и движений, таких как Исламское общество Афганистана таджиков Раббани и Масуда, Партия исламского единства Афганистана хазарейцев Халили, движения узбеков сначала Дустума, затем Малика, организации исмаилитов, и значительное количество чисто пуштунских организаций. В первую очередь это были партии моджахедов, участвовавших в борьбе против советских войск под руководством традиционных пуштунских лидеров, среди которых были наиболее известны лидер Исламской партии Афганистана Гульбеддин Хекматиар, Сайаф, Халес, Гейлани и бывший президент Афганистана Моджадди. Кроме Хекматиара в годы войны с советскими войсками никто из них не обладал собственными значительными воинскими формированиями. В то же время их влияние в пуштунской среде было достаточно велико.

В период между сентябрем 1996 года, временем захвата талибами Кабула и маем 1997 года, ознаменовавшимся двойным мятежом узбекской милиции, большинство пуштунов, примкнувших к северной коалиции, придерживалось выжидательной тактики, стараясь не участвовать в активных боевых действиях талибов с отрядами религиозных и национальных меньшинств. Активные действия таджиков Масуда, хазарейцев Халили и узбеков Дустума на фронте позволяли полевым командирам (преимущественно пуштунам) в тыловых северных провинциях Кундуз, Талукан и Баглан сохранять высокую степень автономности на контролируемых ими территориях и избегать вовлеченности в активные боевые действия. В какой-то мере, на севере Афганистана продолжала существовать модель организации афганского общества, установившаяся после падения режима Наджибуллы в 1992 году и основанная на принципах существования множества автономных “полуфеодалных” владений.

Второй мятеж узбекского генерала Абдул Малика и разгром талибов в Мазари-Шарифе в конце мая 1997 года резко изменили обстановку на, до тех пор изолированном, севере страны. После захвата таджиками Масуда перевала Саланг, 31 мая отдельная группировка талибов, численностью до 3 тысяч человек, оказалась в окружении в северном городе Пули-Хумри/[39](#). Эта группировка должна была оказать поддержку талибам в Мазари-Шарифе и попытаться сохранить плацдарм для последующего наступления на север. Отрезанная от основных сил и баз снабжения на вражеской территории, в начале июня эта группа талибов должна была быть разгромлена в течение короткого времени превосходящими силами таджиков, узбеков и хазарейцев. Однако, вытеснив противника из Пули-Хумри, антиталибская коалиция не стала его преследовать на территории провинции Баглан, выразив надежду, что полевые командиры-пуштуны в этой провинции обеспечат разоружение отряда талибов.

Однако местные пуштуны фактически отказались участвовать в боевых действиях против талибов в провинции Баглан. Местный полевой командир из партии Хекматиара Хезбе-Ислами Башир Баглани, этнический пуштун по происхождению, был прямо обвинен представителями антиталибского альянса в поддержке талибов в контролируемой им провинции Баглан/[40](#). Экспедиционный отряд талибов беспрепятственно переместился из провинции Баглан далее на север в сторону провинций Кундуз и Талукан.

В течение июня 1997 года, к движению Талибан присоединились многие местные полевые командиры-пуштуны, преимущественно из партий Хекматиара, Халеса и Моджаддди. Это позволило изолированному отряду талибов не только удержаться в северных провинциях страны во враждебном окружении, но и частично установить контроль над провинциями Баглан, Кундуз и Талукан. В результате, под давлением талибов в союзе с отрядами части северных пуштунов свою временную столицу город Талукан в середине июня всего через две недели после разгрома талибов на севере, был вынужден покинуть даже “президент Афганистана” Раббани, который перенес свою резиденцию в город Мазари-Шариф. В конце июня на сторону движения Талибан перешел местный полевой командир этнический пуштун Ариф Хан, который передал северный город Кундуз и большую часть провинции под контроль экспедиционного корпуса талибов/[41](#).

В июне 1997 года пуштуны на севере Афганистана были поставлены перед необходимостью, делать выбор между солидарностью с талибами - этническими пуштунам, впервые появившимся на географически изолированном Севере Афганистана в результате двойного мятежа генерала Малика, и своими временными союзниками из военно-политических группировок национальных и религиозных меньшинств. Сравнительно небольшой отряд талибов, изолированный на севере Афганистана от основных сил движения Талибан, при поддержке местных пуштунов, смог открыть

“второй фронт” в тылу антиталибской коалиции. Таким образом, талибы в июне 1997 года получили стратегический плацдарм в северных провинциях Афганистана, что давало им возможность угрожать с тыла коммуникациям и основным базам сил антиталибского альянса. Ключевое значение для стабильности плацдарма талибов имел захват г. Кундуз, располагавшего аэропортом, что позволило движению Талибан установить связь со своей северной группировкой по воздуху.

Необходимо отметить, что в мае 1997 года Исламабад был полностью уверен в благоприятном для себя развитии событий в результате мятежа генерала Малика. В ином случае пакистанское руководство не пошло бы на дипломатическое признание талибов, которое, в случае сохранения позиций антиталибского альянса, было способно серьезно повлиять на отношения Исламабада с ННГ Центральной Азии и Россией.

В результате же драматических майских событий в Мазари-Шарифе, Пакистан оказался в некоторой изоляции в своем отношении к афганскому конфликту. Кроме Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов, никто в мире больше не признал движение Талибан. Соответственно, у Пакистана резко сузились возможности для политического маневра. Единственная возможность для Исламабада выйти из сложной ситуации заключалась в том, чтобы в конечном итоге убедить мировое сообщество признать движение Талибан в качестве законного правительства Афганистана и поддержать тем самым позицию Пакистана. Это могло произойти только в случае установления полного контроля талибов над всей территорией страны.

Летом 1997 года в моменты успешного наступления Ахмад Шах Масуда на Кабул казалось нереальным достичь этого в кратчайшие сроки. Поэтому для Исламабада более актуальной тактической задачей стала проблема восстановления отношений с ННГ Центральной Азии, Ираном и Россией, с тем, чтобы сгладить неблагоприятные последствия майских событий 1997 года.

Дипломатическая активность официального Исламабада после провала планов установления полного контроля движения Талибан над всем Афганистаном в мае 1997 года, была направлена на нейтрализацию неблагоприятных для Пакистана последствий этих событий в регионе. Объективно, Пакистан был не заинтересован в продолжении военного противостояния в Афганистане, которое в силу значительной вовлеченности Исламабада в поддержку движения Талибан могло втянуть его в масштабное региональное соперничество с блоком государств, имеющих влияние и интересы в регионе - Ираном, Россией и ННГ Центральной Азии, фактически поддерживающими североафганскую оппозицию. А это в свою очередь не давало возможности решить главную стратегическую задачу пакистанской внешней политики - открытие транспортных коридоров на север в регион Центральной Азии.

Наиболее решительную антиталибскую позицию занимал официальный Тегеран, объективно являющийся конкурентом Пакистана в борьбе за южное направление транспортных потоков из района Каспийского моря. Иран в начале июня 1997 года установил экономическую блокаду афганской границы, иранские официальные лица, в частности заместитель министра иностранных дел Алаеддин Бороджерди встречались на территории северных провинций Афганистана с лидером проиранской партии шиитов-хазарейцев Хезбе и-Вахдат Халили.

В Тегеране летом 1997 года была озвучена идея о возвращении в Афганистан беженцев, проживающих на территории Ирана (около 1.4 млн. человек). Беженцы должны вернуться на территории, находящиеся под контролем “правительства Афганистана” под

руководством президента Раббани/42. А так как у Ирана нет общей границы с провинциями, контролируемыми оппозицией, предполагалось осуществить переброску туда беженцев через территорию Туркменистана. Вполне очевидно было желание Тегерана усилить способность афганской оппозиции к сопротивлению, а также укрепить собственные позиции в этой стране. Без всякого сомнения, влияние Ирана на ситуацию в Афганистане сильно выросло после событий в Мазари-Шарифе, где основную роль в разгроме формирования движения Талибан сыграли отряды шиитов-хазарейцев, лояльных Тегерану.

Для Пакистана мнение Тегерана приобрело наиболее важное значение, в связи с неблагоприятным для Исламабада развитием ситуации после провала акции в Мазари-Шарифе.

В конце июня 1997 года Иран с неофициальным визитом посетил бывший президент Афганистана Сибгатулла Моджаддди, который направился с миссией мира по маршруту Пакистан - Иран - Север Афганистана. В Тегеране Моджаддди встречался с министром иностранных дел Ирана Али Акбаром Велаяти, где провел переговоры о прекращении огня в Афганистане и обмене пленными/43. Известно, что незадолго до этого Моджаддди перешел в ряды движения Талибан из Северного оппозиционного альянса. Поездка Моджаддди была попыткой выяснить позиции сторон и попытаться наладить отношения с Ираном и Северным оппозиционным альянсом. Бывший президент Афганистана олицетворял собой умеренного политика, представителя традиционной афганской элиты пуштунского происхождения, поддержавшей усилия движения Талибан по наведению порядка в разоренном войной Афганистане.

В начале июля, через несколько дней после визита Моджаддди, в Иран был высажен представительный дипломатический десант в составе премьер-министра Пакистана Наваз Шарифа и министра иностранных дел Гохар Айюб Хана. Наверняка, в Тегеране представительная пакистанская делегация обсуждала выдвинутый в июне Исламабадом план по урегулированию ситуации в Афганистане. Пакистан предлагал провести в Исламабаде конференцию с участием пяти соседних с Афганистаном стран, Ираном, Пакистаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Таджикистаном, при участии США и России под эгидой ООН.

В ходе переговоров в Тегеране стороны не пришли к какому-либо конкретному соглашению. Иран не дал четкого ответа на предложение Пакистана о проведении межафганского диалога в Исламабаде под эгидой ООН, США и России. Очевидно, Иран рассчитывал сначала узнать точку зрения России и ННГ Центральной Азии, так как, будучи одним из претендентов на действующий транспортный коридор от Каспийского региона к открытому морю, безусловно, не мог позволить себе испортить отношения с ними. Поэтому, вслед за министром иностранных дел Пакистана Гохар Айюб Ханом, сразу из Тегерана направившимся с визитом в Алматы, туда же в столицу Казахстана последовал заместитель министра иностранных дел Ирана Аббас Малеки. На первый взгляд основной темой визита Малеки была дискуссия вокруг статуса Каспийского моря. В то же время, иранский гость стремился в первую очередь выяснить позицию официального Алматы в афганском вопросе и ее возможные изменения в результате новых пакистанских инициатив.

Из Алматы Гохар Айюб Хан совершил 4-х дневный визит в Москву, после возвращения из которого, 11 июля 1997 года, официальный представитель Исламабада заявил, что период непонимания в отношениях между Россией и Пакистаном закончился/44. За три дня до этого, 8 июля, высокопоставленный представитель министерства иностранных дел

Пакистана Ифтихар Муршед встретился с руководителями движения Талибан в южном афганском городе Кандагар и призвал их пойти навстречу попыткам Исламабада организовать мирные переговоры в Афганистане/[45](#).

Талибы согласились с идеей создания политической комиссии для формирования правительства в Афганистане, выдвинутой антиталибским альянсом, но отвергли требование оппозиции о демилитаризации Кабула. В свою очередь, талибы потребовали в качестве предварительного условия начала переговоров освобождения пленных талибов, попавших в плен в мае в Мазари-Шарифе.

В конце концов, идею мирных переговоров в Исламабаде принял и официальный Тегеран. Тем более, что мирные переговоры были возможны только на условиях фактического сохранения статус-кво и предоставления широкой автономии территориям, контролируемым оппозицией. Естественно, что Ирану это объективно выгодно, так как не решает существующую проблему дефрагментации Афганистана, а консервирует нынешнее достаточно неустойчивое положение. Оппозиционные лидеры антиталибского альянса неоднократно заявляли, что талибы должны поделиться властью в качестве неременного условия мирного урегулирования.

Однако фактический раздел Афганистана не мог в принципе устроить движение Талибан. Это вступало в противоречие с декларируемыми им принципами объединения всей страны и организации афганского общества согласно идеям “чистого ислама”, первоначальной мусульманской общины. Однако было ясно и то, что без поддержки Пакистана, в том числе и военной, талибам не удастся победить своих противников, в случае, если им будут продолжать оказывать помощь Иран, Россия и страны Центральной Азии.

Летом 1997 года проявилась ситуация, когда политические цели в Афганистане Пакистана и патронируемой им радикальной исламской организацией движением Талибан стали впервые не совпадать. Талибам не удалось установить контроль над всей территорией Афганистана и, следовательно, выполнить главную задачу пакистанской внешней политики - открытия транспортных коридоров в регион Центральной Азии. В связи с этим, Исламабад выражал готовность искать новые варианты решения афганской проблемы.

В то же время, талибы из пропакистанской “марионеточной” организации превратились в самостоятельную политическую силу, сумевшую после майского разгрома в Мазари-Шарифе впервые в новой истории Афганистана объединить почти все пуштунские организации страны. К талибам примкнули влиятельные пуштунские лидеры Халес и Моджаддди, местные пуштуны присоединялись к экспедиционному отряду талибов, в северных провинциях Баглан, Кундуз и Талукан, они пользовались поддержкой пакистанских пуштунов. Так или иначе, именно разгром в Мазари-Шарифе в мае 1997 года сделал движение Талибан реальным лидером пуштунской реставрации в Афганистане.

Возросшее значение и самостоятельность движения Талибан и категорическое нежелание лидеров талибов пойти на мирное урегулирование с Северным оппозиционным альянсом после разгрома в Мазари-Шарифе, фактически дезавуировали дипломатические усилия Исламабада, предпринятые летом 1997 года. Между Пакистаном и движением Талибан наметилось расхождение в оценке ситуации. Естественно, что геополитические приоритеты Пакистана не имели большого значения для движения Талибан. Если Пакистан после событий в Мазари-Шарифе предпринял значительные усилия для

нейтрализации негативного впечатления, которое произвели действия пакистанской администрации по поддержке и признанию движения Талибан, то талибы были больше озабочены огромными потерями в Мазари-Шарифе и стремлением добиться реванша.

Конечно, мирное урегулирование на принципах сохранения статус-кво было бы наиболее предпочтительно, особенно для стран Центральной Азии. Несомненно, такой вариант решения афганской проблемы устраивал практически все стороны, так или иначе вовлеченные в конфликт, за исключением талибов, стремящихся к воссозданию единого государства Афганистан. В то же время, нельзя переоценивать наметившееся противоречие в интересах Пакистана и талибов. Пакистан летом 1997 года был так же зависим от талибов, как и талибы от Пакистана.

Поэтому, несмотря на выраженное стремление Исламабада к мирному урегулированию, было совершенно ясно, что в случае если Пакистан не сможет в кратчайшие сроки добиться открытия столь необходимого ему транспортного коридора в регион Центральной Азии с помощью мирных переговоров, то Исламабад, несомненно, пойдет на очередное резкое усиление боевых возможностей движения Талибан. Тем более, что военно-стратегическое положение талибов, даже не смотря на сохранившуюся угрозу Кабулу со стороны отрядов Ахмад Шах Масуда, осенью 1997 года все равно было предпочтительнее, чем в мае этого же года. Несмотря на решительное наступление отрядов Ахмад Шах Масуда в июне-июле 1997 года, в направлении на Кабул, и огромные потери лучших солдат в ходе неудачной акции в Мазари-Шарифе, талибам удалось удержать позиции к северу от афганской столицы. Кроме того, отряды движения Талибан сохранили за собой основные позиции в западной афганской провинции Бад гис, захваченные в ходе майского мятежа генерала Малика, а также приобрели стратегически важный плацдарм в районе северных провинций Талукан и Кундуз.

Таким образом, обстоятельства, связанные с двойным мятежом генерала Малика в мае 1997 года, привели к резкому изменению общей ситуации в Афганистане. Попытка движения Талибан в союзе с афганскими узбеками добиться решительной победы над антиталибским альянсом и объединить Афганистан под своим контролем, закончилась неудачей. В результате второго мятежа Малика было восстановлено единство военно-политических группировок, составляющих антиталибский альянс. В то же время, талибам удалось установить контроль над рядом стратегически важных районов Северного Афганистана и тем самым оказывать постоянное давление на позиции антиталибского альянса.

Между тем, в результате событий в Мазари-Шарифе, значительно изменился характер внутриафганского противостояния. В первую очередь, заметно усилился этнический фактор. Начало массового перехода местных пуштунов на сторону движения Талибан при появлении отрядов талибов в северных провинциях Афганистана, означало, что гражданская война в Афганистане все более отчетливо приобретает характер межнационального конфликта.

Для местных полевых командиров, этнических пуштунов, идея пуштунской реставрации стала более привлекательной, чем лояльность и принадлежность к той или иной военно-политической группировке. Во многом, поэтому, хотя видные политические деятели из числа пуштунской традиционной элиты, такие как Хекматиар и Сайяф, и сохраняли свои тесные отношения с Северным антиталибским альянсом, принадлежащие к их военно-политическим группировкам местные полевые командиры Башир Баглани в провинции Баглан и Ариф Хан в провинции Кундуз перешли на сторону движения Талибан.

Причем, надо отметить, что произошло это буквально через несколько недель после сокрушительного поражения талибов в Мазари-Шарифе и успешного начала наступления Ахмад Шах Масуда в направлении на Кабул. Это невозможно объяснить только подкупом местных полевых командиров со стороны движения Талибан. Этот аргумент часто используется для объяснения военных успехов талибов. Вопрос о качественно новом уровне пуштунского национализма, предложенном движением сторонников “чистого ислама” Талибан, стал чрезвычайно актуальным летом 1997 года.

Особенно показательна ситуация с присоединением к движению Талибан видного полевого командира Ариф Хана из партии Иттихад и-Ислами (Исламский союз за свободу Афганистана), возглавляемой Абдурап Расул Сайяфом. Именно эта партия считалась сторонником ваххабитских идей в Пешаварском альянсе моджахедов. Саудовская Аравия все годы войны против советского присутствия оказывала этой военно-политической группировке адресную военную и материальную помощь/46. В то же время, партия Сайяфа являлась активным участником антиталибской оппозиции.

Резиденция самого Сайяфа находилась в г. Талукан рядом с резиденцией президента Раббани. Ваххабиты Сайяфа с 1994 года боролись с талибами, которых часто обвиняют в принадлежности к “ваххабитам”. Сайяф в данном случае выступал, в первую очередь не как лидер ваххабитов Афганистана, а как представитель традиционной афганской элиты, интересам которой угрожало движение сторонников “чистого ислама” Талибан. Соответственно, переход полевого командира партии ваххабитов Сайяфа Ариф Хана на сторону движения Талибан в июле 1997 года, нельзя рассматривать в контексте идеологической солидарности. Эта же солидарность не помешала самому Сайяфу покинуть Талукан вместе с Раббани при угрозе его захвата талибами/47. Более вероятно, что переход Ариф Хана на сторону талибов был обусловлен теми же причинами, что и у других северных пуштунов - усиливающимся этническим характером внутриафганского противостояния. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан 9 июля отметил, что конфликт в Афганистане все более отчетливо приобретает этнический характер/48.

Одновременно, с началом перехода этнических пуштунов на сторону движения Талибан летом 1997 года, серьезные изменения произошли и в расстановке сил внутри антиталибского альянса. События в Мазари-Шарифе и бегство многолетнего лидера узбекской общины генерала Дустума в Турцию, привели к ослаблению общих позиций афганских узбеков в рамках Северного альянса. Решающую роль в разгроме талибов в Мазари-Шарифе сыграли шииты-хазарейцы из проиранской партии Хезбе и-Вахдат. После майских событий 1997 года шииты-хазарейцы заметно усилили свои позиции в Мазари-Шарифе, ключевом городе сил антиталибского альянса.

Если при генерале Дустуме узбекская община безраздельно господствовала на Севере Афганистана и в Мазари-Шарифе, то летом 1997 года, при генерале Малике, ей приходилось соперничать за влияние с другими организациями антиталибского альянса. И, в первую очередь, с партией шиитов-хазарейцев Хезбе и-Вахдат.

Тем самым, в системе, объединяющей Северный антиталибский альянс, после майских событий в Мазари-Шарифе появилось дополнительное напряжение, связанное с ослаблением позиций узбекской общины. В результате двойного мятежа генерала Малика афганские узбеки фактически потеряли прежнее положение, занимаемое ими в Афганистане с середины восьмидесятых годов.

Общие изменения в расстановке сил после майских событий в Мазари-Шарифе привели к необходимости внести коррективы в тактические задачи антиталибского альянса. Начало

процесса перехода летом 1997 года этнических пуштунов на сторону движения Талибан, включая видных деятелей традиционной пуштунской элиты, таких как Моджадедди и Халес, обозначило весьма невыгодную для антиталибского альянса тенденцию. Дальнейшее обострение этнического характера конфликта могло привести к тому, что северным военно-политическим группировкам национальных и религиозных меньшинств пришлось бы столкнуться с объединенными силами пуштунов Афганистана. Что резко снижало шансы антиталибской коалиции не только на военный успех, но и на возможность удержать стратегическую оборону на географически изолированном Севере Афганистана.

Целостность стратегической линии обороны Севера Афганистана была нарушена в связи с образованием плацдарма, контролируемого движением Талибан и местными пуштунами в северных провинциях Кундуз, Талукан и Баглан. Плацдарм располагался в тылу войск Ахмад Шах Масуда. Одновременно, талибы из Кундуза могли угрожать основным коммуникационным линиям антиталибского альянса в Таджикистан и Узбекистан.

Кроме того, ослабление позиций узбекской общины в результате двойного мятежа генерала Малика привело к ослаблению единого консолидирующего центра власти в северных провинциях, который долгое время был представлен властью генерала Дустума. Доминирование Дустума на Севере Афганистана вплоть до мая 1997 года никто не мог подвергнуть сомнению. Власть же преемника Дустума генерала Малика оспаривали летом 1997 года в Мазари-Шарифе шииты-хазарейцы. В условиях борьбы за влияние в Северном оппозиционном альянсе после ухода с политической сцены генерала Дустума и ослабления гегемонии узбекской общины, повысилась самостоятельность многочисленных местных полевых командиров, прежде зависимых от генерала Дустума. Генерал Малик оказался неравноценной заменой многолетнему узбекскому лидеру Дустуму.

В этих условиях, перед антиталибской коалицией стояла задача попытаться определить линию поведения в сложившейся летом 1997 года достаточно непростой политической ситуации.

Вопрос заключался также в том, кто из северных военно-политических группировок возьмет на себя ответственность за поддержание единства Северного оппозиционного альянса. После падения Кабула 24 сентября 1996 года и проведения встречи на высшем уровне глав государств Центральной Азии и премьер-министра России в Алматы 4 октября, доминирующие позиции в антиталибском альянсе занимала наиболее организованная и мощная в военном отношении группировка генерала Дустума. Однако, Дустум придерживался принципа пассивной стратегической обороны, не стремясь выйти за пределы контролируемых им территорий. Например, для того, чтобы помочь Масуду взять столицу страны Кабул. Естественно, что вся антиталибская коалиция вынуждена была следовать политике основной северной военно-политической группировки, возглавляемой генералом Дустумом, который одновременно, являлся руководителем Высшего Совета Оборона. Напомним, что Высший Совет Оборона Афганистана был создан осенью 1996 года с участием всех оппозиционных талибам организаций, сконцентрированных на Севере страны, специально под генерала Дустума.

Генерал Дустум так и не использовал всю военную мощь своей группировки для решения главной стратегической задачи - разгрома движения Талибан. В то же время, линия на стратегическую оборону Севера была заведомо обречена на провал. Стратегическая инициатива в этом случае принадлежала талибам, которые к тому же обладали значительно большей степенью организованности и единства, чем Северный

антиталибский альянс. Планомерное давление талибов на позиции антиталибского альянса не могло не дать результата. Особенно, с учетом того, что геополитическая ситуация, сложившаяся в регионе, настоятельно требовала открытия транспортных коридоров из Пакистана в Центральную Азию.

Перед антиталибской коалицией летом 1997 года стояли две взаимосвязанные задачи. С одной стороны, необходимо было определиться с тактикой действий на ближайшую перспективу. С другой, нужно было попытаться преодолеть неблагоприятное для антиталибской коалиции развитие ситуации, связанное с обострением этнического фактора во внутриафганском конфликте.

В связи с этим, определение тактики действий сил антиталибского альянса заключалось в выборе направления для нанесения основного удара. После майских событий в Мазари-Шарифе стало ясно, что пассивная оборона Севера Афганистана не может иметь успеха в противостоянии с движением Талибан. К тому же, стала чрезвычайно актуальной проблема лояльности, как отдельных полевых командиров, так и целых военно-политических группировок.

Вопрос об определении тактики действий сил антиталибского альянса в большей степени имел отношение к “правительству Афганистана” президента Раббани. После падения генерала Дустума наиболее сильной и влиятельной организацией в составе антиталибского альянса стала преимущественно таджикская группировка Раббани/Масуда, которая реально заняла место партии Джумбиш и-Милли генерала Дустума, представлявшей интересы узбекской общины. Перед организацией Раббани/Масуда было только два возможных варианта действий.

Первое - попытаться восстановить целостность системы стратегической обороны Северного Афганистана на тех позициях, которые она занимала до майского мятежа в Мазари-Шарифе. Для этого было необходимо ликвидировать изолированный на Севере в провинции Кундуз плацдарм, контролируемый талибами и их союзниками из числа северных пуштунов.

Второе - постараться добиться максимально возможного преимущества над талибами и вынудить их пойти на заключение мирного договора, который фактически бы закрепил особый статус северных территорий, а также обеспечил место в политической системе Афганистана военно-политическим группировкам национальных и религиозных меньшинств. Для достижения этой цели были необходимы решительные военные успехи и, в первую очередь, захват столицы страны Кабула.

Объективно, для организации Раббани/Масуда второй вариант выглядел намного предпочтительнее. Линия на стратегическую оборону Севера Афганистана уже доказала свою неэффективность в результате майского мятежа в узбекской общине и последующего перехода части северных пуштунов на сторону движения Талибан. Следовательно, тратить усилия мощной в военном отношении группировки Масуда на ликвидацию плацдарма в провинции Кундуз означало всего лишь вернуться к исходным позициям. А это наверняка не приблизило бы антиталибский альянс к решению в нужном русле афганской проблемы.

Этот вариант был заранее не выгоден организации Раббани/Масуда. К тому же, в случае наступления на северный плацдарм талибов в провинции Кундуз формированиям Масуда пришлось бы вступить на территории, контролируемые северными пуштунскими полевыми командирами, что с учетом реалий афганской войны, несомненно, усилило бы

их сопротивление. В конечном итоге, это могло спровоцировать переход оставшихся на Севере пуштунов, лояльных организациям Хекматиара, Сайяфа и других, на сторону движения Талибан, что могло существенно ухудшить общее стратегическое положение антиталибского альянса.

Во многом, исходя из соображений целесообразности, “правительство Афганистана” президента Раббани попыталось летом 1997 года перехватить стратегическую инициативу у движения Талибан. Как следствие бурных событий мая-июня 1997 года, 12 августа была проведена реорганизация внутри антиталибского альянса. Произшедшие изменения в расстановке сил внутри антиталибского альянса нашли свое отражение в форме произошедшей реорганизации.

В качестве верховного органа антиталибского альянса снова стало выступать “правительство Афганистана”, сформированное при президенте Раббани. В отличие от Высшего Совета Оборона, председателем которого был генерал Дустум, “правительство Афганистана” Раббани пользовалось международным признанием и занимало место Афганистана в Организации Объединенных Наций. Генерал Малик занял пост министра иностранных дел, что означало заметное снижение значения узбекской общины в Северном антиталибском альянсе по сравнению со временами генерала Дустума. Пост министра обороны занял Ахмад Шах Масуд, премьер-министром был назначен Абдур Рахим Гафурзаи, видный политик из партии Раббани/Масуда - Исламское общество Афганистана, этнический пуштун по происхождению. Вице-президентом стал Карим Халили, лидер партии шиитов-хазарейцев Хезбе и-Вахдат.

Наблюдатели в Кабуле отмечали, что “новая администрация была призвана представить действенную альтернативу движению Талибан”⁴⁹. В этой связи большое внимание, с целью нейтрализации значения пуштунского фактора во внутриафганском конфликте, уделялось должности премьер-министра. Пуштун Гафурзаи долгое время был представителем Афганистана при ООН от “правительства” Раббани, имел обширные международные связи. Кроме того, его назначение было адресовано этническим пуштунам, находившимся в оппозиции движению Талибан, и одновременно, подтверждало возросшую роль организации Раббани/Масуда в рамках антиталибского альянса.

Символично, что встреча, на которой была проведена реорганизация “правительства Афганистана” прошла в районе перевала Саланг, фактически на “нейтральной” территории. Перевал Саланг находился в зоне совместной ответственности всех трех основных партий антиталибского альянса и имел стратегически важное значение как для коммуникаций между различными частями страны, контролируемые формированиями антиталибской коалиции, так и для обороны северных провинций. Одновременно, перевал Саланг находился в непосредственной близости от Кабула, главной цели антиталибского альянса летом 1997 года.

Таким образом, в конце лета 1997 года приоритеты антиталибского альянса на ближайшую перспективу были определены. Ставка была сделана на активизацию усилий альянса в южном направлении. На момент совещания в середине августа, войска Ахмад Шах Масуда стояли в 20 км. к северу от Кабула.

Характерно, что доминирование группировки Раббани/Масуда в составе антиталибского альянса привело, в том числе и к тому, что формирования именно этой организации должны были сыграть основную роль в военных операциях против движения Талибан. И узбеки Малика, и шииты-хазарейцы Халили продолжали придерживаться линии на

стратегическую оборону, не желая выходить за пределы контролируемых ими территорий. Во многом поэтому, формированиям партии Раббани/Масуда пришлось решать общие стратегические вопросы антиталибской коалиции в основном силами своей организации.

Если признать, что по боевым возможностям, после событий в мае-июне 1997 года, формирования трех партий антиталибского альянса были примерно равны, тогда получается, что министр обороны “правительства Афганистана” Ахмад Шах Масуд мог использовать в летнем наступлении только примерно одну треть наличных сил антиталибской коалиции. Формирования узбеков и шиитов-хазарейцев держали пассивную оборону в западной провинции Фарьяб и горном Хазарджате, одновременно ограничивая возможное давление со стороны изолированного северного анклава талибов в провинции Кундуз на основные коммуникационные линии антиталибского альянса.

Следуя достигнутым договоренностям, двадцатого августа 1997 года войска, лояльные Ахмад Шах Масуду, предприняли наступление на Кабул, закончившееся неудачей. На следующий день, 21 августа в авиакатастрофе в горном Хазарджате погиб вновь избранный премьер-министр “правительства Афганистана” Абдур Рахима Гафурзаи/[50](#). Гибель, избранного за неделю до этого премьер-министра, этнического пуштуна Гафурзаи, нанесла серьезный удар по планам антиталибской коалиции.

Три основные партии антиталибской коалиции - узбекская Джумбиш и-Милли, Хезбе и-Вахдат шиитов-хазарейцев и Исламское общество Афганистана таджиков Раббани и Масуда, не смогли больше выдвинуть из своих рядов значительных политиков, пуштунов по происхождению. После гибели Гафурзаи, исчезла последняя возможность придать усилиям антиталибской коалиции хотя бы формальный общеафганский статус. Этнический характер реально стал доминировать в оценке внутриафганского конфликта.

Тем не менее, отрядам Ахмад Шах Масуда удалось развернуть активные боевые действия против талибов сразу по двум стратегическим направлениям. Наряду с активизацией усилий формирований Масуда под Кабулом, его войска развернули наступление на позиции талибов в восточной провинции Кунар, где 30 августа им удалось захватить административный центр провинции город Асмар. Асмар расположен в 110 километрах от крупного южного города Джелалабад, “на единственной автостраде, соединяющей Афганистан с пакистанской провинцией Пешавар, откуда движение Талибан получает оружие и боеприпасы”/[51](#). Бои также шли в районе городка Дара-Нур в 40 километрах от Джелалабада. Захватив Асмар, отрядам Ахмад Шах Масуда удалось частично отрезать движение Талибан от Пакистана, нарушив основные коммуникации талибов.

2.7. Второе наступление талибов на севере Афганистана осенью 1997 года

Наступление отрядов Ахмад Шах Масуда в конце августа 1997 года на востоке Афганистана, захват ими города Асмар на стратегически важном шоссе из Пешавара в Кабул, бои под Кабулом и Джелалабадом демонстрировали стремление антиталибской коалиции перехватить стратегическую инициативу у движения Талибан. Хотя, формированиям Масуда и не удалось захватить Кабул, однако, последние летние успехи показали, что тактика переноса активных боевых действий на территорию, контролируемую движением Талибан, является более эффективной, нежели пассивная стратегическая оборона северных провинций.

Летние успехи антиталибской коалиции в 1997 году были напрямую связаны с событиями, разыгравшимися в мае 1997 года в Мазари-Шарифе.

Второй мятеж генерала Малика поставил в неловкое положение в первую очередь Пакистан, признавший движение Талибан в качестве законного правительства Афганистана сразу после первого мятежа Малика. Пакистанское руководство в течение лета 1997 года предприняло максимум усилий, чтобы смягчить неблагоприятные последствия майских событий в Мазари-Шарифе. Однако Исламабаду так и не удалось добиться желаемого. Кроме Пакистана, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов больше никто в мире так и не признал движение Талибан. Более того, 8 сентября в Джидде (Саудовская Аравия) генеральный секретарь Организации Исламская конференция (ОИК) Азеддин Лараки объявил о том, что Афганистан не будет приглашен на исламское совещание в верхах, которое планировалось провести в Тегеране в декабре 1997 года/[52](#).

В это время в Саудовской Аравии находилась делегация Временного правящего Совета движения Талибан во главе с его председателем Мохаммедом Раббани, которая проводила переговоры с саудовскими официальными лицами и эмиссаром генерального секретаря ООН Лахдаром Ибрахими/[53](#). На переговорах обсуждалась проблема межафганского урегулирования. Кроме того, высшее руководство движения Талибан наверняка ставило вопрос о международном признании. Саудовская Аравия, как государство, уже признавшее движение Талибан в качестве законного правительства Афганистана, несомненно, пыталось повлиять на позиции ООН и ОИК. Однако эта попытка закончилась неудачей. Место Афганистана в ООН, по прежнему занимало “правительство” Раббани. Позиции же ОИК в 1997 году сильно зависели от точки зрения Тегерана, где в декабре планировалось проведение очередного с амрита глав исламских государств.

Выяснение позиций заинтересованных сторон, в связи с изменившейся после майских событий ситуацией в Афганистане, проводили и США. В конце августа 1997 года турне по ННГ Центральной Азии совершил постоянный представитель США при ООН Билл Ричардсон. 18-19 августа в Ташкенте он провел переговоры с президентом Узбекистана Исламом Каримовым, главой внешнеполитического ведомства Абдулазизом Камиловым, министром обороны Рустамом Ахмедовым. По сообщению агентства Интерфакс главной темой всех бесед были вопросы региональной безопасности, в частности ситуация в Афганистане, Таджикистане и на таджикско-афганской границе/[54](#)

Дипломатическая активность вокруг межафганского конфликта отражала стремление всех заинтересованных государств найти выход из сложной геополитической ситуации в обстановке, когда ни одна из противоборствующих афганских сторон не могла без поддержки извне добиться решающего превосходства над другой. События в Мазари-Шарифе в мае 1997 года наглядно продемонстрировали, что любые серьезные акции со стороны движения Талибан немедленно провоцируют усиление антиталибского альянса.

Дальнейшая эскалация конфликта в Афганистане могла привести к оформлению жесткого межблокового противостояния вокруг этой страны. Так, если справедливы утверждения о роли Пакистана в усилении движения Талибан, то, соответственно, нельзя не признать справедливыми мнения о роли ННГ Центральной Азии, России и Ирана в поддержке антиталибской коалиции. Так, например, межтаджикское урегулирование, достигнутое в 1997 году в Тегеране, однозначно, прошло под давлением Москвы и Тегерана на правительство Рахмонова и Объединенную таджикскую оппозицию (ОТО). Причем, наверняка, давление было оказано с практической целью обеспечения надежного тыла группировке Ахмад Шах Масуда в северо-восточном Афганистане. Конфликт в

Таджикистане не должен был мешать решению главной геополитической задачи Москвы и Тегерана - сохранения позиций антиталибского альянса в Северном Афганистане.

Летом 1997 года ситуация в Афганистане представляла собой в определенном смысле геополитический тупик. Неустойчивое равновесие, установившееся в стране летом 1997 года, не позволяло надеяться на скорое разрешение афганского конфликта и, соответственно, делало невозможным открытие транспортных коридоров из Центральной Азии в Пакистан. Ни движение Талибан, ни антиталибская коалиция не могли своими силами одержать победу в гражданской войне. А чрезмерное усиление одной из сторон извне, могло спровоцировать аналогичную внешнюю поддержку для другой стороны.

Однако в начале сентября 1997 года неустойчивое равновесие в Афганистане оказалось нарушено. Изолированный на севере Афганистана отряд движения Талибан, начал наступление с захваченного ранее плацдарма в провинции Кундуз в направлении на Мазари-Шариф. 8 сентября талибы захватили город Ташкурган в провинции Саманган всего в 50 километрах от Мазари-Шарифа. Наблюдатели отметили, что основной причиной падения Ташкургана стал переход ряда местных полевых командиров на сторону движения Талибан/[55](#). 9 сентября талибы овладели аэропортом, расположенным в 8 километрах от Мазари-Шарифа. Одновременно, в самом городе продолжались ожесточенные бои/[56](#). Хотя четких заявлений о характере столкновений внутри Мазари-Шарифа не поступало, тем не менее, совершенно ясно, что в боевых действиях в городе могли участвовать только формирования афганских узбеков генерала Малика и шииты-хазарейцы из Хезбе и-Вахдат. В результате столкновений, узбекский лидер Малик покинул Мазари-Шариф в направлении города Шиберган в 175 километрах к западу, и доминирующей силой в городе стали шииты-хазарейцы/[57](#).

Отрядам движения Талибан с помощью перешедших на их сторону местных пуштунов удалось окружить Мазари-Шариф. С целью оказать поддержку своим союзникам на севере, Ахмад Шах Масуд атаковал плацдарм талибов в провинции Кундуз с юга из провинции Тахар/[58](#). Однако, военные возможности Масуда были не безграничны. Масуд держал фронт против талибов под Кабулом и на востоке страны в провинциях Лагман и Кунар. Соответственно, выделить серьезные дополнительные формирования для военных операций на севере Масуд был явно не в состоянии.

Ситуация приобрела угрожающий характер для антиталибского альянса. Все последние успехи Масуда и их результаты оказались потерянными. Несомненно, такой итог явился, в первую очередь, результатом организационной непрочности антиталибского альянса. Конфликт интересов между шиитами-хазарейцами и узбеками назревал в силу произошедших, вследствие майских событий в Мазари-Шарифе, изменений в расстановке сил на Севере Афганистана. Узбеков, наверняка, не устраивало доминирование хазарейцев в районе Мазари-Шарифа, который долгие годы был под контролем узбекской общины. В то же время, хазарейцы, принципиальные противники движения Талибан, имели все основания сомневаться в лояльности узбеков. Узбекская община в мае 1997 года уже один раз дала повод своим союзникам усомниться, в ее стремлении бороться против движения Талибан.

Немаловажную роль сыграл и этнический фактор, приобретший доминирующее значение в внутриафганском противостоянии. Полевые командиры пуштуны в провинциях Саманган, Балх и вокруг Мазари-Шарифа в сентябре 1997 года в массовом порядке стали переходить на сторону движения Талибан. Фактор пуштунского национализма в трактовке движения Талибан получил практическую реализацию в ходе событий на Севере Афганистана в сентябре 1997 года.

Бои под Мазари-Шарифом постепенно приобрели характер позиционной войны. Ни одна из сторон не могла добиться решающего превосходства над другой. Шииты-хазарейцы самостоятельно не могли прорвать блокаду города, у отрядов движения Талибан и местных пуштунов не было достаточно сил для штурма Мазари-Шарифа. Талибы имели только одну возможность усиления своей изолированной группировки на Севере, через аэродром в городе Кундуз. Этого было явно недостаточно для закрепления достигнутых успехов.

В то же время, возможности антиталибской коалиции противостоять талибам в Мазари-Шарифе были ограничены отрядами Хезбе и-Вахдат. Узбекская милиция после отъезда из Мазари-Шарифа генерала Малика практически прекратила участвовать в активных боевых действиях с отрядами движения Талибан.

В связи с этим, появление 12 сентября в Афганистане свергнутого в мае 1997 года бывшего лидера узбекской общины генерала Дустума было весьма кстати. По сообщениям из Турции, Дустум покинул эту страну 10 сентября/[59](#), через день после выхода талибов к Мазари-Шарифу и начала столкновений между шиитами-хазарейцами и узбеками внутри города, в результате которых соперник генерала Дустума на власть в узбекской общине генерал Малик покинул Мазари-Шариф.

В узбекской общине Афганистана Дустума наверняка ждали. Несомненно, генерал Малик не смог справиться с поддержанием той роли и значения, которые афганские узбеки занимали в Северном оппозиционном альянсе во времена генерала Дустума. Значение узбекской общины в Северном оппозиционном альянсе и, следовательно, во всем Афганистане во время короткого правления Малика резко снизилось.

В Афганистане у Дустума сразу же появились сторонники. Уже 15 сентября были отмечены столкновения в Мазари-Шарифе между сторонниками генералов Дустума и Малика/[60](#). То есть впервые за годы афганского конфликта, столкновения произошли внутри узбекской общины, наиболее консолидированного и сплоченного национального меньшинства на территории Афганистана.

Ситуация оставалась сложной. 17 сентября талибы захватили город Хайратон на узбекско-афганской границе. Наблюдатели отмечали, что в Мазари-Шарифе во время осады города со стороны движения Талибан царит обстановка хаоса и анархии. Сторонники Малика под давлением приверженцев Дустума стали покидать город в направлении на запад в провинцию Фарьяб/[61](#).

В конце сентября талибы снова заняли аэродром Мазари-Шарифа и предложили обороняющимся в городе капитулировать. Тяжелые бои шли между талибами и формированиями Дустума на подступах к Мазари-Шарифу в северных районах провинции Балх.

Наступление талибов на севере в конце сентября - начале октября, безусловно, ухудшило военно-стратегическое положение антиталибской оппозиции. И, прежде всего, это было связано с захватом талибами города Хайратон на афганско-узбекской границе. Контроль над Хайратоном означал фактическую блокаду территорий, контролируемых оппозицией. Так как именно через Хайратон проходят основные линии коммуникаций антиталибского альянса. К тому же необходимо иметь в виду, что после захвата талибами аэродрома в Мазари-Шарифе, оппозиция не только лишилась баз для военной авиации на территории Афганистана, но и потеряла возможность получать необходимые грузы воздушным путем. По утверждениям талибов, сразу же опровергнутым официальным Душанбе, военная

авиация оппозиции укрылась на территории Таджикистана в районе города Куляб. Талибы утверждали, что 5 боевых самолетов оппозиции после захвата ими аэродрома в Мазари-Шарифе получили приказ перелететь на авиабазу Куляб на территории Таджикистана/[62](#).

В то же время, по сообщениям информационных агентств, после захвата Хайратона заметно обострились проблемы с продовольствием на контролируемых оппозицией территориях. Если даже не принимать в расчет необходимость получения боеприпасов для ведения интенсивных военных действий, то отсутствие поставок минимально необходимых продовольствия и топлива с территории ННГ Центральной Азии и Ирана, способны были парализовать способность к сопротивлению вооруженных сил и населения, лояльных антиталибской оппозиции. Тем более это было актуально перед началом зимы. К тому же, необходимо иметь в виду, что интенсивные военные действия на севере продолжались с переменным успехом с мая месяца и это, безусловно, должно было иметь последствия для сельского хозяйства региона. Соответственно, запасы продовольствия перед зимой у преимущественно таджикского, узбекского и хазарейского населения Северного Афганистана были весьма ограничены.

Таким образом, к началу октября сложилась ситуация, когда на карту было поставлено само существование антиталибской коалиции. В случае захвата Мазари-Шарифа или просто при продолжении его осады, а также при сохранении фактической блокады территорий, контролируемых оппозицией, перспективы длительного сопротивления даже отрядов Ахмад Шах Масуда были весьма призрачны. Поэтому антиталибской оппозиции необходимо было не просто обеспечить защиту города, но и попытаться отбросить талибов и непременно вернуть Хайратон, с тем, чтобы прорвать общую блокаду своей территории.

Несомненно, перелом произошел 4 октября 1997 года, когда по сообщениям представителей партии шиитов-хазарейцев Хезбе и-Вахдат, была прорвана осада Мазари-Шарифа с помощью вошедших в город отрядов афганских узбеков под командованием генерала Дустума численностью от 4 до 5 тысяч человек. Совместными усилиями узбеки и шииты захватили форт Джала-и-Джанги на запад от Мазари-Шарифа, контролируемый местными пуштунами, лояльными движению Талибан/[63](#). Затем в ходе наступления на позиции движения Талибан, были захвачены города Хайратон, Ташкурган.

По сути дела, вернувшийся из эмиграции генерал Дустум в конечном итоге смог восстановить контроль над афганскими узбеками, потерянный им в мае месяце в результате мятежа генерала Малика. Для этого ему очевидно и потребовалась пауза между его возвращением в Афганистан 12 сентября из Турции, после начала столкновений между узбеками Малика и шиитами в Мазари-Шарифе, и 4 октября, временем его триумфального появления в городе.

Возвращение генерала Дустума и появление узбекских формирований на фронте в очередной раз изменили расстановку сил на севере Афганистана. Талибы не имели возможности оказать широкомасштабную поддержку своей северной группировке. Изолированная на севере группировка талибов и местных пуштунов располагала только одной коммуникационной линией - аэропортом в городе Кундуз. Возможности транспортной авиации талибов все же были весьма ограничены. Соответственно, попытка талибов воспользоваться разногласиями в антиталибской оппозиции между узбеками и шиитами закончилась в целом неудачно. Талибы фактически вернулись на исходные позиции в провинции Кундуз, откуда они, в то же время, продолжали создавать угрозу с

тыла как войскам Ахмад Шах Масуда под Кабулом, так и Дустуму и шиитам-хазарейцам в Мазари-Шарифе.

Осеннее наступление талибов на Севере Афганистана стало второй серьезной попыткой за 1997 год добиться окончательной победы движения Талибан и установления его контроля над всей территорией страны. Наступление с изолированного от основных сил движения Талибан плацдарма в провинции Кундуз, стало возможным благодаря массовому переходу отрядов северных пуштунов на сторону талибов и разобщенностью Северного оппозиционного альянса.

С помощью мобилизации всех своих возможностей, антиталибскому альянсу удалось, в конечном итоге, восстановить статус-кво в расстановке сил на Севере страны. Однако, осеннее наступление талибов на Мазари-Шариф оказало существенное влияние на общую обстановку во внутриафганском конфликте.

Во-первых, обозначилась организационная непрочность антиталибского альянса. Так, в сентябре-октябре 1997 года в Мазари-Шарифе были отмечены столкновения между шиитами-хазарейцами и узбеками Малика, а также внутри узбекской общины между сторонниками генералов Дустума и Малика. При этом организационная непрочность и внутренние разногласия ослабляли общие позиции антиталибского альянса, что делало возможным усиление давления со стороны движения Талибан. Во многом, именно в результате давления талибов и внутренних разногласий формирования антиталибского альянса терпели военные поражения на фронте, как осенью 1997 года под Мазари-Шарифом. А это в свою очередь усиливало капитулянтские настроения среди части полевых командиров Северного оппозиционного альянса.

Во-вторых, в связи с возвращением из изгнания генерала Дустума произошло разрушение некогда монолитной этнической солидарности узбекской общины Афганистана. Впервые за годы гражданской войны узбеки на севере Афганистана участвовали в боевых столкновениях друг с другом. А если учесть, что именно узбекская община была до мая 1997 года основой стабильности в шести северных провинциях, находившихся под контролем генерала Дустума, то образовавшийся вакуум власти среди узбеков не мог не сказаться на устойчивости Северного оппозиционного альянса.

В третьих, стало ясно, что ни Масуд, ни шииты-хазарейцы не могут полностью компенсировать потерянного влияния узбекской общины на Севере страны. В самый угрожающий момент под Мазари-Шарифом для судеб антиталибского альянса, ни шииты-хазарейцы, ни таджики Масуда не смогли усилить свои отряды на Севере настолько, чтобы их хватило для разгрома прорвавшихся к Мазари-Шарифу талибов. Несомненно, ни шииты-хазарейцы, ни Ахмад Шах Масуд не хотели ослаблять свои позиции в других ключевых пунктах противостояния с талибами - под Кабулом, на востоке Афганистана, в провинции Кунар и на подступах к горному Хазарджату.

Большую роль сыграло и то, что для хазарейцев и таджиков Раббани/Масуда северные провинции вокруг Мазари-Шарифа не относились к зоне их непосредственного влияния. Логика развития событий в сентябре-октябре 1997 года диктовала необходимость активных действий против движения Талибан, которое угрожало основным коммуникациям антиталибского альянса. В то же время, для хазарейцев и таджиков Раббани/Масуда на первом плане оставалась необходимость защиты зон своего непосредственного влияния. Этот факт лишней раз демонстрирует, что и хазарейцы, и таджики Раббани/Масуда в конечном итоге придерживались в основном локальных интересов. Объективно, это сразу снижало шансы военно-политических группировок

национальных меньшинств Афганистана достичь общего стратегического преимущества во внутриафганской политической борьбе.

В целом, осенние события около Мазари-Шарифа продемонстрировали, что антиталибская коалиция не способна самостоятельно противостоять хорошо организованному движению Талибан. Тем более, в условиях, когда движение Талибан в результате событий сентября-октября 1997 года окончательно возглавило борьбу пуштунов Афганистана за восстановление централизованного афганского государства.

Реально, весь 1997 год происходило постепенное снижение военных и политических возможностей разношерстной коалиции из военно-политических группировок национальных меньшинств, политических организаций представителей традиционной пуштунской элиты влиять на ситуацию в стране. В то время как возможности движения Талибан постоянно возрастали в основном за счет активной эксплуатации фактора пуштунского национализма, превосходства во внутренней организации, а также поддержки Пакистана.

Среди важных результатов событий осени 1997 года необходимо выделить новое положение узбекской общины Афганистана. Община афганских узбеков, численностью около 1.5 млн. человек, долгое время играла решающую роль в событиях в Афганистане. Во многом, это было связано с высокой степенью этнической солидарности в узбекской общине, наличием сильного харизматического лидера, генерала Дустума, и соседством с независимым Узбекистаном. Степень консолидации афганских узбеков была чрезвычайно высока. В условиях дефрагментации Афганистана этот факт имел особенно важное значение.

Доминирующее влияние узбеков на Севере Афганистана обеспечивало им лояльность различных организаций, местных отрядов самообороны из числа проживающих в зоне непосредственного влияния генерала Дустума и узбекской общины пуштунов, туркмен, исмаилитов, а также бывших сторонников прокоммунистического режима в Кабуле. Генерал Дустум реально построил на Севере Афганистана псевдогосударственную систему, объединившую самые разные группы афганцев, оказавшихся в зоне его ответственности.

В основе стабильности и военно-политического превосходства над соперничающими организациями псевдогосударственного объединения, созданного генералом Дустумом на территории 6 северных провинций Афганистана, находилось монолитная мощь и согласие общины афганских узбеков.

В то же время, объединению Дустума не пришлось испытывать серьезного давления извне. Обстоятельств, сложившиеся в Афганистане с весны 1992 года, времени падения режима Наджибуллы, в целом благоприятствовали фактической независимости северных провинций, находившихся под контролем генерала Дустума. Хотя, Дустум и принимал участие в различных коалициях афганских военно-политических группировок и участвовал в боевых действиях против своих временных противников (Хекматиара, Масуда, хазарейцев), тем не менее, у этих враждующих партий был общий взгляд на существующую проблему дефрагментации Афганистана. Большинство лидеров, включая в их число и “правительство” Афганистана Раббани, было вполне удовлетворено существующим контролем определенных зон влияния.

Однако, в ходе событий 1997 года, двойного майского мятежа генерала Малика и возвращения генерала Дустума на политическую сцену в Афганистане во время осенней

осады Мазари-Шарифа, прежняя высокая степень этнической солидарности узбекской общины оказалась нарушена. Известно, что у этнической солидарности национальных меньшинств есть обратная сторона - солидарная ответственность в ходе неблагоприятного развития событий. По мере того, как движение Талибан все более отчетливо консолидировало интересы этнических пуштунов и усиливало давление на позиции антиталибского альянса, становилась все более реальной перспектива возможного военного поражения и неизбежных репрессий со стороны этнического большинства - пуштунов Афганистана.

Такая перспектива наверняка не устраивала значительную часть узбекской общины Афганистана. Усиливающееся давление со стороны движения Талибан вынуждало часть афганских узбеков искать компромисс с этническими пуштунами. Это привело к тому, что некогда монолитная этническая солидарность узбекской общины в итоге дала трещину. С первым мятежом генерала Малика узбеки попытались примкнуть к реальному победителю, сохранив при этом лидирующие позиции на Севере Афганистана в качестве союзника движения Талибан. Однако второй мятеж того же Малика привел к тому, что узбекская община заметно ослабила в итоге свои позиции на Севере страны.

Колебания в рядах узбекской общины и отъезд в эмиграцию признанного лидера генерала Дустума привели к снижению в целом ее влияния на Севере Афганистана. Различные политические организации и местные полевые командиры, ранее лояльные генералу Дустуму, стали проявлять все большее стремление к самостоятельности. После двойного мятежа генерала Малика узбекская община уже не могла поддерживать прежнюю гегемонию на Севере Афганистана. Фактически на Севере, в прежней зоне ответственности генерала Дустума постепенно образовался вакуум власти. Это означало, что некогда самая мощная афганская военно-политическая группировка генерала Дустума летом 1997 года стремительно теряла прежнее влияние.

В конечном итоге, это привело к событиям сентября-октября 1997 года вокруг Мазари-Шарифа, в ходе которых лидерство в узбекской общине вернул генерал Дустум. Однако некогда могущественный правитель Севера Афганистана унаследовал от генерала Малика только остатки бывшего влияния. Узбекская община оказалась расколота, она потеряла гегемонию на власть на Севере Афганистана, на сторону движения Талибан перешли формирования северных пуштунов, ранее лояльных генералу Дустуму, военные и материальные ресурсы режима Дустума были растрочены в ходе интенсивных боевых действий на территории Севера в течение всего лета и осени 1997 года. К тому же, шииты-хазарейцы захватили в итоге контроль над бывшей столицей Дустума городом Мазари-Шариф.

Таким образом, среди главных результатов 1997 года, оказавших самое непосредственное влияние на последующее развитие событий необходимо считать, итоговое ослабление позиций самой мощной военно-политической группировки, представляющей интересы афганских узбеков. Фактически в 1997 году закончилась эпоха в истории современного Афганистана, когда вследствие логики развития событий с 1978 года, национальное меньшинство афганских узбеков смогло создать Северное “псевдогосударственное объединение” и долгое время играть ведущие роли во внутренней политике страны.

Объединение афганских узбеков на подконтрольных территориях 6 северных провинций вплоть до 1997 года осуществляло ряд общеафганских государственных функций, включая содержание регулярной армии, элементов системы образования, промышленности, государственного управления. В Мазари-Шарифе с 1992 года базировались основные международные представительства. В целом, только на Севере

Афганистана сохранились некоторые достижения модернизации. Парадокс ситуации заключается в том, что, обладая решающим военным и организационным превосходством над прочими афганскими военно-политическими группировками, узбеки Дустума так и не решились использовать накопленный потенциал против появившихся в 1994 году в Афганистане претендентов на политическую власть в масштабе всей страны из движения Талибан.

На это, несомненно, оказал влияние противоречивый характер самого существования узбекского североафганского “псевдогосударственного объединения”. В силу стечения обстоятельств узбекская община во главе с генералом Дустумом взяла на себя ряд общеафганских государственных функций. В то же время, немногочисленная узбекская община (около 10% населения Афганистана) не могла предъявить претензии на осуществление политической власти в масштабе всей страны. Следовательно, североафганские узбеки были обречены на ведение стратегической обороны. Вследствие чего, мощная армия генерала Дустума не могла выйти за пределы контролируемых территорий.

Формально, осенью 1997 года антиталибская коалиция восстановила свои позиции на фронтах после возвращения в Афганистан генерала Дустума. В то же время, самому Дустуму предстояла длительная борьба за восстановление своего потерянного влияния в составе узбекской общины, равно как и восстановление бывшего влияния узбекской общины на Севере Афганистана в целом. В общем, ослабление позиций узбекской общины в прежних зонах ее влияния на перспективу сделало территории, ранее подконтрольные генералу Дустуму, слабым местом единого антиталибского альянса. И это оказало прямое влияние на дальнейший ход событий.

2.8. Итоги 1997 года в Афганистане и геополитическая обстановка вокруг афганского конфликта

По итогам 1997 года ситуация в Афганистане в целом оставалась неопределенной. Равно как и перспектива скорого завершения гражданской войны в этой стране. Хотя движение Талибан и смогло перехватить стратегическую инициативу в гражданском конфликте в Афганистане в ходе событий 1997 года, тем не менее, способность антиталибской коалиции к сопротивлению оставалась все еще достаточно высокой. Формирования Ахмад Шах Масуда сохранили свои позиции к северу от Кабула, на расстоянии 20-25 километров от столицы Афганистана и теоретически имели возможность для штурма.

Движению Талибан не удалось добиться быстрой победы и решение афганской проблемы снова было отложено на весну следующего, 1998 года. Как известно, традиционно зимой в Афганистане боевых действий не ведут. Особенно это касается горных районов Северной и Центральной части страны.

В этих условиях в очередной раз активизировались дипломатические усилия вокруг афганского конфликта. События 1997 года вызвали серьезные потрясения в сложившемся геополитическом балансе сил внутри Афганистана. По крайней мере, два раза в течение 1997 года движение Талибан чрезвычайно близко приблизилось к окончательной победе над своими политическими оппонентами. Перспектива возможной скорой победы движения Талибан, несомненно, вызывала осознанное беспокойство в столицах государств, симпатизирующих афганским организациям антиталибского альянса. Это в первую очередь имело отношение к ННГ Центральной Азии, России и Ирану. Соответственно, возможная победа движения Талибан напрямую угрожала

геополитическим приоритетам этих государств и ставила их перед необходимостью определения своей позиции по этому вопросу.

Собственно, возможные альтернативы для ННГ Центральной Азии, России и Ирана были четко обозначены в ходе событий 1997 года. Необходимо было либо согласиться с вполне ожидаемой победой движения Талибан в масштабах всей страны, либо пойти на широкомасштабное вмешательство в афганские события, нейтрализуя ту поддержку, которую оказывает талибам Пакистан. То есть, в этом случае, ННГ Центральной Азии, Россия и Иран должны были бы усилить в военном отношении формирование антиталибского альянса настолько, чтобы они смогли сохранить существовавший статус-кво в афганском конфликте.

Однако последний вариант был практически нереален. Такое усиление формирований антиталибского альянса неизбежно привело бы к новому витку напряженности в регионе и вовлекло бы в конфронтацию стороны, которые всеми силами стремились ее избежать. Кроме того, такое решение требовало бы согласованных действий со стороны государств, которые к концу девяностых имели самостоятельные интересы и собственное понимание сложившейся ситуации. И для ННГ Центральной Азии, и для России, и для Ирана сохранение буферной зоны в Северном Афганистане было объективно выгодно. Их интересы в этом вопросе совпадали. Однако, причины, которые привели их к этой точке зрения, заметно отличались друг от друга. Поэтому добиться согласованных действий от стран, преследующих совершенно разные интересы в вопросе сохранения буферной зоны в Северном Афганистане, было заранее невозможно.

К тому же, в этом случае поддержка буферной зоны в Северном Афганистане потребовала бы значительных материальных и политических затрат с перспективой углубления и расширения афганского конфликта. Что в свою очередь потребовало бы дополнительных затрат и от ННГ Центральной Азии, России и Ирана. В результате, сохранение буферной зоны в Северном Афганистане потеряло бы свое главное преимущество - отсутствие необходимости платить за ее существование. Особенно это было актуально для ННГ Центральной Азии и России. Напомним, что с 1992 года, времени падения режима Наджибуллы, существование буферных зон в Афганистане стало важным элементом региональной системы безопасности ННГ Центральной Азии в границах бывшего СССР. При этом после того, как Россия после распада СССР отказала в продолжение материального и военного снабжения прокоммунистического режима в Кабуле, Новым Независимым Государствам Центральной Азии не пришлось нести серьезных затрат в новом издании афганской политике.

В это же самое время, события 1997 года, связанные с реальной возможностью скорого установления власти движения Талибан над всем Афганистаном, создавали серьезные трудности и для стран, заинтересованных в скорейшей победе талибов. В первую очередь, это относилось к Пакистану. Попытки Исламабада навязать движение Талибан в качестве единственной авторитетной силы в Афганистане, вызывали заметное раздражение в столицах ННГ Центральной Азии, России и Иране. Убежденность пакистанских официальных лиц в том, что победа движения Талибан является единственным способом скорейшего открытия транспортных коридоров из Пакистана в Центральную Азию, совершенно не учитывала мнения России, Ирана и центральноазиатских государств (за исключением Туркменистана, имевшего особую точку зрения на афганскую проблематику).

При этом в столицах ННГ Центральной Азии были убеждены, что Пакистан выбрал не тот инструмент для реализации своих геополитических устремлений. Движение Талибан

вызывало вполне понятное неприятие и недоверие в смысле возможного давления радикальных сторонников “чистого ислама” на светские государства Центральной Азии.

Сложность ситуации для Пакистана заключалась еще и в том, что Исламабад, в силу тяжелого экономического и геополитического положения не мог долго ждать. Исламабад стремился как можно скорее открыть транспортные коридоры на север. И, следовательно, был объективно заинтересован в скорейшей победе движения Талибан. Однако, усиливающаяся ожесточенность внутриафганского конфликта и отчетливо выразившееся отношение ННГ Центральной Азии к перспективе победы талибов, привело к тому, что усилия Пакистана могли оказаться напрасными. Исламабад должен был умудриться усилить возможности движения Талибан и, одновременно не допустить ухудшения отношений с потенциальными торговыми партнерами в ННГ Центральной Азии.

Серьезная попытка разрешения возникших к концу 1997 года геополитических противоречий в регионе была предпринята в декабре месяце во время проведения встречи государств - участников Организации Исламской Конференции (ОИК) в столице Ирана Тегеране. Тот факт, что представительное собрание руководителей исламских государств состоялось в столице Ирана, подразумевал, что среди общих тем встречи, будут присутствовать проблемы межафганского противостояния и общей роли Тегерана в исламском мире и региональной политике. Иранское руководство должно было использовать представившуюся возможность проведения представительного собрания в Тегеране, чтобы попытаться изменить роль Ирана в мировой политике, что к концу девяностых годов весьма ощутимо мешало экономическому развитию страны.

Афганская проблематика давала прекрасную возможность Тегерану усилить свое влияние в регионе, в том числе и в вопросе определения направлений транспортировки природных ресурсов из Центральной Азии к мировым рынкам. В связи с растущей стратегической важностью региона Центральной Азии в мировой геополитике и развитием событий в Афганистане, Иран больше не мог оставаться в изоляции от мирового сообщества, обусловленной, во многом радикальной политикой прежнего иранского руководства и давлением и санкциями со стороны США.

В ходе тегеранской встречи в кулуарах проходили интенсивные двусторонние переговоры, призванные способствовать решению многих региональных проблем и противоречий. Лидеры исламских государств старались максимально использовать возможности Тегеранского саммита. Особенно важное значение имела встреча духовного лидера Ирана аятоллы Али Хаменеи с принцем Абдаллой из Саудовской Аравии, которая является давним союзником США в регионе.

Главной характерной особенностью тегеранского саммита можно считать отчетливо проявившуюся тенденцию к стабилизации в регионе. Основной идеей в Тегеране стало стремление к ослаблению реально существующей напряженности вокруг важнейших источников углеводородного сырья в Персидском заливе и в бассейне Каспийского моря. Причем, сегодня это отвечает интересам не только основных стран исламского мира, но и США.

Характерно, что именно во время саммита в иранской столице, в Нью-Йорке помощник государственного секретаря США Карл Индерфут провел три раунда переговоров с послами из Ирана, Китая, Пакистана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и России по вопросу об урегулировании афганской проблемы. Все шесть непосредственных соседей Афганистана вместе с США и Россией согласились создать контактную группу “шесть плюс два”, которая призвана оказать давление как на движение Талибан, так и на

антиталибскую оппозицию с целью вынудить их сформировать коалиционное правительство.

Фактически, создание группы 6+2 означало попытку найти компромисс интересов всех соседних с Афганистаном стран в стремлении не допустить эскалации афганского конфликта. Для США это был весьма ответственный шаг, так как в составе группы 6+2, Вашингтон и Тегеран впервые после победы исламской революции в Иране координировали свои дипломатические усилия для решения конкретной внешнеполитической проблемы.

Безусловно, для Пакистана, так же как и для США, открытие нового транспортного коридора через территорию Афганистана к ННГ Центральной Азии являлось дополнительным каналом геополитического влияния и в то же время отвечало интересам стабилизации положения в регионе.

В то же время, события 1997 года наглядно продемонстрировали, что канал для обеспечения геополитического влияния не может занимать в системе геополитических приоритетов более важное место, чем поддержание такого влияния. Тогда как в 1997 году стало очевидно, что усилия движения Талибан при некоторой поддержке Пакистана могут в перспективе создать напряжение для системы безопасности ННГ Центральной Азии. Что создает дополнительную угрозу стабильности светских Новых Независимых Государств региона. Несомненно, угроза стабильности ННГ Центральной Азии не отвечала интересам США в регионе и, объективно, могла привести к ослаблению позиций Вашингтона в Центральной Евразии.

Так, например, бывший госсекретарь США З. Бжезинский полагает, что “Узбекистан фактически является главным кандидатом на роль регионального лидера в Средней Азии”/64. Соответственно, по мнению Бжезинского, в Центральной Евразии Узбекистан занимает исключительно важное для США положение. “Государствами, заслуживающими мощнейшей геополитической поддержки со стороны Америки, являются Азербайджан, Узбекистан и (вне данного региона) Украина: все три - геополитические центры”/65. Естественно, что потенциальные угрозы стабильности в данном случае Узбекистана, в результате наступления движения Талибан, объективно не отвечают интересам Вашингтона. Мнение Ташкента, как крупной региональной державы, непременно должно учитываться во всех геополитических построениях в Центральной Евразии. В то время, как в 1997 году светский Узбекистан с многомиллионным мусульманским населением был явно не готов принять появление радикального исламского движения сторонников “чистого ислама” Талибан у своих границ.

Для Вашингтона открытие дополнительных коридоров к региону Центральной Азии имело большое значение, равно, как и для ННГ Центральной Азии было в принципе важно иметь транспортные возможности для выхода на мировые рынки. Однако и для США, и для ННГ Центральной Азии не менее важное значение имела цена, которую пришлось бы заплатить за открытие такого коридора.

Такая цена напрямую зависела от степени радикализации движения Талибан и жесточенности афганского конфликта.

В целом, в ходе событий 1997 года ННГ Центральной Азии (кроме Туркменистана) продемонстрировали, что победа движения Талибан не приемлема и не желательна. Причем, такие настроения в столицах ННГ Центральной Азии всегда были готовы поддержать Россия и Иран. То есть, активность движения Талибан в Афганистане

сближала позиции ННГ Центральной Азии, России и Ирана в афганском вопросе, что объективно создавало препятствия для укрепления геополитического влияния США в регионе Центральной Евразии.

2.9. Наступление талибов в августе-сентябре 1998 года и перспективы системы безопасности Центральной Азии

Очередная попытка разрешения афганского конфликта в свою пользу была предпринята движением Талибан летом 1998 года.

Внутренние противоречия в рядах антиталибского альянса, обострившиеся с мая 1997 года, времени двойного мятежа узбекского генерала Малика, к лету 1998 года заметно ослабили позиции альянса на Севере Афганистана. Генералу Дустуму, вернувшемуся из вынужденной эмиграции в сентябре 1997 года, так и не удалось восстановить единство узбекской общины Афганистана, а, следовательно, и ее позиции на севере страны. Узбекская община к лету 1998 года стала слабейшим звеном антиталибского альянса. События 1997 года привели к тому, что впервые за годы афганского конфликта, оказался нарушен принцип этнической солидарности узбекского меньшинства, который в условиях раздробленности в Афганистане, позволял узбекам доминировать на афганской политической сцене.

Попытка генерала Дустума восстановить монолитность узбекской общины в течение осени 1997 - лета 1998 гг. оказались в целом неудачными. Часть афганских узбеков не стремилась к восстановлению политического единства узбекской общины под флагом генерала Дустума. Так как это означало продолжение войны с движением Талибан с весьма вероятной перспективой военного поражения и вполне возможными репрессиями со стороны победителей. В этом случае, принцип этнической солидарности трансформировался бы в принцип этнической ответственности. Тем более что кратковременный переход узбеков в мае 1997 года на сторону движения Талибан, наглядно продемонстрировал принципиальную готовность части афганских узбеков примкнуть к потенциальному победителю.

Поэтому, не случайно новое наступление движения Талибан летом 1998 года началось именно на позиции афганских узбеков на Западе Афганистана. 12 июля 1998 года отряды талибов захватили провинцию Фарьяб к западу от Мазари-Шарифа, столицы антиталибского альянса и ее административный центр г. Меймене. Провинция Фарьяб и город Меймене являются одним из исторических центров проживания узбеков на территории современного Афганистана. В конце XIX века здесь существовало самостоятельное узбекское княжество Меймене. Из этого города родом один из лидеров узбекской общины генерал Абдул Малик. Именно здесь в мае 1997 года он начал восстание против традиционного лидера афганских узбеков - генерала Дустума.

Столь быстрый захват Меймене и провинции Фарьяб мог быть возможен только в случае перехода части местных узбекских полевых командиров на сторону движения Талибан. Тем самым был нанесен самый серьезный удар по единству узбекской общины и по позициям антиталибского альянса. Впервые, этническая солидарность афганских узбеков оказалась нарушена вплоть до сепаратного перехода их части на сторону другого политического лагеря. До сих пор узбеки в Афганистане проявляли этническую солидарность в рамках своей общины. Так было в апреле 1992 года, когда узбеки под командованием генерала Дустума отказали в поддержке правительству Наджибуллы. Аналогичная ситуация сложилась в мае 1997 года, когда узбекская община, теперь уже

под руководством генерала Малика сначала перешла на сторону движения Талибан, а затем, через 3 дня вернулась обратно в состав антиталибской коалиции. Даже осенние столкновения 1997 года в узбекской общине между сторонниками и Дустума и Малика проходили в пределах одной политической программы. Оба генерала и их сторонники входили в состав антиталибского альянса.

Переход части афганских узбеков на сторону движения Талибан означал, что остальным членам узбекской общины придется определить свои позиции, как по отношению к движению Талибан, так и к перспективам антиталибского альянса.

Уже в начале августа 1998 года, скорее всего колебания в рядах узбекской общины были закончены. В течение 2-4 августа 1998 года отряды талибов захватили провинции Джаузджан и Балх с преимущественно узбекским населением. Под контроль талибов перешел город Шиберган, родина генерала Дустума. Фактически, в начале августа узбекская община Афганистана капитулировала перед движением Талибан и это предопределило общий крах антиталибского альянса. После перехода узбеков на сторону движения Талибан окончательное поражение антиталибской коалиции стало лишь вопросом времени.

В середине августа талибы заняли город Мазари-Шариф, 25 августа ими была захвачена провинция Баглан к северу от перевала Саланг, населенная сторонниками секты исмаилитов. Исмаилиты, религиозное направление в шиитском исламе, возглавляемые на территории Афганистана семьей Надери, практически все время афганского конфликта ориентировались на союз с узбекской общиной и генералом Дустумом. Исмаилиты были одни из наиболее последовательных сторонников автономии в Афганистане национальных и религиозных меньшинств, что делало их оппонентами стремления движения Талибан и этнических пуштунов восстановить централизованное афганское государство. Однако без афганских узбеков способность исмаилитов поддерживать свою локальную автономию была минимальной. Капитуляция узбеков предопределила крах исмаилитов. В результате не смогли удержаться в провинции Бамиан и шииты-хазарейцы, игравшие ранее ключевую роль в антиталибском альянсе. Отряды движения Талибан оккупировали Бамиан в начале сентября 1998 года.

По сути дела, единственной организованной силой, выступающей против движения Талибан, в Северном Афганистане к октябрю 1998 года остались только формирования таджиков Ахмад Шах Масуда.

В сентябре 1998 года талибы вышли к границе с Узбекистаном и в ряде мест, вплотную подошли к таджикской границе.

Таким образом, к началу осени 1998 года движение Талибан практически полностью взяло под свой контроль территорию Афганистана, ликвидировав большинство независимых анклавов на Севере страны, выполнявших, в том числе, и функции буфера для системы безопасности Новых Независимых Государств Центральной Азии.

В ходе событий лета - начала осени 1998 года антиталибский альянс практически прекратил свое существование. Некогда влиятельный союз, объединявший в момент своего расцвета осенью 1996 года после взятия талибами Кабула, все оппозиционные движению Талибан афганские военно-политические группировки, потерпел сокрушительное поражение. В итоге рухнула система псевдогосударственных объединений на Севере Афганистана, выполнявших роль буфера, для ННГ Центральной

Азии и являвшихся важной составной частью системы безопасности, сложившейся в регионе после распада СССР.

В то же время, крах важного элемента системы безопасности ННГ Центральной Азии не вызвал глобального потрясения самой системы безопасности. В аналогичной ситуации осенью 1996 года и в мае 1997 года в столицах ННГ Центральной Азии проявляли гораздо больше беспокойства по поводу побед движения Талибан и степени угроз, возникающих в связи с этим для безопасности южных границ Содружества Независимых Государств. Например, сразу после взятия талибами Кабула в конце сентября 1996 года, в столице Казахстана Алматы 4 октября прошла представительная встреча глав государств ННГ Центральной Азии, за исключением Туркменистана, а также премьер-министра России В. Черномырдина. Именно после этой встречи фактически и был создан антиталибский альянс. В течение следующего 1997 года ННГ Центральной Азии, Россия и Иран не раз объявляли о неприемлемости окончательной победы движения Талибан и призывали к созданию коалиционного правительства с участием всех сторон, участвующих во внутриафганском конфликте.

В августе-сентябре 1998 года реакция в ННГ Центральной Азии на победы талибов и сокрушительное поражение антиталибского альянса была более сдержанной. Главным событием, несомненно, можно считать узбекско-российские переговоры, которые прошли в Ташкенте 4 августа с участием министра обороны Узбекистана Х. Турсунова, первого заместителя министра обороны Российской Федерации, начальника Генерального штаба А. Квашнина, а также министра иностранных дел Узбекистана А. Камилова и первого заместителя министра иностранных дел РФ Б. Пастухова. На переговорах стороны подтвердили право принять “необходимые меры по укреплению своих внешних границ в соответствии с Договором о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года”⁶⁶. Однако, никаких чрезвычайных мер в отношении афганского конфликта предпринято не было.

Встречу в Ташкенте 4 августа, несомненно, необходимо рассматривать как непосредственную реакцию России и Узбекистана на события 2-4 августа в Афганистане, когда под контроль талибов за 3 дня перешли две провинции с преимущественно узбекским населением - Джаузджан и Балх. В этом случае, становится очевидным, что на встрече в Ташкенте не было принято никаких решений по нейтрализации последствий краха фронта антиталибской коалиции. Так как в ближайшие несколько недель после ташкентской встречи антиталибский альянс потерял последние позиции на Севере страны, включая крупнейший город Мазари-Шариф. Кроме того, были окончательно разгромлены основные формирования антиталибского альянса, за исключением таджиков Ахмад Шах Масуда.

Тем самым, на ташкентской встрече российских и узбекских военных было продемонстрировано нежелание ввязываться в события в Афганистане, даже в смысле усиления поддержки антиталибского альянса. Так как это неминуемо привело бы к росту военных, материальных и политических затрат для стран Центральной Азии, что было неприемлемо, как с экономической, так и с геополитической точек зрения.

Результаты встречи в Ташкенте имели далеко идущие последствия. Вопрос заключался не в том, что понимание угрозы со стороны радикального движения сторонников идей “чистого ислама” Талибан для светских государств Центральной Азии стала меньше по сравнению с 1996 или 97 годами. Вопрос в том, что изменилось содержание понятия региональной системы безопасности для Новых Независимых Государств Центральной Азии.

Ключевую роль в определении отношения к афганскому конфликту сыграла позиция официального Ташкента. Если иметь в виду, что именно после встречи в Ташкенте 4 августа 1998 года был практически разгромлен антиталибский альянс, то логично было бы предположить, что в Узбекистане, и было принято решение о переходе к стратегической обороне на афганском направлении. Причем, очевидно, что принятие и поддержка этого решения со стороны России во многом носили вынужденный характер.

Известно, что Россия и Иран являются одними из принципиальных противников движения Талибан. Причем, это противостояние имеет ярко выраженные геополитические основания. Во многом, афганский вопрос до 1998 года сближал позиции России, Ирана и ННГ Центральной Азии. С учетом той роли, которую Россия и Иран играли в противостоянии движению Талибан, Тегеран и Москва обладали значительным влиянием в стратегически важном центральноазиатском регионе. При этом важно отметить, что усиление движения Талибан создавало угрозу в первую очередь геополитическим интересам России и Ирана. В то время, как для ННГ Центральной Азии устремления движения Талибан создавали прямую реальную угрозу дестабилизации в основном в силу давления радикальных форм ислама на светские государственные структуры. В этом заключалась принципиальная разница в понимании проблем безопасности региона между ННГ Центральной Азии, с одной стороны, и Россией с Ираном, с другой.

До определенного момента было естественным, что давление со стороны движения Талибан привело Россию, Иран и ННГ Центральной Азии к созданию антиталибского альянса, который должен был выполнять функции буфера, ограждающего центральноазиатский регион от негативного влияния со стороны зоны афганского конфликта.

Однако, неблагоприятное развитие ситуации в Афганистане, связанное с усилением движения Талибан летом 1998 года и неспособностью антиталибской коалиции преодолеть внутренние разногласия, привело к изменению геополитической ситуации для ННГ Центральной Азии. Антиталибский альянс катастрофически быстро терял свое главное преимущество существования в качестве буфера для ННГ Центральной Азии - отсутствие политических рисков и необходимости нести серьезные материальные и военные затраты.

Иран и Россия, со своей стороны, сделали максимум возможного, чтобы сохранить антиталибский альянс, а значит и свое геополитическое влияние в регионе. Кульминацией усилий Ирана и России можно считать межтаджикские соглашения 1997 года, которые были призваны обеспечить стратегический тыл формированиям антиталибского альянса.

Тем не менее, политический риск для стран Центральной Азии постоянно возрастал. Если увеличить поддержку антиталибской коалиции, то было возможно дальнейшее углубление конфликта, которое потребует от ННГ Центральной Азии больших затрат. Кроме того, продолжение военных действий могло спровоцировать рост беженцев из Афганистана, что представляет прямую угрозу безопасности этих стран. Соответственно, главная задача заключалась в том, что необходимо было сохранить режим изоляции зоны афганского конфликта без активного вмешательства во внутренние дела Афганистана. Следовательно, антиталибский альянс к лету 1998 года объективно перестал выполнять функции буфера, ограждающего ННГ Центральной Азии от влияния извне. Соответственно, его существование перестало ассоциироваться с фактором обеспечения безопасности региона Центральной Азии.

Для России и Ирана такая логика развития событий была нежелательна. Поражение антиталибского альянса означало сокращение степени влияния Москвы и Тегерана в регионе. Кроме того, возможный разгром шиитов-хазарейцев и таджиков Масуда лишал Россию и Иран инструментов влияния в регионе.

И Россия и Иран в принципе были готовы оказать поддержку антиталибскому альянсу, например, увеличением поставок вооружения и боеприпасов с тем, чтобы повысить его способность к сопротивлению. Но для этого им требовалось согласие ННГ Центральной Азии и в первую очередь Узбекистана.

Узбекистан занимал ключевое место в обеспечении системы безопасности ННГ Центральной Азии на афганском направлении. Минуя территорию Узбекистана, было невозможно доставить какие - либо грузы в зону, контролируемую антиталибским альянсом. Кроме того, после 2 августа 1998 года, захвата афганских провинций Балх и Джаузджан, талибы полностью взяли под контроль туркменско - афганскую границу. Соответственно, коммуникации антиталибского альянса с внешним миром стали возможны только через территории Узбекистана и Таджикистана. При этом все коммуникации Таджикистана проходили через территории Узбекистана и Кыргызстана.

Поэтому, очевидно, что в решении - не оказывать помощь антиталибскому альянсу, которое и привело к его краху, основную роль сыграло мнение Ташкента. 4 августа в Ташкенте высокопоставленные представители российских военных и дипломатических кругов, очевидно, не сумели убедить Ташкент в необходимости согласованных действий в Афганистане. В то время как узбекские представители, возможно, стремились убедить Москву не предпринимать сепаратных действий в поддержку антиталибского альянса.

Лишний раз подчеркнул нежелание ННГ Центральной Азии втягиваться в войну в Афганистане так называемы “Ошский инцидент”. 9 сентября 1998 года сотрудники Министерства национальной безопасности Кыргызстана (МНБ) арестовали на станции Ош в кыргызской части Ферганской долины эшелон с грузом оружия, боеприпасов и продовольствия. Содержимое прибывших в Ош 16 железнодорожных вагонов должны были перегрузить на грузовики и отправить по Памирскому тракту в Горный Бадахшан на территории Таджикистана, а затем в Северный Афганистан, предположительно формированиям Ахмад Шах Масуда/[67](#).

Тем самым, фактически правительство Кыргызстана “засветило” для мирового общественного мнения канал по доставке оружия и боеприпасов в Афганистан формированиям Ахмад Шах Масуда. Представители России и Ирана были вынуждены оправдываться в связи с этим фактом. Естественно, что маршрут через Ош, Памир и далее в Афганистан, наверняка, существовал довольно давно и внезапное “прозрение” кыргызских официальных лиц, скорее всего, связано с изменением точки зрения Бишкека на афганскую проблематику. Намерения Бишкека вполне прозрачны. Если единственный возможный канал доставки оружия Ахмад Шах Масуда перестанет функционировать, то его отряды не смогут долго удерживать позиции против движения Талибан, а значит, война в Афганистане завершится.

Если предположить, что действия Ташкента и Бишкека согласованы в главном, то встает вопрос о гарантиях безопасности, которые должны были быть даны узбекскому и кыргызскому руководству. Такие гарантии могли иметь только одну форму выражения - наступательный порыв движения Талибан будет остановлен на границах ННГ Центральной Азии и Афганистана.

В этом случае сохраняется неизменным режим изоляции зоны афганского конфликта, а значит, и возможности движения Талибан оказывать давление на светские государства Центральной Азии. Для этого в первую очередь необходима прочная оборона границ с Афганистаном и гарантии невозможности усиления боевых возможностей движения Талибан. Такие гарантии мог дать только Пакистан и, возможно, США. Мы уже отмечали, что не в интересах этих государств дестабилизация положения в стратегически важном регионе Центральной Азии. Гипотетический бросок радикально настроенных талибов на север в Бухару, Самарканд и далее невозможен без соответствующего усиления их боевых возможностей, а значит, в настоящий момент и нереален. В связи с этим, совершенно иной смысл приобретает российское военное присутствие на южных рубежах ННГ Центральной Азии. Россия продолжает играть значительную роль в военном сдерживании движения Талибан. Одновременно заметно снижаются возможности Москвы играть активную роль в “Большой Геополитической игре” в регионе Центральной Азии. В этом случае Москва уступает лидирующую роль в региональной политике Узбекистану, который объективно становится лидером в определении новой редакции системы безопасности для Центральной Азии. Реально, после событий августа-октября 1998 года зона ответственности России за безопасность центральноазиатского региона сокращается до ответственности за безопасность только одной страны региона - Таджикистана.

Однако движение радикальных сторонников чистого ислама Талибан имеет свою точку зрения на многие вещи, отличную от мнения, например, Исламабада и Вашингтона. Особенно это касается поддержки ряда террористических организаций фундаменталистского толка, включая Осаму бин - Ладена, саудовского миллионера, стоящего за взрывами американских казарм в Саудовской Аравии, посольств США в Кении и Танзании. В этой связи ракетные удары ВМС США по базам террористов в Афганистане в зоне ответственности движения Талибан 20 августа 1998 года выглядят как оказание прямого давления на движение Талибан. Сразу после американских ракетных ударов своего представителя из Афганистана отозвала Саудовская Аравия, одна из трех стран, признавших движение Талибан в мае 1997 года. Одновременно, американская компания UNOCAL отказалась до лучших времен от планов строительства газопровода из Туркменистана в Пакистан. Фактически, в момент наивысшего триумфа движения Талибан, на его позиции было оказано серьезное давление с целью ослабить наступательный порыв талибов на южных границах бывшего СССР.

В это же время, потеряв инструмент влияния на ситуацию внутри Афганистана после разгрома шиитов-хазарейцев в горном Хазарджате (провинция Бамиан), активизировал свои усилия Иран. Воспользовавшись в качестве повода убийством при взятии Мазари - Шарифа талибами 10 иранских дипломатов и корреспондента агентства ИРНА, Иран в течение августа - октября 1998 года провел ряд военных учений вблизи границы с Афганистаном. В учениях принимало участие от 200 до 270 тысяч военнослужащих, что составляло почти треть от общего состава иранской армии и Корпуса стражей исламской революции. Во многом, эти учения должны были компенсировать потерю проиранского анклава в Центральном Афганистане и не допустить снижения влияния Ирана на ситуацию в регионе Центральной Азии.

Все эти события показали, что, несмотря на решительные победы движения Талибан, все заинтересованные стороны не желали бы выхода талибов за пределы границ Афганистана, равно как были обозначены возможности и направления давления на талибов в пределах контролируемых ими территорий. Фактически, движению Талибан предоставили возможность победить в масштабах Афганистана, сохранив возможности оказания давления на него. Следовательно, границы Афганистана с ННГ Центральной Азии

должны продолжать сохранять закрытый характер при максимальной концентрации усилий по их защите.

При этом усиление движения Талибан в настоящий момент исключается вследствие позиции Пакистана, как страны имеющей тесные отношения с Вашингтоном. Одно дело способствовать наступлению талибов на позиции антиталибского альянса внутри Афганистана и совсем другое - усиливать талибов для наступления на границы новых независимых государств Центральной Азии. Движение Талибан на конец 1998 года фактически выполнило свою функцию - объединения Афганистана в качестве меры, призванной обеспечить открытие транспортных коридоров из Пакистана в страны Центральной Азии. Теперь на первый план выходит ограничение собственных политических амбиций движения Талибан, которые носят опасный характер, как для стабильности Новых независимых государств Центральной Азии, так и для геополитических интересов США в регионе. На первом этапе, после возможной скорой окончательной победы движения Талибан в Афганистане, будет достаточно только обозначить начало движения торговых караванов из Пакистана в Центральную Азию. В некоторой степени, это уже частичное решение геополитических устремлений Исламабада, толкнувших в свое время Пакистан к поддержке движения радикальных сторонников "чистого ислама" из афганского движения Талибан.

В любом случае, геополитическая реальность в регионе Центральной Азии летом-осенью 1998 года приобрела новые очертания, произошла очевидная перестановка сил. Однако главное для ННГ Центральной Азии заключается в том, что и в новых условиях в основе системы безопасности Центральной Азии продолжает оставаться режим изоляции зоны афганского конфликта.

Заключение

К концу 1998 года были фактически подведены промежуточные итоги сложного двадцатилетнего периода афганской истории, начавшегося вследствие апрельской революции 1978 года. В ходе апрельской революции часть афганской традиционной элиты предприняла весьма радикальную попытку преодолеть отсталость Афганистана, которая была более чем очевидна по сравнению, как с другими странами мусульманского мира, так и с его ближайшими соседями. Отсталость Афганистана была во многом предопределена его буферным статусом между интересами в регионе сначала Российской и Британской империй, затем геополитическими интересами Советского Союза по изоляции советской Средней Азии от внешнего влияния в качестве ключевого элемента системы безопасности СССР в южном направлении.

В ходе двадцатилетней войны в Афганистане были почти полностью разрушены структуры государственного управления и практически все достижения модернизации. В результате перманентной междоусобной войны многочисленных военно-политических группировок произошло общее ослабление власти традиционной элиты и большая часть страны в итоге попала под контроль радикального движения сторонников "чистого ислама" Талибан. На конец 1998 года организованное сопротивление в Афганистане движению Талибан оказывали только формирования Исламского общества Афганистана (ИОА) под руководством "президента" Раббани и "министра обороны" Ахмад Шах Масуда.

Среди главных результатов 1998 года можно считать то, что новое геополитическое положение в Центральной Азии, в связи и вследствие развития афганского конфликта, существенно снизило влияние России в регионе. Российская войсковая группировка в

Таджикистане оказалась изолирована в пределах этой небольшой центральноазиатской страны. В то же время, все наземные коммуникации этой группировки проходили через территории Узбекистана и Кыргызстана, что в новой геополитической ситуации в связи с афганским конфликтом означало повышение зависимости присутствия России в Центральной Азии. Тем самым, при изменившихся внешних условиях влияние России в регионе превратилось из доминирующего в подчиненное. Возможности Москвы в силу изменения геополитической ситуации вокруг Центральной Азии и Афганистана резко снизились.

Россия в августе-сентябре 1998 года была фактически вынуждена согласиться с крахом антиталибского альянса. Пока существование антиталибского альянса являлось важным элементом системы безопасности ННГ Центральной Азии, поддержка России и Ирана была более чем необходима. Как только продолжение войны антиталибского альянса с движением Талибан и особенно его возможное поражение, а также ожидаемые последствия такого поражения стали представлять реальную угрозу безопасности ННГ Центральной Азии, система безопасности ННГ Центральной Азии на афганском направлении перестала нуждаться в услугах Москвы и Тегерана. Причем, иранское руководство в принципе нашло способ компенсировать потерянное влияние на ситуацию в Афганистане после разгрома талибами проиранских организаций шиитов-хазарейцев. Тегеран оказал психологическое давление на движение Талибан, сосредоточив около афганско-иранской границы группировку своих войск численностью в 200-270 тысяч человек, что составляет почти треть общей численности иранской армии и Корпуса стражей исламской революции (КСИР).

Положение России в Центральной Азии было более уязвимым, в силу зависимости российской группировки в Таджикистане от коммуникаций, проходивших через территории Узбекистана и Кыргызстана. Единственным серьезным аргументом, который пока позволяет России сохранять реальное влияние в регионе Центральной Азии, остается только продолжение существования на территории Афганистана оппозиционной движению Талибан военно-политической группировки Раббани/Масуда. До тех пор, пока отряды Масуда продолжают удерживать свои позиции в афганских провинциях около границы с Таджикистаном, а также в Панджшерском ущелье и около Кабула, новая геополитическая ситуация в регионе не может считаться устоявшейся. Хотя группировка Раббани/Масуда на конец контролирует менее 10% территории Афганистана, именно “правительство” Раббани по инерции пользуется международным признанием и занимает место Афганистана в ООН. В то время как, радикальное движение Талибан до этого момента официально признано только тремя странами - Пакистаном, Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами. Из числа этих стран Саудовская Аравия отозвала осенью 1998 года своего представителя из Афганистана до определения обстановки.

В нынешней военно-стратегической обстановке в Афганистане группировка Масуда в этой стране и российская войсковая группировка в Таджикистане объективно взаимозависимы друг от друга. Без армии Масуда, ведущей борьбу против талибов на Севере Афганистана, мощная российская группировка в Таджикистане будет обеспечивать влияние Москвы только в этой стране. При продолжении существования армии Масуда в Афганистане российское влияние будет продолжать оставаться важным фактором любых систем региональной безопасности.

Во многом, именно в этом русле следует рассматривать события, связанные с “Ошским инцидентом”, мятежом полковника Худайбердыева в Северном Таджикистане и последовавшим охлаждением отношений Ташкента с Россией и Таджикистаном. 30

ноября президент Узбекистана Ислам Каримов на пресс-конференции, посвященной визиту президента Кыргызстана Аскара Акаева, сделал несколько резких заявлений в адрес некоторых российских спецслужб и Таджикистана/[1](#). 4 декабря поступило сообщение о фактическом закрытии автодорог, связывающих Таджикистан с внешним миром/[2](#). Цепь событий конца 1998 года в районах Центральной Азии, непосредственно примыкающих к Афганистану, скорее всего, связана с изменившимся пониманием геополитической ситуации в регионе и угроз безопасности Новым Независимым Государствам. В этой связи, продолжение войны в Афганистане в той или иной форме не отвечает интересам безопасности ННГ Центральной Азии. Поэтому продолжение боевых действий отрядов Масуда против движения Талибан сохраняет те угрозы, которые были связаны с возможной эскалацией афганского конфликта и появлением потоков беженцев из этой страны на территории ННГ Центральной Азии.

Быстрая победа движения Талибан в масштабах всего Афганистана означала бы прекращение войны в этой стране. А в условиях критического отношения в мире к радикально настроенному движению сторонников “чистого ислама”, режим взаимной изоляции территорий Афганистана и ННГ Центральной Азии был бы сохранен. Внезапное “прозрение” официальных лиц Кыргызстана в ходе “Ошского инцидента” в отношении транспортировки оружия и боеприпасов отрядам Масуда через кыргызскую территорию, наверняка имело своей целью ослабить его возможности к сопротивлению. Действительно, способность Масуда вести активные боевые действия в Афганистане напрямую зависит от возможности получать оружие и боеприпасы.

После взятия талибами в августе-сентябре 1998 года гг. Мазари-Шариф и Хайратон, единственная возможная линия коммуникаций для снабжения отрядов Масуда проходила из кыргызского города Ош, расположенного в Ферганской долине по Памирскому тракту через территорию таджикского Горного Бадахшана и далее в Афганистан. После “Ошского инцидента” этот вариант транспортировки грузов был практически закрыт. Маловероятно, что в связи с особой позицией Ташкента по афганскому вопросу в новых геополитических условиях, доставка военных грузов в Северный Афганистан могла проходить по узбекской территории. Отсутствие у Масуда аэродромов делало невозможным использование воздушных путей. Соответственно, после “Ошского инцидента” проблема сохранения Масуда приобрела для России основной характер, как с точки зрения геополитических интересов, так и вопросов безопасности территории Таджикистана. Возможное поражение Масуда могло привести к переходу масс беженцев и вооруженных отрядов из Афганистана на территорию Таджикистана, что не могло не дестабилизировать ситуацию, как на территории этой страны, так и, возможно, во всем регионе Центральной Азии.

В любом случае, охлаждение отношения Узбекистана и Кыргызстана к идее поддержки антиталибских образований на территории Афганистана, выполняющих роль буфера, ограждающего ННГ Центральной Азии от давления со стороны движения Талибан, резко снижает возможности России проводить самостоятельную политику в регионе. После вывода российских пограничников из Кыргызстана, которое должно пройти до конца 1998 года, у Москвы не будет больше возможностей контролировать наземные пути сообщений из Таджикистана, изолированного от внешнего мира территориями Узбекистана и Кыргызстана. В этом случае, изоляция российской группировки в Таджикистане примет глобальный характер.

Российская войсковая группировка на территории Таджикистана является одной из самых мощных в Центральной Азии. Российские войска состоят из двух компонентов - пограничников численностью до 20 тысяч человек и 201 мотострелковой дивизии,

насчитывающей около 7 тысяч человек (из них более 1.5 тысяч офицеров), 4 пусковые установки тактических ракет, около 200 танков, 470 боевых бронированных машин, 220 орудий и минометов, 18 реактивных установок залпового огня, противотанковые средства, зенитно-ракетные комплексы. Кроме того, правительственная армия Таджикистана насчитывает до 11 тысяч человек, имеет около 200 БТР, 35 танков, более 200 орудий и минометов. Около 8 тысяч человек входило в отряды Объединенной Таджикской оппозиции/3. На территории Таджикистана расположены также казахстанский и кыргызский батальоны. В то время как узбекский батальон, выполнявший аналогичные функции, был осенью 1998 года выведен на родину.

Столь мощная военная группировка имела большое значение в условиях, когда было необходимо поддерживать изоляцию зоны афганского конфликта, как важного фактора безопасности ННГ Центральной Азии. Теперь же часть ННГ Центральной Азии фактически оказывает давление на Россию с тем, чтобы заставить ее снизить свою активность в регионе и отказаться от поддержки отрядов Масуда в Афганистане. Здесь очевидно полагают, что прямая угроза прорыва бывшей советской границы отрядами движения Талибан выглядит нереальной. Активные боевые формирования движения Талибан никогда не превышали 20 тысяч человек/4. Все случаи усиления движения Талибан, по мнению разных наблюдателей, связаны с политикой Пакистана в регионе. Кроме того, немаловажно, что ограниченные боевые возможности движения Талибан говорят о низкой степени контроля со стороны талибской администрации положения в пуштунских районах страны. Движение Талибан не может обеспечить мобилизацию потенциально значительных военных сил в стране, которая двадцать лет ведет перманентную войну.

Афганские пуштуны обладают большими боевыми возможностями. Еще до апрельской революции 1978 года “по оценкам афганского военного командования, только крупные племена в полосе к югу и юго-востоку от линии Джелалабад-Газни-Кандагар могли выставить не менее 350-400 тысяч вооруженных ополченцев”/5. Однако, слабостью пуштунских ополчений всегда была низкая степень организации. “Ополчения племен не представляют в общенациональном плане какого-то единого и сплоченного целого и трудно поддавались взаимодействию в силу имевших место межплеменных трений и конфликтов”/6. Движение Талибан, при всей его жесткости, объективно не может контролировать положение в автономных и полуавтономных районах страны с пуштунским населением. Отсутствие государственных институтов в Афганистане и разрушение традиционных системных связей между пуштунскими племенами и афганским государством, снизило степень заинтересованности основной массы пуштунов Юга и Юго-Востока страны в судьбах государства в целом.

У многих афганских пуштунов после 20 лет войны, не было стремления противостоять движению Талибан, равно как и не было желания поддерживать его. Следовательно, хорошо организованная военно-политическая организация движения Талибан сравнительно легко смогла установить контроль над обществом с разрушенными системными связями. Движение Талибан заметно превосходило другие афганские военно-политические группировки по степени организации и настойчивости в реализации поставленных целей. Однако жесткая внутренняя организация и стремление следовать идеалам первоначальной мусульманской общины, оставили движение Талибан в своеобразной изоляции от афганского общества.

Стремясь построить первоначальную мусульманскую общину без последующих исторических наслоений и внешних заимствований, движение Талибан отказывается от самой идеи государственного строительства. В некотором смысле, афганское общество в

пуштунских районах и движение Талибан функционируют автономно друг от друга, так как отсутствие государственного строительства не дает возможность создать устойчивые связи между государством и обществом. Движение Талибан выступает как внешняя управляющая система по отношению к пуштунскому обществу в Афганистане. Поэтому в своей основе пуштунские районы не вовлекаются в радикальные эксперименты движения Талибан. Основные наиболее радикальные усилия талибов по установлению новых стандартов жизни концентрируются в столице Кабуле, где были наиболее сильны достижения модернизации, и в районах проживания национальных меньшинств, где проходили интенсивные бои талибов с формированиями антиталибской коалиции.

В любом случае, возможности движения Талибан организовать прорыв на Север в регион Центральной Азии, через бывшую советско-афганскую границу очень ограничены. Для этой цели талибы не смогут мобилизовать даже внутриафганские ресурсы. Не говоря уже о том, что такой прорыв должен иметь серьезную поддержку извне Афганистана. На сегодня нет оснований полагать, что какая-либо из внешних сторон была заинтересована в дестабилизации обстановки в Центральной Азии. В нынешней ситуации главным для государств Центральной Азии является способность на ближайшую перспективу сохранить режим изоляции от ситуации в Афганистане. Хотя прямой военной угрозы скорее всего не существует, всегда остается опасность экспорта критического потенциала, накопленного за годы многолетнего афганского конфликта, на территорию ННГ Центральной Азии. Возможности центральноазиатских государств противостоять негативному влиянию из зоны афганского конфликта, напрямую зависят от их способности сохранить достигнутые уровни модернизации и организации государства.

Таблица 1.

№	Районы Дагестана	Тарикатисты	"Ваххабиты"
1	Буйнакский	1000	820
2	Хасавюртовский	1170	460
3	Кизилюртовский	790	500
4	Цумадинский	575	475
5	Шамильский	480	37
6	Гумбетовский	430	37
7	Унцукульский	320	135
8	Казбековский	410	40
9	Гергебильский	410	30
10	Хунзахский	330	95
11	Цунтинский	280	126

Таблица 2.

Затраты на развитие в период семилетнего плана (1976/77 - 1982/83 гг.) в сравнении с фактическими расходами на развитие в предшествующие семь лет

	1969/70 - 1975/76 гг.	1976/77 - 1982/83 гг.
Всего: млн. USD	644	3.850
В т.ч. иностранная помощь млн. USD	289.7	2.533

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 1.

1. Зарипов Ш. Кочевники и полукочевники Афганистана - в сб. Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989. С. 119.
2. Темирханов Л. Восточные пуштуны. 1987. С.172.
3. Темирханов Л. Хазарейцы. М., 1972. □ С.34.
4. Зарипов Ш. Кочевники и полукочевники Афганистана - в сб. Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989. С. 119.
5. Васильев Л.С. История Востока. М., 1998. С. 29.
6. Темирханов Л. Восточные пуштуны. М., 1987. □ С. 150.
7. Аристова Л.Б. Социальная инфраструктура Афганистана (системы здравоохранения и просвещения в конце 70-ых - сер. 80-ых годов). - в сб. Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989. С. 100-101.
8. Скляр Л. Почему провалилась советская попытка “экспорта” революции в Гилян // Азия и Африка сегодня. 1997. № 12. С. 45.
9. Там же. С. 47.
10. Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. М., 1988. С. 380.
11. Празаускас А. От Российской империи к Союзу ССР // Вестник Евразии. 1996, № 1(2). С.127.
12. Темирханов Л. Восточные пуштуны. М., 1987. С. 160.
13. Васильев Л. История Востока. М., 1998. Т.2. С. 40.
14. Васильев Л. История Востока. М., 1998. Т. 2. С.32.
15. Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. С. 7.
16. Ашрафян К.З. Шариат и власть в мусульманских государствах средневековой Индии. // Восток/Oriens. 1995, № 1. С. 75.
17. Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. □С.30.
18. Васильев Л. История Востока. М. 1998 Т. С. 275.
19. Яковлев А. Король Фейсал.// Азия и Африка сегодня. 1995, № 1. С. 46-47.

20. Там же. С. 47.
21. Тураджаев В., Миронов Л. Нефтью можно и захлебнуться // Азия и Африка сегодня. 1997, № 2. С. 7.
22. Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях. М., 1998. С. 27.
23. Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. С. 33.
24. Независимая газета. №46 от 18 марта 1998 г.
25. Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. С. 11.
26. Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. С. 42.
27. Ланда Р.Г. Есть ли будущее у исламского фундаментализма в Алжире.// Восток/Oriens. 1993, №1. С. 140-141.
28. Независимая газета. №46 от 18.03.1998.
29. В. Войнов. Саудовская Аравия на перепутье.// Азия и Африка сегодня. 1997, № 2. С. 51.
30. Независимая газета. 14.05.1998.
31. Известия. 25 августа 1998.
32. Акаев В. Чечня. Суфийские братства и ваххабиты. // Азия и Африка сегодня. 1998, № 6. С. 48.
33. Левин С.Ф. Пуштунская фракция крупной мусульманской буржуазии Пакистана. - в сб. Ислам и социальные структуры стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1990. С. 18.
34. Независимая газета, 1998 год, номер 44 от 14.03.98.
35. Брутенц К. Тридцать лет на Старой площади. М., Международные отношения. 1998. С.463.
36. Там же. С. 467.
37. Агаев С.Л. Иран: между прошлым и будущим. М., 1987. С. 46.
38. Современная Азия. Справочник. М., 1977. С. 163.
39. Агаев С.Л. Иран: между прошлым и будущим. М., 1987. С. 79.
40. Там же. С. 79.
41. Там же. С. 83.
42. Donini A. The Policies of Mercy: UN Coordination in Afganistan, Mozambique, and Rwanda. 1996. P. 24.
43. Иващенко А.С. Гуманитарная помощь США афганским беженцам и перемещенным лицам // Восток/Oriens. 1993, № 3. С. 61.
44. Хашимбеков Х. Узбеки Северного Афганистана. ИВ РАН. М., 1998. С. 50.
45. Зарубежное военное обозрение. 1998, №1. С. 43.
46. История вооруженных сил Афганистана. М., 1985. С. 120.
47. А. Давыдов. Афганистан. Талибы стремятся к власти // Азия и Африка сегодня. 1997, №7. С. 47.
48. Руа О. Борьба за Афганистан: Фундаментализм и региональные стратегии власти // Internationale Politik, 1997. №8. P. 26.
49. Kangas R.D. Scenarios for the Future of the Afgan State // Central Asia. Area Study Centre. University of Peshawar. 1994, №35. P. 99-128.
50. Темирханов Л. Восточные пуштуны. М., 1987. С. 149.
51. Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов. - в сб. Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989. С. 44.
52. Там же. С.45.
53. Ганковский Ю. В бой вступают талибы // Азия и Африка сегодня. 1995, №7. С. 32.

ГЛАВА 2.

1. Милославский Г.В. Центральная Азия в евразийской перспективе // Восток/Oriens. 1996, №5. С. 8.

2. Там же. С.8.
3. Махмудов Э.Р. Афганистан: основные этапы эволюции государственной политики в области индустриализации. (1919-78 гг.) - в сб. Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989. С. 160.
4. Милославский Г.В. Центральная Азия в евразийской перспективе // Восток/Oriens. 1996, №5. С. 9.
5. Олимова С.К., Олимов М.А. Независимый Таджикистан: трудный путь перемен // Восток/Oriens. 1995, № 1. С. 135.
6. Там же. С. 136.
7. Ниязи А. Таджикистан. Ислам и общество // Азия и Африка сегодня. 1997, №7. С. 28.
8. Rubin V. Tajikistan: From Soviet Republic to Russian-Uzbek Protectorate - in Central Asia & the world. New York, 1994. P. 215
9. Микульский Д. В. Исламская партия возрождения Таджикистана (история создания, структура, идеологические установки) // Восток/Oriens. 1994, №6. С. 50.
10. Эксперт №32 от 31.08.1998.
11. А. Давыдов. Афганистан. Талибы стремятся к власти // Азия и Африка сегодня. 1997, №7. С. 44.
12. Афганский узел. Национальная служба новостей. 10 октября 1996. webmaster@nns.ru. С.2.
13. Там же. С.4.
14. Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов. - в сб. Афганистан. История, экономика, культура. М., 1989. С. 43.
15. Там же. С. 51.
16. См.: Monde Diplomatique. 1997. Janvier.
17. А. Давыдов. Афганистан. Талибы стремятся к власти // Азия и Африка сегодня. 1997, № 7. С. 46.
18. Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов. - в сб. Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989. С. 51.
19. Москаленко В. Пакистан-курс на Центральную Азию // Восток/Oriens. 1996, №5. С.84.
20. Там же. С. 82.
21. Ганковский Ю. В бой вступают талибы // Азия и Африка сегодня. 1995, № 7. С. 33.
22. Давыдов А. Афганистан. Талибы стремятся к власти // Азия и Африка сегодня. 1997, № 7. С. 46.
23. Мукиджанова Р.М. Государства Центральной Азии и их южные соседи // Восток/Oriens. 1996, № 5. С.59.
24. Федорова И.Е. Отношения Ирана и США в середине 90-х гг. - в сб. Исламская республика Иран в 90-е годы. М., 1998. С. 87.
25. Strategic Survey 1996/97. - London, Oxford Univ. Press for International Institute for Strategic Studies, 1997. P. 208.
26. Clark S. The Central Asian States: Defining Security Priorities and Developing Military Forces - in: Central Asia and the world. New York, 1994. P. 193-194.
27. Афганский узел. Национальная служба новостей. 10 октября 1996. webmaster@nns.ru. С.8.
28. Афганский узел. Национальная служба новостей. 10 октября 1996. webmaster@nns.ru. С.5.
29. Хашимбеков Х. Узбеки Северного Афганистана. ИВ РАН. М., 1998. С. 60.
30. ИТАР-ТАСС. 8 апреля 1997.
31. ИТАР-ТАСС. 27 марта 1997.
32. ИТАР-ТАСС. 16 апреля 1997.
33. ИТАР-ТАСС. 26 февраля 1997.

34. ИТАР-ТАСС. 18 апреля 1997.
35. ИТАР-ТАСС. 10 апреля 1997.
36. ИТАР-ТАСС. 22 апреля 1997.
37. Reuters. 30 мая 1997.
38. Reuters. 31 мая 1997.
39. Reuters. 31 May 1997.
40. Reuters. 22 June 1997.
41. Reuters. 28 June 1997.
42. Reuters. 8 July 1997.
43. Reuters. 1 July 1997.
44. Reuters. 11 July 1997.
45. Reuters. 8 июля 1997 г.
46. Rubin B.R. Tadjikistan: From Soviet Republic to Russian-Uzbek Protectorate. - in Central Asia & the World. New York, 1994. P. 217-218.
47. Reuters. 2 July 1997.
48. Reuters. 9 July 1997.
49. Reuters. 13 August 1997.
50. Reuters. 21 August 1997.
51. РИА-НОВОСТИ. 30 августа 1997.
52. ИТАР-ТАСС. 8 сентября 1997.
53. ИТАР-ТАСС. 7 сентября 1997.
54. Интерфакс. 19 августа 1997.
55. ИТАР-ТАСС. 8 сентября 1997.
56. ИТАР-ТАСС. 9 сентября 1997.
57. Reuters. 10 September 1997.
58. Reuters. 11 September 1997.
59. Reuters. 11 September 1997.
60. РИА-НОВОСТИ. 15 сентября 1997.
61. Reuters. 20 September 1997.
62. Reuters. 13 September 1997.
63. Reuters. 4 October 1997.
64. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Международные отношения. М., 1998. С. 157
65. Там же. С. 179.
66. Интерфакс. 5 августа 1998.
67. Известия. 15.10.98.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Известия. 2 декабря 1998.
2. Известия. 4 декабря 1998.
3. Зайченко В.М. Общественный контроль над военной сферой в Республике Таджикистан. - в сб. Парламентский контроль над военной сферой в новых независимых государствах. Центр политических и международных исследований. М., 1998. С. 231-232.
4. New York Times. July 27 1997.
5. История вооруженных сил Афганистана. М., Наука. 1985. С. 119.
6. Там же. С. 120.